

ФЕРНАН ГРЕНЬЕ

ДНЕВНИК
„СТРАННОЙ
ВОЙНЫ”

СЕНТЯБРЬ 1939 —
ИЮЛЬ 1940

ИЗДАТЕЛЬСТВО • ПРОГРЕСС •

FERNAND GRENIER

JOURNAL
DE LA
DROLE DE
GUERRE
SEPTEMBRE 1939
JUILLET 1940

EDITIONS SOCIALES
PARIS, 1969

ФЕРНАН ГРЕНЬЕ

**ДНЕВНИК
„СТРАННОЙ
ВОЙНЫ“**

**СЕНТЯБРЬ 1939 —
ИЮЛЬ 1940**

*Предисловие
ЭТЬЕНА ФАЖОНА*

*Перевод с французского
Б. С. Вайсмана
Редактор
Л. В. Келарев*

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕСС“
МОСКВА 1971

Редакция литературы по международным отношениям и истории

*Всем тем,
кто продолжает вести борьбу.
Памяти наших братьев и сестер,
павших в этой борьбе*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

То, о чем Фернан Гренье рассказывает в своей книге, интересно, необычно, поучительно. Книга охватывает строго определенный отрезок времени, который открывается началом военных действий в сентябре 1939 года и заканчивается июлем 1940-го, после того как Франция была разгромлена и у власти в стране оказались изменники.

Широкая публика лучше знает последовавший за этим период второй мировой войны. Ужасам нацистской оккупации, героической эпопее Сопротивления, славным дням освобождения Франции по праву посвящено много книг. Однако невозможно по-настоящему понять грандиозность этих событий, не зная, что же происходило в предшествовавшие им месяцы, в период так называемой «странной войны».

«Дневник «странной войны» проливает яркий свет на причины оккупации Франции и показывает, откуда она черпала силы для борьбы за свое освобождение. В том, что двадцать девять лет назад наша страна была повергнута во мрак, виноваты не ее доблестные солдаты и не те, кто могли бы стать ее союзниками, — вина за это лежит на недостойных правителях Франции, которые пожертвовали интересами национальной обороны в угоду касте привлеченных реакционеров и пораженцев. И если, говоря словами писателя-католика Франсуа Мориака, «только рабочий класс в массе своей остался верен поруганной Франции», то объясняется это, конечно, прежде всего тем, что в нашу эпоху именно рабочий класс олицетворяет интересы своей страны и ее будущее; это объясняется также и тем, что партия рабочего класса и ее бойцы, мужественно

пройдя через испытания «страшной войны», оказались подготовленными к грядущим лишениям и жертвам борьбы в подполье.

* * *

Книга Фернана Гренье не историческое исследование в том смысле, как это обычно принято понимать. Она ни в коей мере не ставит себе целью по прошествии тридцати лет воспроизвести всю совокупность фактов рассматриваемого в ней периода, отделить в них главное от второстепенного и сделать последовательные выводы из уроков еще столь памятного прошлого. У автора книги совсем иная задача: он просто-напросто делится с читателем заметками, которые в то время систематически заносил в свою записную книжку. Это бесхитростный дневник французского коммуниста, солдата одного из подразделений французской армии, плохо информированного о событиях, которые всячески искажались лживой пропагандой, оторванного от руководства своей партии, поставленной властями вне закона. «Единственное достоинство этого дневника состоит в том, — пишет Фернан Гренье, — что он является свидетельством очевидца...»

Но зато какое же это бесценное достоинство! Наблюдения солдата Гренье, иногда более, иногда менее значительные эпизоды, которые он отмечает, разговоры, которые он сам слышал и о которых рассказывает, поведение окружающих его людей, приводимые им выдержки из газет — все это служит великолепной иллюстрацией к событиям «страшной войны».

Позволю себе напомнить характерные черты этого удивительного периода нашей истории.

* * *

Трудно, пожалуй, найти мало-мальски серьезного человека, который стал бы отрицать, что непосредственной причиной второй мировой войны явилась агрессивная политика гитлеровской Германии и других фашистских государств, их стремление подчинить своему господству другие народы и повсюду истребить остатки демократии.

Эту агрессивность, эти свои притязания Гитлер даже и не пытался маскировать. В книге «Майн кампф»

(«Моя борьба») он открыто изложил доктрину превосходства германской расы, призванной, как он утверждает, господствовать над миром. Его книга дышит злобой и ненавистью к Франции, названной «заклятым врагом немецкого народа». В 1936 году Гитлер оккупировал Рейнскую демилитаризованную зону и оказал помощь мятежникам генерала Франко в Испанской республике. В 1938 году он аннексировал Австрию, потом благодаря мюнхенскому сговору расчленил Чехословакию. В марте 1939 года Гитлер приступил к захвату оставшейся части Чехословакии. Таким образом, Франция теряла одну за другой гарантии своей безопасности.

А между тем возможности для того, чтобы сорвать гитлеровские замыслы, существовали. Французский народ в своем подавляющем большинстве был настроен глубоко патриотически и резко антифашистски. Поначалу в Европе у него было немало союзников. В 1935 году был подписан договор о взаимопомощи между Францией и СССР. Чтобы образумить Гитлера, бесспорно, было бы достаточно, если бы правители Франции опирались на доверие народа, его патриотический порыв и выполняли принятые на себя международные обязательства.

* * *

К сожалению, крупная буржуазия, отнюдь не считавшая Гитлера врагом, уповала на него как на жандарма Европы, защитника привилегий капиталистов и поборника антикоммунизма. Вот почему ко всем его агрессивным актам руководители французской политики относились терпимо и всячески поощряли их. В Мюнхене это потворство превратилось в прямое сообщничество. Спустя два месяца министрами иностранных дел Германии и Франции Риббентропом и Боннэ была подписана франко-германская декларация, развязавшая Германии руки на Востоке, то есть, по существу, толкавшая ее к войне против СССР. Правители Франции, Великобритании и реакционной Польши отказали затем Советскому Союзу в законных гарантиях безопасности советских границ, а его вооруженным силам — в проходе через территорию Польши, чтобы в случае агрессии выступить против Германии. Советскому Союзу,

оказавшемуся под угрозой быть вовлеченным в войну при самых неблагоприятных для него условиях, не оставалось ничего другого, как заключить с Германией пакт о ненападении и таким путем избежать ловушки.

Одновременно внутри страны французское правительство развернуло ожесточенную борьбу против рабочего класса и завоеваний Народного фронта. Оно саботировало промышленное производство и национальную оборону, нанесло удар по профсоюзам, в то время как гитлеровская агентура действовала во Франции совершенно безнаказанно, подкупала прессу и заранее расчищала путь для агрессора.

Именно в такой обстановке и разразилась катастрофа, гитлеровская агрессия распространилась почти на всю Европу, и началась «странная война».

* * *

Поистине «странной» эта война является потому, что объявлена она была Германией, а готовили ее против Советского Союза и вели во Франции против рабочего класса и его коммунистической партии.

На германском фронте правительство Даладье обрекает французскую армию на неподвижность и бездействие, но оно снаряжает экспедиционный корпус и военно-воздушные силы для участия в антисоветской войне в Финляндии и посылает в Сирию 150 тысяч солдат под командованием генерала Вейгана, указав им в качестве объектов нападения... Кавказ и нефтяные промыслы Баку!

Это же правительство 26 сентября 1939 года издает декрет о запрещении Французской коммунистической партии; в октябре оно выдает ордера на арест не мобилизованных в армию депутатов-коммунистов; рабочие профсоюзы распускаются; тысячи «подозрительных» — этим словом обозначали отнюдь не предателей, которые действовали беспрепятственно, а трудящихся — брошены в концентрационные лагеря; обвинительные приговоры следуют один за другим; палата депутатов, несколько месяцев спустя ставшая на колени перед предателем Петэном, в январе 1940 года высказывается за лишение депутатов-коммунистов их мандатов, а в начале апреля военный трибунал выносит им суровый

приговор. В тот самый день, когда над ними начался суд, правительство Франции, не имея возможности сообщить хотя бы о ничтожных успехах на фронте, публикует следующую «оперативную сводку»:

«Мандаты коммунистических депутатов аннулированы. 300 коммунистических муниципалитетов распущены. В общей сложности 2778 коммунистических избранников лишены своих полномочий. Закрыты две ежедневные газеты — «Юманите», выходявшая тиражом 500 тысяч экземпляров, и «Се суар» — тиражом 250 тысяч экземпляров, а также 159 других изданий. Распущено 620 профессиональных союзов, произведено 11 тысяч обысков, отдано распоряжение о ликвидации 675 политических организаций коммунистического направления. Организованы облавы на активистов компартии, 7 марта их было арестовано 3400. Большое число людей интернировано в концентрационных лагерях. Вынесено 8 тысяч приговоров деятелям коммунистической партии».

* * *

Происходило это всего за несколько недель до гитлеровского нападения на Францию. Вторжение гитлеровцев началось 10 мая, а уже 25 июня была подписана капитуляция. Да это и понятно: Франция, расколотая и подорванная изнутри политикой ее руководителей, оказалась для агрессора легкой добычей.

В обстановке предательства со стороны буржуазии, бездействия властей и всеобщей растерянности, под ударами жесточайших репрессий одна только коммунистическая партия осталась в строю. Восстанавливая свои распущенные организации, обеспечивая подпольный выпуск «Юманите», она продолжала вести борьбу, разоблачая измену, неся людям правду, вселяя в них энергию, поддерживая надежду. Невзирая на горстку отступников и трусов, депутаты-коммунисты, мобилизованные в армию, делали все, что было в их силах, чтобы использовать парламентскую трибуну в интересах тяжелой борьбы, которую вела партия. В свою очередь привлеченные к суду депутаты-коммунисты, несмотря на то что судили их при закрытых дверях, всякий раз стремились превратить судебный процесс в орудие этой борьбы.

Еще 6 июня Центральный Комитет ФКП обратился к правительству с предложением изменить характер войны, издать с этой целью закон о массовом призыве в армию, вооружить народ и организовать оборону Парижа. Однако правительство готовило капитуляцию Франции.

Впоследствии история не могла не воздать должное Французской коммунистической партии, которая в годы Сопротивления показала себя партией прозорливости и героизма, тогда как ее гонители, за редким исключением, погрязли в бесчестье и низости. Но и в период «странной войны», когда своей клеветой на коммунистов реакционерам еще удавалось обманывать многих честных французов, сплоченность коммунистической партии и ее авторитет проявились в полной мере.

* * *

В этом отношении свидетельство Фернана Гренье весьма красноречиво. Читая его книгу, мы видим, как мобилизованные в армию коммунисты находят друг друга, объединяются, как их поведение, их пример все с большей очевидностью разоблачают вражескую клевету. Это конкретное свидетельство принадлежит одному человеку, но оно типично: каждому партийному работнику выпало на долю пережить в ту эпоху нечто свое, неповторимое, но судьбы их слились как бы воедино. Могу это проиллюстрировать двумя эпизодами из собственных воспоминаний. В январе 1940 года, переведенный за свое выступление в парламенте из одной артиллерийской батареи в другую, я застал там человек двадцать организованных и активно действующих коммунистов, а несколько раньше я был очень удивлен и взволнован, когда в местечке, где стояла моя часть, один почтовый служащий, социалист, несогласный в то время с нашей политической позицией, рискуя собственной свободой, пришел меня предупредить, что корреспонденция моя просматривается, и посоветовал быть осторожным.

Все это, вместе взятое, и есть «странная война» — страница в истории Франции, когда с очевидностью проявился антинациональный характер крупной буржуазии; трудный и сложный период, убеждающий в

том, что интересы нашей страны и ее будущее связаны с судьбой рабочего класса; школа политической трезвости и мужества для Французской коммунистической партии, которая в это время научилась противостоять не только репрессиям, но и общему течению, которая неустанно боролась даже тогда, когда все вокруг нее рушилось, и в момент всеобщего отчаяния сумела сберечь семена, четыре года спустя принесшие обильную жатву.

Для тех из нас, кто, находясь в то время в рядах преследуемой партии, имел честь выполнять ее нелегкие задания, «странная война» была и остается предметом гордости. К их числу принадлежит и Фернан Гренье. Своим поведением в период «странной войны» он, как и всегда, верно послужил своей партии и своей стране. Им же он служит и этим повествованием о событиях, участником и свидетелем которых он сам являлся. Книга его рассказывает правду и учит мужеству. Тем самым она содействует грядущим победам.

Этьен Фажон .

«Дать название войне — удача крайне редкая. Мне повезло — я это сделал чисто случайно. Когда в октябре 1939 года, вернувшись из журналистской поездки на передовые позиции в Лотарингии, я озаглавил свой репортаж словами «Странная война», я никак не мог предполагать, что слова эти получают такой резонанс. Однако они настолько точно выражали еще смутные ощущения широких кругов в стране и в самой армии, что тут же вошли в обиход, а затем и в историю. Война эта на самом деле была «странной». Не в том смысле, что она была забавной — не может быть забавным то, что связано со смертью, — а в смысле ее необычайности, непонятности для тех, кто пережил предыдущую войну... Побывав на фронте, я был поражен царившим там спокойствием. Французские артиллеристы сложа руки смотрели на немецкие воинские эшелоны, спокойно курсировавшие по ту сторону Рейна, а наши летчики совершали полеты над заводами Саарской области, над ее доменными печами, не сбрасывая на них бомбы: по-видимому, высшее командование заботилось главным образом о том, как бы не спровоцировать противника. Уж не имело ли оно на сей счет каких-либо тайных предписаний?»

Ролан Доржелес¹

¹ Roland Dorgelès, *La Drôle de guerre 1939—1940*, Paris, 1957.

КАК У МЕНЯ ВОЗНИКЛА МЫСЛЬ ВЕСТИ ДНЕВНИК

Сейчас 1969 год. Со времени «странной войны» прошло уже тридцать лет, но, насколько мне известно, немного появилось работ, посвященных событиям, происходившим в нашей стране в период с сентября 1939 по июнь 1940 года. Да это и понятно: людям, определявшим в то время судьбы Франции, не приходится особенно гордиться своей внутренней, внешней или военной политикой. Чем объяснить, к примеру, тот факт, что Франция и Англия, вступившие в войну против Германии якобы ради защиты Польши, в течение целых трех недель ровным счетом ничего не предприняли ни на суше, ни на море, ни в воздухе, чтобы оказать помощь польским армиям, мужественно сопротивлявшимся агрессору? Как оправдать ссылкой на национальные интересы Франции те жестокие репрессии, которые были обрушены тогда на французских коммунистов, и бешеное раздувание антисоветских настроений в нашей стране?

Но это еще не все. Многие из тех, кто сыграл зловещую роль в период «странной войны», сидя либо в самом правительстве, либо в штабах, административных советах крупных банков и промышленных предприятий, либо в редакциях ежедневных газет, люди, которые до 1939 года так яростно провозглашали: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт!» — после июньского разгрома Франции в 1939 году распластались перед Гитлером и ревностно прислуживали ему в течение четырех лет оккупации. Разумеется, сегодня они предпочли бы вообще предать «странную войну» забвению и умолчать о действительных причинах невероятного разгрома пятимиллионной французской армии,

которая за какие-нибудь шесть недель трагической весны 1940 года была полностью выведена из строя...

* * *

Если не считать «Дорогу чести» Флоримона Бонта, «Странную войну» и предательство Виши» Жермены Виллар, «Подлипную историю объявления войны» Пьера Дюрана и «Плот Медузы» покойного Леона Муссинака, то надо признать, что и сами мы очень мало писали об этих событиях.

Представляя читателям бельгийского журнала «Пуэн» (февраль 1967 года) переиздание своего романа «Коммунисты» и подчеркивая сложность этой книги, Луи Арагон видел ее значение, между прочим, в том, что «при отсутствии подлинных отчетов о событиях 1939—1940 годов отдельные ее части приобретают исторический интерес хотя бы уже потому, что в некотором отношении они являются уникальным свидетельством».

Это замечание Арагона надоумило меня взяться за старые записные книжки, тридцать лет пролежавшие в ящике письменного стола. Речь идет о моем личном дневнике, который я вел с первого дня войны и до своей демобилизации после разгрома Франции.

* * *

Каким образом у меня возникла мысль вести дневник? Учёсь в школе, я не очень преуспевал на уроках арифметики, не блистал я и по географии, но зато хорошо писал сочинения и обожал историю и книги на исторические темы. Двенадцати лет, по окончании начальной школы, я мечтал стать учителем. Однако у отца моего, работавшего шофером грузовика па литейном заводе, не было средств платить за мое обучение, и меня отдали на то же предприятие учеником формовщика.

Только в 1922 году, вступив во Французскую коммунистическую партию, я получил возможность продолжить свое образование. Мне был тогда двадцать один год. Партийная ячейка, в которой я состоял, насчитывала два десятка членов, в большинстве своем рабочих-текстильщиков или строителей. Сперва мне по-

ручили вести отдел местной хроники в «Аншене» — еженедельной коммунистической газете департамента Нор. Вскоре мне дали более серьезное поручение. Секретарь нашей ячейки Жорж Даллюэн¹ был одним из немногих бывших фронтовиков призыва 1914 года, вернувшихся после войны 1914—1918 годов; почти все его школьные товарищи погибли в жестоких боях — кто под Верденом, кто в районе Шмен-де-Дам, кто в Шампани или Нотр-Дам-де-Лоретт, и Жоржу страстно хотелось поведать людям о тяжких мучениях, выпавших на долю окопного солдата. И вот в течение нескольких месяцев я приходил после работы к нему домой, он рассказывал, а я записывал его воспоминания и потом обрабатывал эти записи.

В результате такого сотрудничества родились «Воспоминания бывшего фронтовика», публиковавшиеся в местной коммунистической газете. Часто случалось так, что во время наших вечерних бдений Жорж Даллюэн, затрудняясь вспомнить какую-либо дату или подробность, с досадой замечал: «Жаль, не записывал для памяти! А ведь была же возможность — ну хотя бы на отдыхе или в перерывах между боями...»

Через пятнадцать лет, памятуя об этом эпизоде моей юности, я решил с самого же начала войны 1939 года день за днем записывать все, чему стану свидетелем. Пригодится ли когда-нибудь мой дневник? Какое это, в конце концов, имело значение! Ведь писать всегда доставляло мне удовольствие, несмотря на то что словарь мой был очень беден и мне приходилось несколько раз начинать одну и ту же фразу, чтобы она получилась более или менее грамотной.

* * *

Так, будучи мобилизован в армию простым солдатом, я в течение девяти месяцев писал обо всем, свидетелем или участником чего являлся. Я переписывал в свой дневник также и казавшиеся мне интересными выдержки из газет, которые мне удавалось раздобыть.

¹ Попад в время «странной войны» в плен, Даллюэн едва избежал угона в Германию; ныне он один из ветеранов Французской коммунистической партии в департаменте Нор.

Находясь в части — после запрещения нашей партии, — я был вынужден все это прятать: ведь в вещах моих могли рыться. Но как только я получал отпуск — хотя бы даже на сутки — и попадал домой в Сен-Дени, я приводил свои записи в порядок. Моя жена Андреа, соблюдая, разумеется, необходимые меры предосторожности, относила их к нашей местной торговке г-же Лепа, женщине беспартийной, и та прятала их между старыми балками на чердаке своей москательной лавчонки на улице Бриш. По возвращении в часть я начинал новую записную книжку, которая дополнялась мной во время очередного отпуска, а затем попадала туда же, куда и предыдущая. Этот тайный дневник, который г-жа Лепа сберегала у себя в период «странной войны» и оккупации, был мне возвращен ею после освобождения.

Когда я перечитал свои записи теперь, спустя тридцать лет, первое впечатление у меня было такое, что отдельные подробности казарменных будней не содержат ничего примечательного. Но потом я подумал: а как иначе, если не с помощью этих подробностей, дать почувствовать людям, особенно молодежи, ту атмосферу гнетущей тоски и бездействия, в которой находились миллионы мобилизованных солдат, совершенно не подготовленных — ни материально, ни морально — к страшному удару, ожидавшему их в мае? Хуже того, на протяжении многих месяцев их изо дня в день приучали видеть в лице коммунистов и Советского Союза своих злейших врагов, что, разумеется, было на руку Гитлеру, ибо раскалывало единство нашего народа.

* * *

Публикация этого дневника кажется мне не бесполезной еще и по другой причине. Дело в том, что в нем не замазываются трудности, с которыми мы столкнулись в период заключения советско-германского пакта о ненападении, и отдельные факты невыдержанности и непонимания, имевшие место в наших рядах. Вместе с тем он свидетельствует и о том, что подавляющее большинство французских коммунистов и многие сочувствующие остались верны своему идеалу. Загнанные в подполье, преследуемые полицией, они оказали сопро-

твление безумной политике «странной войны», и потому можно сказать, что в каждом из них партия как бы нашла себе убежище. Те, кто не дрогнул, разумеется, с самого же начала оказались в первых рядах борцов против гитлеровских оккупантов. А сколько из них пролили свою кровь за освобождение Франции!

Таким образом, единственное достоинство этого дневника состоит в том, что он является свидетельством очевидца и потому, несмотря даже на имеющиеся в нем пробелы, может дать историкам некоторый материал о столь слабо изученном еще периоде нашей истории.

Виктор Гюго писал в «Ган-исландце»:

«...События уходят в прошлое, люди, видевшие их воочию, навсегда закрывают глаза; традиции с годами угасают, как гаснет забытый в камине огонь; и кто после нас проникнет в тайны минувших веков?»

Обнародованием этого дневника я, думаю, мне, отвечаю также и моему другу Андре Вюрмсеру, который в статье в «Леттр франсэз» от 25 мая 1967 года, посвященной превосходной книге Веркора «Битва тишины», писал:

«Кто отказывается выступить свидетелем, косвенно способствует искажению фактов».

НЕЖДАННЫЙ КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

1 сентября 1939 года

Вернусь немного назад.

Август в этом году начался великолепно. Представитель советского агентства «Интурист» предложил мне возглавить группу французских и бельгийских туристов, в большинстве своем работников просвещения, отправлявшихся морем в Советский Союз. Это была моя шестая поездка в СССР, и на этот раз со мной ехала моя жена Андреа. Она была счастлива увидеть наконец своими глазами советскую страну, о которой мы так часто говорили. И вот, радостно возбужденные, мы поднимаемся в Антверпене на борт теплохода «Н. К. Крупская». Замечательное путешествие — Северное море, Балтийское море, Ленинград, Москва, Горький, величественная панорама Волги!.. Поездка вниз по реке на комфортабельном пароходе, где все способствует отдыху: оживленные дружеские беседы в своем кругу и с советскими отдыхающими, музыка, песни, танцы... Остановка на день в Казани, затем в Куйбышеве... Настроение у всех приподнятое, все чувствуют себя свободно и непринужденно. Правда, когда мы покидали Францию, международное положение внушало тревогу, но в Москве, в гостинице «Метрополь», мы встретили французских и английских офицеров. Разумеется, они не делились с нами по поводу своей миссии, но о том, что с Советским Союзом начаты важные военные переговоры, мы знали.

Возобладает ли в конце концов здравый смысл? Будет ли франко-советский договор, подписанный 1 мая 1935 года, дополнен военными соглашениями, которые

были предусмотрены при его подписании и на которых Советский Союз безуспешно настаивал в течение четырех лет?

После того как Муссолини было позволено безнаказанно овладеть Эфиопией, а Гитлеру захватить Австрию, после того как в Мюнхене ему отдали Чехословакию, Париж и Лондон должны наконец понять, что пресечь фашистские происки в Европе может только политика коллективной безопасности, направленная против агрессора, политика, которую от имени своей страны в течение ряда лет так страстно пропагандировал М. М. Литвинов.

Из Москвы мы уезжали настроенные оптимистично. Наше чудесное путешествие по Волге заканчивалось в Сталинграде, где мы сели в поезд, идущий на Ростов. Начинался последний этап нашего турне — поездка по Украине, а затем возвращение домой поездом через Польшу и Германию.

Бомба разорвалась в Харькове. После великолепного концерта в городском саду мы возвращались пешком в гостиницу, наслаждаясь прелестью теплой летней ночи. Неожиданно наше внимание привлекла группа людей: они стояли около освещенного стенда с газетой «Правда». Подойдя ближе, мы были поражены: на первой странице газеты фотография — гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп, а рядом Сталин и Молотов. Через всю страницу огромный заголовок: «Договор о ненападении между Советским Союзом и Германией». Не успел переводчик перевести эти слова, как в нашей группе разгорелись ожесточенные споры. Прежнего единодушия как не бывало. Меньшинство, придя в крайнее возбуждение, увидело в договоре о ненападении «союз Сталина с Гитлером». Другие, не менее взволнованные этой неожиданной новостью, склонны были поразмыслить, поспорить, дожидаться более обстоятельных комментариев. «Уже два часа ночи. Пошли лучше спать. Завтра переводчик расскажет нам подробно, что пишут газеты: одного заголовка и одной фотографии еще недостаточно, чтобы понять смысл этого договора...»

Однако тягостное чувство не рассеялось ни на другой день, ни в последующие дни.

После 1 августа 1937 года, со времени моего избрания депутатом от Сен-Дени, мои неоднократные обращения в германское посольство за визой, даже транзитной, оставались безрезультатными. Поэтому под конец путешествия по Советскому Союзу я вынужден был расстаться со своими товарищами и вернуться в Москву, чтобы лететь домой самолетом через Швецию... Андраэ присоединилась ко мне сразу же после того, как вся группа, побывав на Украине, отправилась в Польшу.

Лететь мы должны были на другой день утром. На рассвете автобус вез нас по пустынной Москве; на ее широких магистралях нам попадались лишь огромные машины, поливавшие улицы. Внезапно я очень скверно себя почувствовал — у меня начались сильные почечные колики, я побледнел, и дежурный врач аэропорта запретил мне лететь. Меня снова отвезли в гостиницу «Националь», осмотрели и посадили на строжайшую диету...

* * *

Сегодня, 1 сентября, хорошо поспав, я чувствую себя совершенно нормально: все как рукой сняло, появился аппетит.

Утром наша переводчица Ольга пришла с дурными вестями: немцы вторглись в Польшу, гитлеровские самолеты бомбят Варшаву, во Франции началась всеобщая мобилизация. Ольга справлялась в «Интуристе»: «Завтра у вас еще есть возможность лететь. Третьего числа рейса нет. На четвертое все места уже проданы. На пятое гарантии нет. Я должна немедленно сообщить по телефону, что вы решили». Поскольку я подлежал мобилизации в первый же день, не могло быть никаких колебаний: завтра вылетаем...

В течение всего дня, как и накануне, приходили французские и советские товарищи справиться о моем здоровье, обсудить последние события. Среди них Жюльен Эрольди из Лиона, работник Коминтерна. Он рассказал, что газеты «Юманите» и «Се суар» конфискованы. «Советско-германский пакт, — добавил он, — произвел во всем мире эффект разорвавшейся бомбы».

Это подтвердил и журналист из «Правды» Виктор Финк. Он подробно прокомментировал напечатанное

27 августа в газетах интервью маршала Ворошилова, возглавлявшего советскую делегацию на военных переговорах:

— Либо мы должны были заключить определенные соглашения с Францией и Англией, либо — при полной невозможности договориться с ними — сделать для себя соответствующие выводы и не ввязываться в войну. Ежедневно в большинстве ваших газет можно было прочесть: «Никаких соглашений с Советами!» Что ж, они могут быть удовлетворены: французские и английские военные представители, так же как и поляки, не пожелали прислушаться к нашим доводам. Война между Германией и Польшей — это лишь первый акт трагедии. Согласятся ли умирать сегодня за поляков те, кто писал у вас год назад: «Мы не желаем умирать за чехов»? Это выяснится очень скоро.

— Товарищ Финк, — заметил я, — не один год ваши газеты, ваша литература, кино, театр ведут активную антифашистскую кампанию. Когда народы Австрии, Эфиопии, Испании, Чехословакии оказались жертвами фашистской агрессии, Советский Союз был на их стороне. После всего этого советским людям не так-то просто разобраться в том, что происходит.

Мой собеседник этого не отрицает:

— Сейчас повсюду — в городах, селах, на предприятиях — проходят тысячи митингов. Партийные пропагандисты разъясняют людям причины подписания советско-германского пакта, отвечают на их вопросы, а вопросов действительно много...

Уходя, Финк сказал мне:

— Всем нам, товарищ Гренье, предстоят тяжелые дни.

Мы крепко обнялись... Доведется ли когда-нибудь свидеться? ¹

¹ В задачу этой книги не входит подробное объяснение событий, предшествовавших заключению советско-германского пакта. Изложение их читатель найдет в следующих книгах: J. Bouvier, J. Gazon. *La vérité sur 1939*, Paris, 1953; Ф. Гренье, *Советский Союз в ритме эпохи*, М., 1968, в которую вошло основное содержание моего очерка на ту же тему, появившегося в 1945 г. под названием «Письмо другу», а также в увлекательном историческом повествовании Пьера Дюрана, выпущенного «Юманите» отдельной брошюрой в 1959 г.

(По соображениям безопасности тогда я не отметил в своем дневнике встречу, которую после моего возвращения в Москву 25 августа имел с генеральным секретарем Коминтерна Георгием Димитровым. Я виделся с ним не впервые. При общении с выдающимися людьми, которых мне посчастливилось знать лично, — среди них Поль Вайян-Кутюрье, Фредерик Жолио-Кюри — к чувству глубокого уважения к ним поначалу обычно примешивалась какая-то робость. Но это продолжалось недолго: они держались так просто, что всякое стеснение быстро исчезало. То же относится и к Георгию Димитрову.

В тот вечер, 25 августа, Димитров во всех подробностях интересовался тем, как реагировали на события французы, с которыми я ездил в Харьков. «Говорите со мной совершенно откровенно». Я восхищался, с какой тщательностью он записывал высказывания моих спутников. «Это совпадает с тем, что нам известно о реакции во Франции», — сказал он и, раскрыв какую-то папку, показал мне многочисленные материалы, подтверждавшие двуличие французских и английских делегатов на переговорах в Москве. Прощаясь, Димитров крепко пожал мне руку и сказал: «Я не сомневаюсь, что в тех трудных условиях, которые нас ждут, французские коммунисты окажутся на высоте».

Спустя два дня в «Известиях» было напечатано интервью К. Е. Ворошилова. В нем я прочитал все то, о чем говорил мне товарищ Димитров.)

Глава II

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

Суббота, 2 сентября

Мы с Андреа вылетели из Москвы в девять утра и через четыре часа были в Стокгольме. Здесь нас ожидало два неприятных сюрприза: во-первых, воздушное сообщение с Парижем прекращено, можно лететь лишь на Амстердам в понедельник, а кроме того, французские франки на шведские кроны не обмениваются. Итак, мы застряли в Стокгольме на два дня без гроша в кармане. К счастью, коммунист и в чужой стране не пропадет, если у него найдется там хотя бы один-единственный товарищ. У меня был адрес шведского общества «Друзья СССР» и его секретаря, с которым я неоднократно встречался на международных совещаниях, где мы обменивались опытом работы¹.

Пешком мы направилась в общество, но никого там не застали: было время завтрака. Ничего другого не оставалось, как сесть в скверпке и ждать. Прождали до трех часов дня, но никто не появился. Между тем мы обратили внимание, что совсем неподалеку находится контора «Интуриста». Я зашел туда, чтобы позвонить по телефону одному шведскому товарищу. «Меня мобилизовали, — ответил он, — через час уезжаю в часть, но я возьму такси и сейчас же приеду».

Товарищ объяснил мне причину своей мобилизации: Швеция принимает меры предосторожности, дабы обеспечить свой нейтралитет. Что касается советско-германского пакта, то он считает, что ввиду провала пе-

¹ В 1932—1939 гг. я являлся генеральным секретарем французского общества «Друзья СССР».

реговоров с Францией и Англией у Советского Союза не оставалось иного выхода. Мы пожелали друг другу всего хорошего. Товарищ дал мне тридцать крон, так что мы смогли взять такси и доехать до французского посольства. После часа ожидания советник посольства сухо и нелюбезно отметил наши паспорта и обменял, не слишком, впрочем, охотно, двести франков на двадцать шведских крон. Наконец-то мы получили возможность снять в гостинице номер, отнести в него свои вещи и пойти поесть. Было шесть часов вечера...

Воскресенье, 3 сентября

Встали поздно. На улице большое оживление: газетчики продают экстренные выпуски газет с огромными заголовками. Мне удастся разобрать: «Англия объявила Германии войну. Ожидается объявление войны Германии Францией».

В газетном киоске при вокзале нашлась единственная французская газета — «Тан» от 31 августа. В ней коммунисте парламентской фракции коммунистов — всего несколько строк: сообщается, что Морис Торез осудил поведение Соссо и Лубраду, депутатов от департамента Дордонь, вышедших из коммунистической группы в связи с заключением советско-германского пакта. В этом же номере опубликовано резкое заявление представителей левой интеллигенции, направленное против пакта, и манифест федерации социалистической партии департамента Сена.

Мне уже не терпится поскорее вернуться домой, но аэропорт не гарантирует вылета и на завтра, предлагают справиться к вечеру.

Как убить время ожидания? Решили погулять. Во Франции, должно быть, мобилизация в самом разгаре, мы думаем о том, что в городах и деревнях нашей родины люди с горечью провожают сейчас своих близких...

Здесь ярко светит осеннее солнце. Мы любуемся улицами шведской столицы, в этот воскресный вечер они очень оживлены. Все говорит о благополучии: роскошные витрины, изящество одежды, комфортабельные дома; лица прохожих дышат здоровьем, особенно женщин, высоких и красивых, со спортивной осанкой.

— Видно, что Швеция давно не воевала, пожалуй, более ста лет, — говорю я, обращаясь к жене. — Если подумать, во что обошлась нам война семидесятого года, а потом первая мировая война, чего стоили колониальные войны, можно себе представить, каким мог бы быть теперь уровень жизни во Франции!

Гуляя, мы подошли к «Тиволи». Это большой парк со множеством всяких развлечений: тут можно и потанцевать, и поиграть в различные игры, и посмотреть цирковую программу на открытом воздухе, и полакомиться мороженым. Все это весьма любопытно, но мысли наши далеко, во Францию, и нам даже кажется несправедливым — в несчастье человек всегда судит пристрастно, — что люди могут веселиться, когда где-то большое горе. Лучше пойти справиться о завтрашнем самолете. Первая приятная новость за день: рейс состоится.

Легкий ужин, а дальше что? Решили вернуться в номер и лечь спать, но очень долго не могли уснуть. Чуть ли не до полуночи мы перебирали свои воспоминания о войне 1914 года, не изгладившиеся из нашей памяти.

Мне было тогда тринадцать лет, и я уже год работал на литейном заводе. В моем родном городе Туркуэне не забыли, как в сентябре или октябре 1914 года здесь появился конный патруль. Весть о прибытии немецких всадников, вооруженных длинными пиками, распространилась молниеносно... Жители спрятались в своих домах и закрыли ставни. Опасливо продвигались немцы среди бела дня по пустынным улицам, встревоженные настораживающим безмолвием.

Около нашего дома местный предприниматель, говоривший по-немецки, заискивая, представился кавалеристам, а слуга его уже тащил на подносе две бутылки вина и бокалы. Немецкий офицер заставил предпринимателя выпить первым и только потом выпил сам. После этого патруль во весь опор поскакал назад...

На другой день через город нескончаемым потоком покатились повозки, фургоны, артиллерийские орудия; в серо-зеленых шинелях и остроконечных касках шли пехотинцы, саперы, скакали кавалеристы; бесконечная вереница двигалась днем и ночью чуть ли не целую неделю. Немного придя в себя после вчерашних событий,

люди в каком-то оцепенении глядели на это шествие — они не понимали языка пришельцев и были подавлены их численностью. «Откуда они взялись?» — спрашивали одни. «Да их что муравьев!» — удивлялись другие. Это была лавина, устремившаяся к Парижу и спустя некоторое время остановленная победой на Марне.

В последовавшие затем месяцы и годы линия фронта установилась в тридцати четырех километрах от нас, она шла к Армантьеру и по реке Изер; время от времени оттуда доносился грохот орудий, по вечерам в небе полыхало багровое зарево, потом все вновь успокаивалось на несколько недель или месяцев. Так продолжалось в течение четырех лет, до октября 1918 года, когда немцы отступили в Бельгию, уводя с собой мужчин призывного возраста, в число которых ровно за месяц до перемирия, подписанного 11 ноября 1918 года, попал и я.

Четыре года все предприятия были закрыты, рабочие получали скудное пособие по безработице, а женам мобилизованных выплачивали военную пенсию. Мы голодали, потому что на продукты питания были введены строжайшие нормы. Но для меня самым большим несчастьем было то, что случилось в первый день нового, 1917 года. В этот день на рассвете мы проснулись от страшного стука, сотрясавшего дверь нашего дома: это явились два немецких жандарма с огромной собакой, чтобы арестовать моего отца. Он надел свое старое пальто, взял с собой несколько сорочек и простился с нами. Никогда не забуду его взгляда, в который он вложил всю свою любовь к нам! «Позаботься о сестренке... Я вернусь», — сказал он, обратившись ко мне. Потом мы узнали, что вместе с другими мужчинами, жившими по соседству, его зачислили в дисциплинарный батальон, который называли «красные повязки». Полгода не было от него никаких вестей. И только в сентябре к нам зашел служащий мэрии и сообщил, что отец скончался в госпитале в Ле-Като (департамент Нор) еще в марте, меньше чем через три месяца после его интернирования. Ему не было сорока лет, а меня война сделала сиротой в шестнадцать.

Андреа жила в соседнем местечке Невиль-ан-Феррен. Ее отец и старший брат бежали из дому, как только узнали о приближении немцев. Попав в плен, они

отсутствовали четыре года, и все эти годы моя теща, недоедая и недосыпая, одна растила шестерых дочерей. Военная пенсия да овощи с огорода — вот все, чем они располагали. Этой семье тоже изрядно досталось.

Начиная с 1915 года в каждом доме приказано было освободить по одной комнате для расквартирования оккупационных войск. Однажды в Невиль-ан-Феррен прибыла немецкая рота, только что выведенная прямо из окопов; впереди верхом на лошади ехал командир роты, за ним с тяжелыми ранцами за плечами шли солдаты, изнуренные долгим переходом, позади тянулись походные кухни и повозки с больными и ранеными. На главной площади был быстро разбит лагерь.

Андрэа и ее сестры, напуганные видом косматых парней, жались к матери, как цыплята. Сбросив свою поклажу, «гости» попросили подать им ведро воды. Побрившись, они выглядели уже не так свирепо. На другой день девочки освоились настолько, что рискнули заглянуть в «комнату немцев», когда те были в наряде. На стене они увидели две цветные открытки: на одной был изображен кайзер с лихо закрученными усами, на другой — длиннолицый кронпринц. «Вот из-за них-то ваш отец и брат находятся в плену», — объяснила им мать. Два немца прожили в доме несколько недель, потом их внезапно снова отправили на фронт. На их место тут же прибыли другие.

Андрэа хорошо помнит, как постепенно менялись отношения между оккупированными и оккупантами. Последние уже не вешали фотографий кайзера — «легкая и веселая» война августа 1914 года была позади, — теперь они прикрепляли фотографии жены и детей. Мать однажды сказала: «Все-таки они же не звери!» — и старалась понемножку им услужить: иногда она кипятила им воду, разрешала умываться в комнатухе, служившей ванной, пользоваться обеденным столом, разогревать на плите еду. За услугу солдаты платили услугой: они уверяли, что не любят мармелада, что не в состоянии съесть весь хлеб, который им выдают, и охотно угощали своих хозяев. Дети запоминали отдельные немецкие слова, а солдаты старались объясняться с помощью жестов и кое-каких французских слов, которые они подхватывали то тут, то там и коверкали невероятно.

Прибывшие немецкие солдаты были родом из разных областей Германии: одни были из Баварии, потом приходили саксонцы, а иной раз появлялись пруссаки. Однажды вечером один из них, рабочий фарфорового завода из саксонского города Хемниц, тихо сказал, показывая карточку молодой женщины, снятой в окружении четырех детей: «Война, мадам. Плохо вам, плохо нам, хорошо капиталист!» Мать согласилась с этим.

Андреа запомнила также один из летних дней 1917 года, когда все местечко вдруг пришло в движение. В течение многих дней перед тем издалека доносился неслыханный грохот орудий. Не иначе как немцы начали наступление: в городе не осталось на отдыхе ни одного немецкого солдата. Небо горело пожаром, глухая канонада слышалась даже по ночам. Распространился слух о том, что вот-вот должны прибыть французские солдаты, взятые в плен при наступлении на Мон-Кеммель. Своих солдат здесь не видели целых три года. В касках и голубых шинелях, покрытые пылью, французы вошли в городок под серо-зеленым конвоем немецких солдат с примкнутыми штыками. Впереди на лошади ехал немецкий офицер. Вступив на главную площадь, французские солдаты запели «Мадлону». Местные жители смотрели на своих полными слез глазами, а те бросали им клочки бумаги, на которых было начарапано несколько слов и адрес, чаще всего адрес какого-либо южного департамента. Несмотря на то что приближаться к военнопленным строго-настрого запрещалось, люди передавали им хлеб, фрукты, кружки с водой, переходившие затем из рук в руки. Каждая семья думала о своих близких, о своих собственных солдатах, от которых вот уже три года не было никаких вестей. На это проявление братских чувств, вырвавшихся из самого сердца, оккупационные власти ответили суровыми мерами: с шести часов вечера был введен комендантский час и на жителей был наложен коллективный штраф.

В конце 1918 года отец и брат Андреа вернулись домой. Пораженные, не в силах вымолвить слово, смотрели они на своих сестер и дочерей, уже взрослых девушек, которых оставили девочками или подростками. Страшному кошмару наступил конец, вся семья вновь была в сборе. Обычная жизнь, нарушенная четыре года

назад, постепенно вошла в нормальное русло. Каждый день в шесть часов утра семеро членов семьи пешком отправлялись в соседний город, где они работали на текстильных предприятиях. Вечерами вспоминали то, что каждому пришлось пережить. Несмотря на нужду, дом гудел, как улей. Так было не всюду: большинство семей лишилось и родственников и соседей, погибших на войне. Редко кто из мужчин, взятых в армию во время первой мировой войны, вернулся назад целым и невредимым; на памятнике павшим землякам на городском кладбище вскоре прибавилось сто двадцать девять новых имен...

Вспоминать обо всем этом 3 сентября 1939 года в номере стокгольмской гостиницы было горько: нам не исполнилось еще и сорока лет, а вторая в нашей жизни война уже началась.

Глава III

ИЗ БЕРЖЕРАКА В ЛАВАЛЬ ЧЕРЕЗ МЕЦ

4 сентября

В десять утра самолет поднимается в воздух. В полдень делаем остановку в Мальмё. От единственного пассажира, который присоединяется к нам, узнаем, что, наскочив на мину, затонул греческий пароход. Уже есть жертвы!

В переполненном самолете мы единственные французы. Вместе с нами летят англичане и бельгийцы; они ведут между собой нескончаемые споры о том, кто же виноват в войне. Один утверждает, что люди будут сражаться не за свои национальные интересы, а за интересы Англии и Германии. Другой негодует по поводу того, что Италия оказалась в стороне. Третий поносит и Мюнхенское соглашение и советско-германский пакт, поносит так, словно бы второй не есть следствие первого.

В Копенгагене получасовая остановка и пересадка в голландский самолет. В этой мощной и комфортабельной машине на высоте 3 тысяч метров и со скоростью 285 километров в час летим до Амстердама. Самолет делает крюк, чтобы не пролетать над немецкими территориями, и в четыре часа дня мы садимся в голландской столице. Здесь, как и в Стокгольме, французские деньги уже не имеют хождения, но оказавшийся в аэропорту служащий гостиницы, полиглот и спекулянт, соглашается дать нам три флорина в обмен на сто франков... Поезд на Бельгию будет не раньше чем через день.

Как провести вечер? В моей волшебной записной книжке нахожу адрес секретаря голландского общества

«Друзья СССР». У него мы застаем и других товарищей. Они удивлены и рады нашему приходу. Как приятно встретиться с друзьями! Мы долго беседуем о советско-германском пакте и о перспективах начавшейся войны. Наши друзья информируют меня о различных точках зрения, высказываемых голландской общественностью; они уверяют, что симпатии большинства — на стороне союзников. Однако все единодушны в том, что Голландия должна соблюдать нейтралитет и ни в коем случае не ввязываться в конфликт.

5 сентября

Сегодня утром с железнодорожными билетами в кармане — о них позаботились наши голландские друзья — мы сели в переполненный поезд на Брюссель. В столице Бельгии мы были рады вновь встретиться с секретарем бельгийского общества «Друзья СССР» Фернаном Жаком, по духу скорее парижанином, нежели брюссельцем (молодость он провел во Франции). Все его сотрудники по обществу мобилизованы. Он продолжает работу один. Среди членов общества случаи отступничества очень редки.

В четыре часа дня отъезд из Брюсселя. Сердечное прощание с Фернаном, стойким и искренним другом. Это он купил нам билет до Парижа: французские деньги не принимают и в Бельгии. Поезд набит до отказа: едут французские семьи, проживавшие в Бельгии, едут по вызову мобилизованные. В Феньи — таможенный досмотр и проверка паспортов. Несмотря на большое количество пассажиров, все делается очень быстро. На вокзале в газетном киоске я купил «Регар» и «Эмансипасьон» пресловутого Дорио¹; от этого номера так и разит духом злобы и предательства. Врага этот субъект видит не в Гитлере, а в лучших представителях рабочего класса — коммунистах.

¹ Ренегат, исключенный из рядов Французской коммунистической партии в 1934 г.; выступал против Народного фронта, основал Французскую народную партию; сражался на стороне гитлеровцев против Советского Союза. После освобождения, переодетый в немецкую форму, бежал в Германию, где был убит во время авиационного налета.

Вот уже поезд мчится среди французских полей департамента Нор, еще совсем зеленых в эту раннюю осеннюю пору. После месяца разлуки так приятно вновь увидеть родной ландшафт!

Проезжая через Като, вспоминаю отца, похороненного в этих местах.

В Париже на окутанном тьмой Северном вокзале мы помогаем женщинам и детям сойти с вещами с поезда. На привокзальной площади среди ночного мрака впервые сталкиваемся с военным Парижем: закрытые кафе, редкие такси, пустынные улицы. Добраться до Сен-Дени в такой час невозможно. Останавливаемся в «Отель д'Альзас» и, перекусив, решаем пройти по городу, взглянуть на Гранд Опера, Биржу, Большие бульвары, обычно такие оживленные и совершенно опустевшие в эту пору.

В помещении общества «Друзья СССР» на улице Майль — никого. От консьержа узнаем, что секретарь парижского отделения общества Гастон Обер за выпуск листовки, разъясняющей мотивы заключения советско-германского договора о ненападении, приговорен к тюремному заключению на тринадцать месяцев. Одновременно с ним к четырем месяцам тюрьмы была приговорена шестидесятивосьмилетняя женщина, в сумочке у которой нашли одну из наших листовок. Завтра еще раз зайду повидаться с товарищами.

6 сентября

Около двух часов ночи к нам в номер позвонил портье: «Тревога! Спускайтесь в убежище!» Сквозь сон слышим злоеющее завывание сирен. Приходится надевать пальто и идти в подвал. Старики, женщины с плачущими детьми. Проводим здесь три часа. Доносятся обрывки разговоров: «Как будто бы... Говорят, якобы...»

Возвращаемся к себе в номер в шесть часов утра. Уже светло, но мы снова укладываемся спать. Однако ненадолго. В девять часов опять тревога. Она продолжается до одиннадцати. Слышна стрельба зениток. За двадцать восемь часов воздушную тревогу объявляли трижды. Дело принимает серьезный оборот, и

многие из тех, кто вчера еще колебался, сегодня уже поговаривают о том, как бы поскорее выехать из Парижа.

Около двенадцати дня иду в общество «Друзья СССР». Застаю там Жермену Баржон, Маргариту Берар, Сюзанну Поль и ее сестру Жермену Бай. Вместе с моим секретарем Полеттой Перрен они решили поддерживать контакт друг с другом и показали себя преданными, инициативными людьми. При содействии консьержа, сочувствующего нашему делу, они уничтожили целую пачку писем, поступивших в адрес общества, и сбросили в канализационный люк карточки с адресами наших подписчиков, секретарей комитетов, спрятали в надежном месте списки руководителей и наиболее активных из местных работников общества. Узнаю от них, что в Национальном комитете общества «Друзья СССР» от своих постов отказались два руководящих работника, остальные же, в том числе и беспартийные, остались верны франко-советской дружбе (среди них руководящие деятели: основатель общества Франсис Журдэн, депутат-социалист, мэр Сюрена Анри Селье, Жак Люрса, Андре Вюрмсер). Шестеро наших постоянных сотрудников из числа мобилизованных уже находятся в своих частях.

Мы договариваемся об адресе, по которому в случае надобности я смогу с ними связаться. Сами же они собираются в провинцию, хотят наладить там контакты с нашими активистами, не взятыми в армию, и женщинами, желающими нам помогать. Они решили перепечатывать важные сообщения Московского радио, скрываемые французской печатью, с тем чтобы центры нашего общества на местах размножали и распространяли их своими средствами.

То обстоятельство, что связь с нашими местными кадрами удалось наладить очень быстро, говорит о том, что, за редкими исключениями, яростная антисоветская кампания, развязанная реакционной прессой и радио, не сумела их поколебать¹.

¹ Общество «Друзья СССР» насчитывало в то время 80 тысяч членов, в большинстве своем беспартийных, а «Рюсси д'ожурдион» — ежемесячный журнал, издававшийся обществом, выходил тиражом 100 тысяч экземпляров. За период «странной войны» и оккупации подпольно вышло пятьдесят номеров

В три часа дня я направился в палату депутатов. Артур Раметт, исполнявший обязанности секретаря нашей группы, сообщил мне, что двадцать наших депутатов мобилизованы, в том числе и Морис Торез, который находится в Аррасе.

В одиннадцать вечера — вокзал Аустерлиц. Толпы народа. Тысячи мобилизованных, сотни женщин и детей, покидающих Париж. Среди невообразимой сутолоки кто-то кого-то окликает, то и дело раздаются крики, люди с чемоданами, с котомками пытаются втиснуться в переполненные вагоны.

7 сентября

В полночь с группой человек пятнадцать сажусь в поезд, идущий на Бержерак — место, куда я должен прибыть по мобилизации. Садимся в товарный вагон. Среди нас бывший участник войны 1914—1918 годов, штукатур; он готов судить обо всем на свете, но под конец, устав разговаривать и выпив лишнего, почитает за благо улечься прямо на полу и через полчаса уже храпит вовсю... Другой рассказывает всякие небылицы... Потом завязывается общий разговор о том, сколько продлится война; каждый высказывает свои прогнозы, разумеется, самые невероятные... В соседнем отсеке кто-то играет на трубе «Интернационал», «Марсельезу», модные песенки, их хором подхватывают сначала соседи, а вскоре поет и весь эшелон...

После этой короткой разрядки вновь наступает тишина... Каждый пытается превозмочь неудобства и хоть чуточку соснуть, сидя на своих вещах или растянувшись на голых досках. Поезд надолго останавливается, иногда прямо посреди поля, — пропускают срочные составы, следующие на Париж. В четыре часа утра

журнала. Восемь членов Национального комитета общества пролили свою кровь за освобождение Франции, и я не могу без волнения вспомнить имена металлурга Гастона Обера, Эмильены Жбанотти, железнодорожника Биллоке, погибших в Германии; коммерсанта Андре Бенаима, уничтоженного нацистами; учителя Бару, расстрелянного в Шатобриане; доктора Элозю, умершего от последствий тюремного заключения; доктора Жубера, социалистического лидера, погибшего в маки.

прибываем в Обре, около Орлеана. Наша группа расходится в разных направлениях.

В поезде на Тур я сажусь в вагон первого класса, из которого выходят женщины с детьми, эвакуировавшиеся из Парижа. Картина невеселая: детей разбудили среди ночи, они плачут, капризничают. Матери приходят в отчаяние — им и без того трудно, не знают, как управиться с багажом.

В восемь утра — Тур. Стоянка два часа. Наконец мы трогаемся и через пять часов должны быть в Пуатье. Завязываю разговор с двумя резервистами, они обращаются ко мне на «вы», наверняка приняв меня за офицера. Эти молодые люди искренне хотят понять, что же произошло. Мои разъяснения по поводу мюнхенского сговора и позиции Советского Союза встречают с интересом, но мне приходится спорить с ними, доказывать, отвечать на их возражения. В конечном счете, когда один из них сказал: «Вы правы, от нас многое скрывают», я понял, что мои усилия не пропали даром. Второй резервист согласился с приятелем.

В Пуатье они сошли, их места заняла пожилая пара, судя по одежде и манерам, мелкие буржуа. Я помог им подняться в вагон, и между нами быстро завязывается беседа. Они считают, что «во всем виноваты политики». Если бы в 1918 году Фошу дали возможность дойти до Берлина...». Вопрос, конечно, куда сложнее, но я на сей раз не пытаюсь спорить. Поезд стоит на всех остановках, из него выходят эльзасские беженцы. На платформах их встречают уже прибывшие в эти края земляки. Погода отвратительная.

В десять вечера прибываем в Либурн. Едем уже двадцать два часа, но дальше отправимся лишь утром, причем до Бержерака нас остается всего двое. Хозяин небольшой гостиницы соглашается нас накормить, но свободных комнат у него нет. Возвращаемся на вокзал: не остается ничего другого, как провести ночь на деревянных скамьях в каком-то вагоне третьего класса, стоящем на запасном пути...

8 сентября

В шесть часов поезд трогается. Пересекаем живописный район Сент-Эмильона с его богатыми виноград-

пиками. В десять часов — Бержерак. В городке полно солдат и гражданских лиц, направляющихся в мобилизационный центр.

Казарма Шанзи. Прохожу регистрацию. На складе мне выдают полевую форму и шинель. Поскольку мы находимся в маршевом подразделении, она же должна служить и одеялом. Услышав мое имя, кладовщик спрашивается, не довожусь ли я родственником депутату от Сен-Дени. «Это я и есть!» Он смотрит на меня с недоверием и, лишь заглянув в мой паспорт, убеждается, что я его не обманываю. Потихоньку он мне шепчет: «Послушай, русские, прямо скажем, неважно поступили!» Объясняю ему суть дела. «А ведь эти негодяи из газет все от нас скрыли!» — восклицает он и крепко жмет мою руку. Он, видимо, член нашей партии...

Меня помещают в комнату вместе с парнями из Лиможа и департамента Дордонь; почти все они крестьяне. Днем в компании двух из них выхожу из казармы. Ребята шагают вразвалку, неторопливой крестьянской походкой; они сокрушаются, что урожай так и остался необмолоченным. В городе мы вместе позавтракали и очень скоро сдружились. Вечером к нам присоединился какой-то тип в штатском; угрюмый, замкнутый, он молчит и ни с кем не разговаривает.

9 сентября

Никаких примечательных событий. Днем таскали кровати, матрасы, чистили овощи. За столом охотно делю компанию с моими соседями по комнате. Меня угощают то персиком, то виноградом. Помогаю им написать заявление о выплате военного пособия.

Два сержанта, не скрывая, что они члены коммунистической партии, пришли, чтобы пожать мне руку. Кампания в печати их не поколебала...

Стоит изнурительная жара. Вечером вместе с двумя товарищами по комнате — они тоже не скрывают, что они коммунисты, — выходим на берег Дордонн подышать свежим воздухом. Пользуюсь случаем и рассказываю им об интервью К. Е. Ворошилова, о котором газеты тщательно умалчивают.

Узнал от них, что один старшина, отец троих детей, покончил с собой, бросившись в реку: не мог перенести разлуки с семьей.

10 сентября

Второе военное воскресенье. Утром я пошел повидаться с товарищем Дюшеном, секретарем местного отделения общества «Друзья СССР». Он железнодорожник, уже перешедший на пенсию, муниципальной советник Бержерака от коммунистической партии. Живет он в маленьком домике на берегу Дордони. Бесконечно обрадованный моим приходом, Дюшен рассказывает, сколько ему пришлось перенести в первые дни после подписания советско-германского договора: соседи перестали с ним разговаривать. «Теперь, — добавляет он, — стало полегче». Лубраду, депутат от местного избирательного округа, пытался склонить его к разрыву с компартией, но Дюшен показал ему на дверь. «Прямо скажу, мне не вполне ясны причины заключения договора, — признается он. — Я все ждал: вот-вот появятся комментарии». После долгой беседы мы прощаемся, очень довольные нашей встречей.

Во второй половине дня уже в казарме меня схватил какой-то сержант и приказал перенести стекла. Он уже несколько часов искал, кому бы это поручить, и с облегчением вздохнул, когда я взялся за дело.

Вечером на плацу организуется импровизированный концерт, каждый в него «вносит свою песенку». Все мы уже сдружились между собой, за исключением угрюмого типа в штатском, который возвратился в казарму в десять вечера. Мне сказали, что это сын нотариуса, что к нему ходит много офицеров. Сегодня он впервые удостоил нас своим разговором: сообщил адрес публичного дома. Он внушает мне подозрения: возможно, доносчик...

11 сентября

Утром меня вызвали к начальству и сообщили, что Бержерак в моем мобилизационном предписании указан ошибочно, а прибыть мне следует во 2-й саперный

полк в Меце. Я должен немедленно отправляться в новую часть.

Прощаясь с товарищами по комнате, крепким рукопожатием они выражают мне свои дружеские чувства. Все сожалеют о моем отъезде, потому что я, как они говорят, «человек интеллигентный». Между тем сын нотариуса всех против себя восстановил. А сегодня утром он сказал своему соседу: «У меня большие связи, в гарнизоне я знаю всех офицеров — членов ФСП¹, надеюсь пробыть здесь всю войну!» Этот читатель газеты «Матэн», этот ярый «патриот» только и думает о том, как бы отсидеться...

На вокзале узнаю, что поезда на Париж не будет до вечера. Возвращаться в казарму бессмысленно. Решил зайти к Дюшену, который приглашал меня обедать. Днем слышу по радио: «Мы уверены в победе... Немцы могут продержаться только до рождества... Польское контрнаступление уже началось...»

В десять вечера товарищ Дюшен провожает меня на вокзал. Распиваем бутылку вина в компании еще одного товарища из местной коммунистической ячейки, чернорабочего, отца четырех детей. Он преисполнен доверия к своей партии, к политике Советского Союза. «Должен тебе сказать, что я однажды уже читал, а недавно еще раз перечитал «Историю КПСС». Тот, кто в этом разобрался, как броней защищен против всяких выдумок и небылиц...» Лубраду пытался и его сбить с толку, но этот стойкий человек не поддался. «Можешь не сомневаться, товарищ Гренье, здесь не подведут, это точно...» Как много дает общение с рабочими-коммунистами, сколько сил черпаешь в беседах с ними! Я понял, каким неоценимым капиталом располагает наша партия.

В поезде читал «Ви увриер», которую купил на вокзале. И это оказалось источником бодрости. Гастон Монмуссо пишет: «Нет, Европа не будет гитлеровской!» С удовлетворением обнаруживаю в газете имя профессора Валлона: этот человек не отрекся от своих убеждений. Обращает на себя внимание энергичная

¹ Французская социальная партия, правая партия, руководимая полковником Де ля Рокком, одним из организаторов фашистского путча 6 февраля 1934 г.

деятельность профсоюза металлистов Всеобщей конфедерации труда (ВКТ), о которой сообщают ее секретари Амбруаз Круаза и Раймон Сема: создание фонда помощи семьям мобилизованных, организация профшколы для обучения женщин производственным специальностям, открытие бюро по трудоустройству при Доме металлиста. Однако сколько в газете пробелов: цензура режет немilosердно!

12 сентября

От Орлеана всю ночь ехал с двумя женщинами из Онэ-су-Буа. Вместе с детьми они были эвакуированы в департамент Луаре, но возвращаются обратно, так как, по их словам, там ничего не подготовлено для устройства эвакуированных: людей размещают в непригодных сараях, неразбериха такая, что многие предпочли вернуться.

В три часа дня прибываем в Париж. Андреа рассказывает, что накануне к нам домой приходили жандармы предупредить, что мне следует отправляться в часть лишь на десятый день мобилизации. Ничего не скажешь — своевременное предупреждение... От нее же узнаю, что секретаря общества «Друзья СССР» департамента Нор Сюзанну Каже приговорили к шести месяцам тюремного заключения за распространение листовки, разъясняющей причины подписания советско-германского договора...

В секретариате коммунистической группы парламента узнаю, что наших людей продолжают исключать из комиссий. Так, недавно состоялось собрание комиссии по иностранным делам. Даже не дав нам возможности выступить, из ее состава исключили Флоримона Бонта, депутата от Парижа, участника войны 1914 — 1918 годов; Брена, депутата от Ллона, инвалида войны, лишившегося обеих ног, офицера ордена Почетного легиона; Доля, депутата от Эльзаса; Габриэля Пери и меня. При этом комиссия не сочла нужным вывести из своего состава господина Фландена, который в связи с Мюнхенским соглашением направил Гитлеру поздравительную телеграмму.

Вечером поезда в Мец нет...

13 сентября

В семь утра я — на Восточном вокзале. Поток отъезжающих заметно схлынул, поэтому немногие резервисты едут обычными поездами. А поезда идут здесь куда быстрее, чем на западе; часто встречаются воинские эшелоны, санитарные составы.

В шесть часов вечера прибываем в Мец. Снова я в этом старинном лотарингском городе, где пятнадцать лет назад проходил действительную службу. Город ничуть не изменился, разве что еще явственнее заметен его военный облик. На каждом шагу военнослужащие различных родов войск, витрины магазинов заколочены, многочисленные объявления предупреждают жителей на случай тревоги, эвакуации и т. п. Погода стоит холодная, пелена мелкого дождя окрашивает в серый цвет и людей и предметы.

Семь часов вечера, докладывать о своем прибытии уже поздно; устраиваюсь на ночлег рядом с караульным помещением в компании трех парней, которые способны поверить любой небылице и говорить с которыми суцая мука. Не к чему строить иллюзии: вряд ли я еще когда-нибудь встречу таких же славных ребят, как в Бержерак!

14 сентября

Прохожу регистрацию в канцелярии 2-го саперного полка. На складе говорят, что все имущество уже переброшено в новый район дислокации. С трудом для меня нашлись брюки, синяя куртка и шинель. Выдали ранец и кое-что из снаряжения. Потом дали старую винтовку образца 1875 года. На складе со мной вступает в разговор высокий, свирепого вида сержант. По его мнению, военное пособие полагается всем, в том числе и мобилизованным в армию миллионерам. Об этом он твердит непрерывно, и я даже не пытаюсь его разубедить.

В комнате вместе со мной четыре резервиста и шесть юношей, проходящих здесь действительную службу. Юноши работают в офицерской столовой и потому не попали «на передовую», как другие их

сверстники. Они пользуются каждой свободной минутой, чтобы срезаться в карты.

В полдень проверка ранцев. Какой-то сержант узнает во мне своего депутата и помогает все как следует уложить. Это оказывается очень кстати, потому что я уже успел позабыть многое из того, чему меня когда-то учили.

Дисциплина очень жесткая. Увольнение в город только на два часа — с шести до восьми, как раз то время, когда кафе переполнены.

15 сентября

Сегодня пришлось изрядно потрудиться. Всю материальную часть 2-го саперного полка, разбросанную по разным складам, надо собрать в одно место: полк вскоре переводят в новый район, в город Лаваль. Многие стараются увильнуть от работы. Из четырех работает один.

Вечером впервые за три дня просматривал газеты. «Эвр» всячески восхваляет «французское единство» в противовес тому разброду, который якобы царит в Германии. Ничего себе «единство», когда депутат Бартеlemi, мэр города Пюто, потребовал в парламенте исключения коммунистов!

16 сентября

Утром на смотре — в полном боевом снаряжении. Тянулось это куда больше времени, чем требуется для того, чтобы распределить людей по взводам.

Воскресенье, 17 сентября

В шесть часов вечера с двухдневным запасом продовольствия нас погрузили в поезд. Ради операции, которая требовала от силы два часа, мы для начала промаялись целых пять. В вагоны напихали по сорок семь человек, хотя тридцать пять и то было бы слишком. Ночь предстоит тяжелая. Вытянуться невозможно,

придется всю дорогу просидеть на ранце. Теснота страшная. Впрочем, война вовсе не предполагает комфорта.

18 сентября

Утром проезжаем парижский пригород. Нас везут по «большому кольцу», мы минуем Стэн, Пьеррефит, едем в нескольких километрах от моего дома. Длинные стоянки. Жители встречают нас очень-сердечно, во всем чувствуется парижская приветливость и радушие. Приносят кофе и газеты. Всюду читаю: «Россия вторглась в Польшу». Для моих попутчиков это повод взвалить на Советский Союз ответственность за поражение нашего союзника. Усталые и издерганные после долгой изнурительной дороги и бессонной ночи, они приходят в ярость при чтении газет, в один голос осуждающих Советский Союз.

Вопрос с Польшей мучил меня весь день. Помню, в пятницу я видел в газете «Эвр» карту, на которой было показано, что значительная часть Польши уже оккупирована Германией. В пятницу же в газете «Пти паризьен» Шарль Морис писал, что у Польши даже не было времени провести всеобщую мобилизацию. Помню также, что год назад, в период Мюнхена, польское правительство потребовало у несчастной Чехословакии угольный район Чески-Тешин, играя таким образом на руку Гитлеру. Способно ли было полуфеодальное польское государство, управляемое военщиной, создать условия, необходимые для успешного сопротивления агрессору? Сомневаюсь. А мы? Что мы сделали за эти две недели, чтобы оказать Польше помощь? Ни одного авиационного налета на Германию. Ни одной, хотя бы незначительной, атаки немецких позиций. Ежедневно в коммюнике указывалось: «ничего существенного не произошло» или «в течение ночи на фронте было спокойно».

Все это так, но это еще не объясняет причин вступления советских войск на польскую территорию. Может быть, нельзя было допускать немцев слишком близко к советской границе? Я думаю также, что, если бы Советский Союз хотел нанести Польше удар, он

сделал бы это с самого начала немецкого нападения, а не тогда, когда сопротивление поляков было уже сломлено.

Но в спор со своими товарищами я не вступаю — они слишком возбуждены и просто не способны рассуждать хладнокровно.

В Лаваль мы прибыли в полночь. Здесь нам предстоит провести еще одну ночь, сидя на своих ранцах.

Глава IV

«СТРАННАЯ ВОЙНА»

19 сентября

В шесть часов утра команда: «Ранцы надеть!» Через еще спящий Лаваль идем в отведенную нам казарму. Оказывается, это большое помещение — Дворец промышленности, где раньше устраивались выставки. Вокруг огромного зала и галерей нижнего этажа набросали солому, устроили умывальню — одну на шестьсот человек! В остальном дело за французской изобретательностью, и вот уже каждая небольшая группа, человек в пять, быстро раздобыла для себя доску, приколотила ее к стене, набила гвоздей, так что есть где повесить ремень, противогаз, шлем, ранец и шинель.

Нам разрешают свободно выходить из казармы, так как обедом нас еще не обеспечивают. Мы этим пользуемся, чтобы побаловаться сидром. Стоит он здесь недорого. Заодно можно и газету почитать: злобные наскоки на Советский Союз, антикоммунистические выпады внутри ВКТ (язык некоторых лидеров федерации горняков ничем не отличается от языка фашиста Фернана Лорана в газете «Жур»)...

Много раз я думал о том, правильно ли вел себя вчера в вагоне. Не должен ли коммунист в любых случаях идти против течения, даже если он и не располагает достаточной информацией? Может ли мне служить оправданием то, что мои спутники были вне себя? Впрочем, вчерашний день — дело прошлое. Важно сегодня. Теперь мне нужно выявить — по одному — всех коммунистов, которые находятся в нашей части: нам надо как-то объединиться, общими усилиями разобраться во всех сложных вопросах, чтобы быть

в состоянии разъяснять их остальным товарищам и потом уже влиять на людей исподволь, без спешки, предотвращая возможные провокации и репрессии.

20 сентября

Наконец-то мы провели ночь нормально. Днем строевые занятия, отработка приемов обращения с оружием. Все это не слишком утомительно, так как устраиваются большие перерывы. После обеда — дежурство на кухне. Погода прекрасная.

Вечером гуляем по городу. Встретили много англичан. Набродили на душевой павильон и коммунальную прачечную, куда можем отдавать в стирку свое белье, потому что в казарме ничего для этого не приспособлено.

Сегодня утром после переклички ко мне подошел молодой человек и, тронув за плечо, тихо спросил:

— Случайно не Гренье, не депутат от Сен-Дени?

— Он самый.

— Дельфос из Ватрело, это около Рубе, коммунист, — представляется мой новый товарищ.

Крепкое рукопожатие. Десятиминутный разговор. Этот рабочий-текстильщик, с 1936 года делегат на своем предприятии, смотрит на вещи совершенно правильно, события не поколебали его убеждений. Приятно сознавать, что нас уже двое.

21 сентября

Утром — отработка приемов обращения с оружием. Во вторую половину дня нас послали чистить картошку, не иначе как для этого на построение нам было приказано явиться в касках...

В печати много пишут об отставке моего «коллеги» Фуррье из муниципалитета Дравея.

22 сентября

Сегодня я от занятий освобожден: иду на склад — туда поступили вещи, которых мне недодали еще в Меце.

Примечательный случай: в огромном помещении, где мы спим, нет света, и поэтому вечерами здесь творится нечто невообразимое. Мишенью для всех является старшина действительной службы, за свое уродство получивший прозвище Сом. И вот, пользуясь тем, что в темноте никого не различишь, люди высказывают вслух все, что у них накопило. Сегодня вечером старшина обрушил на нас потоки ругани. Ему ответили свистом. Проходя мимо моей койки, он в ярости крикнул:

— Знаем, кто здесь сеет смуту — банда коммунистов!

Я встал и обратился к нему:

— Вы имеете в виду меня? Я спрашиваю потому, что являюсь коммунистическим депутатом, и вы, по-видимому, готовы возложить на меня ответственность за любое проявление недовольства. Ну что ж, дело ваше! Но только учтите, что я никогда не нарушаю порядка, не уклоняюсь от занятий, выполняю любую работу, и спровоцировать меня вам не удастся.

Я сказал это спокойно, не повышая голоса. Воздарилась многозначительная тишина. Должно быть, она подействовала на старшину отрезвляюще: он извинился, сказал, что не имел в виду лично меня, что у него нет ко мне никаких претензий и т. п. Видимо, не зря я дал ему отпор.

Вечером обнаружил в «Эпок» любопытную статью Бернара Лаверпя, озаглавленную «Возвращение России в Европу». В ней говорится, что вступление Советского Союза в Польшу позволило Москве «заполучить львиную долю» и что это не может доставить удовольствия Гитлеру. Тон уже совершенно иной, никак не похожий на тот, в каком ежедневно пишется о «соглашении Сталин — Гитлер». Я сделал вырезку: передал ее Дельфосу, а он как-нибудь, между прочим прокомментирует ее среди своих соседей по комнате.

23 сентября

Утром совсем еще молодой младший лейтенант повел нас в городской сад неподалеку от казармы заниматься гимнастикой.

После обеда — проверка противогозов, впервые с момента мобилизации. Кое-кто забавляется: штыком проверяет прочность соединительной трубки... Мне такая беспечность кажется неуместной: «А если будет газовая атака?» — «Не будет!»

Вечером, после ужина, в кафе полно народу. Кроме рабочего-текстильщика Дельфоса, за три дня я наладил контакт с другими солдатами-коммунистами: с Шарве, строительным рабочим из XVII округа Парижа; с рабочим-стекольщиком Робером де Сент-Омером из департамента Эна; с шахтером Бисленком из Па-де-Кале. Каждый вечер хожу в город с двумя сержантами — безансонским железнодорожником Першем, называющим себя «социальным католиком», и парижским почтовым служащим Дерасинуа, сочувствующим коммунистам. Мы собираемся в маленьком кафе поблизости от казармы. Хозяин, по фамилии Мориссо, — участник мировой войны, человек веселый и экспансивный. Его жена очень любезная, приветливая женщина; у них две дочери, молодые девушки. Уютная атмосфера маленького быстро придает нашим ежедневным встречам душевный характер. Мы обсуждаем последние новости, толкуем о жизни в казарме, бывает, что и споем какую-нибудь популярную песенку.

24 сентября

Первый воскресный день в Лавале. Утром нас выстроили в полном боевом снаряжении, чтобы разбить на роты. После обеда гуляли вдоль берега Майенны: собирали ежевику, болтали с рыбаками. На маленькой, тесной танцплощадке, осаждаемой солдатами и множеством молодых девиц, танцы под патефон. Наша молодежь осталась потанцевать, а мы, кто постарше, двинулись дальше — так и шатались без цели, как бывало во времена действительной службы. В девять вечера вернулись в казарму, а тут как раз один эльзасец, великолепный аккордеонист, демонстрировал свое искусство.

Сегодня прочел газеты «Пти паризьен», «Эпок» и «Парп-суар». Ни в одной из них не выражается сожаление в связи с тем, что Польша прекратила сопро-

тивление. И в то же время яростные вопли по поводу того, что в районах, занятых Красной Армией, установлена советская власть. Совершенно очевидно, что эти газеты видят врага не в лице Германии, а в лице Советского Союза.

25 сентября

Утром — огневая подготовка, днем — строевые занятия. Проверка производится среди полнейшего хаоса, так что многие пользуются этим и просто не являются, а уходят пошататься по набережной.

Пример «организации»: склад материальной части находится на ферме, в семи километрах от Лавалья; ежедневно туда отправляют грузовичок за каким-либо имуществом. Между тем вечером сержант Перш сказал мне, что завтра он возьмет с собой пять человек и они пешком пойдут на склад... за гвоздями!

26 сентября

Утром большие строевые учения в присутствии командира батальона, во вторую половину дня — марш.

Жена сержанта Дерасинуа перебралась в Лаваль. Сегодня я приглашен к ним на ужин. Это все-таки не то, что ежедневное солдатское меню. За ужином познакомился с тестем Дерасинуа, голосовавшим за нашего товарища Тушара, депутата от XIX округа Парижа. Настроен он превосходно, пропаганда в печати на него ничуть не повлияла.

Газета «Эвр» подняла большую шумиху вокруг выхода из ФКП писателя Поля Низана. Причина выхода — «предательство России». Что тут скажешь? Можно быть хорошим писателем и поддаться влиянию разнузданной антикоммунистической пропаганды. Выход Низана из партии меня лично очень огорчает (мне нравились его статьи, с удовольствием я читал его «Заговор»), но мне, как коммунисту, придает силы глубокая вера, сознательность и твердость, присущие товарищам, с которыми я встретился в Бержераке, в своей роте, и таким людям, как Дерасинуа и его тесть.

27 сентября

Сегодня дежурил в загоне для скота. Его устроили на окраине города: на широкой поляне собрали рогатый скот, реквизированный у окрестных жителей; отсюда он будет отправлен на ближайшую бойню. Из-за плохого ухода животные быстро тощат, что приводит в негодование крестьян из резерва второй очереди, которые их караулят.

Забыл отметить: к нам в часть прибыли «старички». Для нас и то не находят дела, а тут еще призывают людей пожилого возраста! Может быть, в ближайшее время готовятся боевые операции?

О военных действиях на фронте газеты почти ничего не сообщают, разве что упоминается об отдельных воздушных боях.

В профсоюзных организациях антикоммунисты объявили войну тем, кто отказывается осудить советско-германский договор, и самым бесцеремонным образом ушли со своих постов.

28 сентября

Снова на дежурстве. Развернул газету, и больно кольнуло сердце: большими буквами сообщается о роспуске Французской коммунистической партии. Начали они с того, что запретили «Юманите», «Се суар», собрания; их судьи жестоко обрушились на тех, кто распространял наши листовки, и вот теперь мы объявлены вне закона. Во мне все кипит, когда я читаю комментарии всех этих подпевал, вчерашних мюнхенцев, этих синдикалистов, которые завидуют популярности наших профсоюзных деятелей и соперничают друг с другом в злобной ругани...

В течение дня повидался со всеми товарищами. Ни один из них не впал в уныние. Даже сочувствующие реагируют правильно. «Однако эта война свободы против диктатуры принимает любопытный оборот!» — сказал мне один. Другой рассуждает: «Им не дают покоя социальные завоевания Народного фронта. Они хотят воспользоваться войной и отнять у нас эти завоевания». А еще один возмущается: «Они это сделали, не спросив

согласия полутора миллионов избирателей, голосовавших за коммунистов! Шайка подлецов!»

Я абсолютно убежден в том, что паша партия сумеет выдержать любые удары, но страшно другое: удар нанесен единству французского народа, и нанесен во время войны...

Вечером были у Мориссо и, как всегда, не спеша тянули сидр и пиво. Эти славные люди относятся к нам совершенно бескорыстно. Как обычно, не обошлось без пения. Я вспомнил «Труженников мысли», любимую песню моего отца; должно быть, я исполнил ее с чувством, потому что аплодировали мне особенно горячо и дружно. Думаю, что друзья видели, каково мне сегодня досталось, и захотели выразить мне свою симпатию. В трудный час такое проявление чувства солидарности, я бы даже сказал — братства, придает человеку силы.

29 сентября

Сегодня ровно год со дня подписания Мюнхенского соглашения, по которому Даладье и Чемберлен отдали Гитлеру часть Чехословакии — Судетскую область, где было сосредоточено 70 процентов чехословацкой промышленности, а главное, там находилась линия укреплений, построенная по образцу нашей «линии Мажино». Этим позорным соглашением Франция предала своего давнего союзника, который сдерживал на своих границах 35 немецких дивизий и авиация которого могла воздействовать на Берлин, Дрезден, всю южную Германию. Когда Даладье вернулся из Мюнхена во Францию, фашисты и кагуляры, собравшиеся на пути его следования с аэродрома Бурже, приветствовали его как «миротворца». Как же такое стало возможным? Это результат отравляющего воздействия печатной и устной пропаганды.

Чего только не выпало с тех пор на нашу долю! Мрачный 1939 год: в феврале — гибель Испанской республики и победа Франко, союзника Гитлера и Муссолини, в марте — вступление Гитлера в Прагу, в апреле — захват Албании итальянским диктатором...

И вот для роспуска нашей партии они выбрали годовщину Мюнхена. Но мы устоим невзирая ни на что!

Сегодня в шести километрах от Лавалья еще с одним парнем грузили на автомашины ящики с оконным стеклом для строительства ремонтных мастерских инженерных войск. В каждом ящике по 180 килограммов веса, так что работенка эта для докеров, а нам без привычки она не по силам.

Вот уже неделю в казарме по вечерам очень холодно. Ночью мы просыпаемся и стучим зубами. Сегодня во время вечерней поверки со всех сторон раздались возгласы: «Давайте одеяла!» Санкций не последовало, иначе пришлось бы наказывать всех.

30 сентября

Сегодня снова в наряде: грузили огромные брусья для строительства ремонтных мастерских.

Вечером радостный сюрприз: приехала Андрэа (письмо и телеграмма с сообщением о ее приезде задержались). Она рассказала о новостях, которые слышала по Московскому радио. Оказывается, часть Польши, занятая Красной Армией, — это белорусские и украинские территории, незаконно отнятые у Советского Союза реакционной Польшей в 1921 году. Теперь мне все стало куда яснее: вернув свои же собственные территории в момент, когда польское сопротивление было полностью сломлено, а варшавские правители укрылись в Румынии, Советский Союз тем самым предотвратил оккупацию этих территорий гитлеровской Германией. Таким образом, подтвердилась правильность аргументации, к которой за последнюю неделю прибегали в своих разговорах с солдатами Дельфос, Шарве и другие товарищи.

Андрэа рассказала мне о поведении коммунистов Сен-Дени. Случаев отступничества среди них было очень мало. Не сломило их дух и сообщение о роспуске компартии. Вместе с тем наши заклятые враги дорнотисты со злорадством приветствовали это решение правительства: оно льет воду на их мельницу.

1 октября

На утренней поверке выяснилось, что мое отсутствие прошлой ночью осталось незамеченным. В первую половину дня был назначен в наряд, два часа работал на ферме, а потом попутной машиной вернулся в Лаваль. Погода вновь установилась чудесная, и мы с Андреа пошли погулять. Пожелтевшая листва на деревьях говорит о наступлении осени...

2 октября

В связи с роспуском коммунистической партии возникает вопрос о судьбе коммунистических депутатов и сенаторов, которые являются законно избранными парламентариями. Андреа говорит, что в соответствии с законами в парламенте создана Рабоче-крестьянская группа. Андреа привезла мне текст заявления о том, что я готов войти в ее состав; я должен подписать это заявление, а она по возвращении передаст его Артюру Раметту, он по-прежнему работает в палате депутатов и является председателем вновь созданной группы.

3 октября

В семь тридцать, во время построения, мне удалось сачкануть, как принято выражаться в армии, и я не пошел в наряд: Андреа сегодня здесь последний день. Вечером узнал от ребят, что на мое отсутствие никто не обратил внимания.

Утренние газеты кипят возмущением по поводу письма, с которым председатель Рабоче-крестьянской группы обратился к председателю палаты, но текста этого письма не публикует ни одна газета.

4 октября

Сегодня работа на строительстве. Целый день грузили солому и разгружали камень.

В роту прибыло пополнение, в основном железнодорожники, подлежащие мобилизации на тридцатый

день. Во время раздачи еды — полный кавардак: одним достается по две порции, другим ни одной. В моем взводе все проходит гладко, потому что ребята все больше и больше прислушиваются ко мне, когда я им объясняю, что нехорошо быть эгоистами, что надо думать и о других. А кое-где дело доходит до крупных споров и даже до потасовок. Неужели некоторым достаточно падеть военную форму, чтобы уже ни о чем больше не думать, не рассуждать и предаться лишь заботам о своем желудке?

Антикоммунистическая кампания в печати сегодня усилилась. «Эвр» вышла со злобной передовой. Мой сосед сказал мне сегодня вечером: «Такое впечатление, будто они собираются воевать не против Гитлера, а против коммунистов...»

5 октября

Опять работа на стройке — целый день ковырялись в глине.

Вечером во время ужина — дикая неразбериха. Помещение для столовой до сих пор не оборудовано. Первые две недели, пока стояла хорошая погода, мы ели, усевшись прямо на лужайке около казармы. Но сегодня дождь. Пищу раздают под открытым небом: каждый получает свою порцию и потом в коридоре стоя ест. А ведь деревья хоть отбавляй, среди солдат есть десятки столяров, и, разумеется, ничего не стоило бы сколотить столы и скамейки, после еды все это можно было бы убрать. Дело нехитрое, и оно будет сделано, но только с опозданием недели на две, а то и на месяц.

Из утренних газет явствует, что Рабоче-крестьянская группа палаты может стать объектом преследований за «сговор с врагом»; сообщается о том, что предъявлены обвинения председателю группы Артюру Раметту и одному из ее секретарей, Флоримону Бонту. Правительство снимает также со своих постов мэров-коммунистов. Их муниципальная политика, имевшая целью защиту прав престарелых, безработных, заботу о детях, приравнена к «сговору с врагом»! Фактически же «двести семейств» и их сообщники пользуются создавшимся положением, чтобы разделаться с нашей

партией. Но это им никогда не удастся, ибо наша партия служит интересам рабочего класса, всего народа.

Заслуги рабочего класса, заслуги одного из его отрядов — железнодорожников как раз и отмечают сегодня газеты в связи с высоким патриотизмом и великолепными профессиональными качествами, проявленными железнодорожниками в течение первого месяца войны. При этом газеты, разумеется, не указывают, что очень многие из железнодорожников являются коммунистами¹.

6 октября

По-прежнему работал на стройке: команде из пяти солдат во главе с капралом поручено носить воду из реки. Но так как для заполнения столитровой бочки в нашем распоряжении имеется только одно ведро, работать всем одновременно просто невозможно. Поэтому я предложил товарищам разделить на две группы, с тем чтобы одна таскала воду, а другая тем временем помогала двум старикам крестьянам, которые неподалеку, на соседнем поле, собирали картофель. Все с готовностью согласилось, так что за два часа картофель был убран, и в награду за помощь мы получили яблоки.

Во вторую половину дня — проливной дождь. Пере-

¹ Спустя тридцать лет, прошедших с тех пор, как писался этот дневник, к сказанному можно добавить, что за период «странной войны» тысячи железнодорожников, партийных и профсоюзных активистов, сохранивших верность своему идеалу, были уволены с работы. Сразу же после разгрома 1940 г. железнодорожники заняли свое место в тяжелой борьбе с оккупантами, в которой погибло три их руководителя — Жап Катла (гильотинирован в 1941 г.), Пьер Семак (расстрелян в 1942 г.), Жорж Водли (повешен в 1943 г.), — являвшихся в то же время членами ЦК ФКП. Борьба эта велась в самых различных формах — начиная с организации диверсий, издания подпольного листка «Трибюн де шемино» — и достигла своего апогея во всеобщей стачке парижских железнодорожников в августе 1944 г. 809 железнодорожников было расстреляно, а 1157 погибло в ссылке. В целом за время второй мировой войны погибло 8938 и было ранено 15 977 железнодорожников. Цифры взяты из превосходной книги «Железнодорожники в социальной истории Франции». 1968. («Les Cheminots dans l'histoire sociale de la France», Editions sociales, Paris, 1968.)

жидали его, укрывшись в сарае, целых пять часов. Вернулись в казарму довольно поздно.

Сегодняшние газеты подняли невероятный шум. Огромные заголовки взывают: «Вся нация против коммунистических лидеров!» Пять депутатов-коммунистов — Лубраду и Соссо (департамент Дордонь), Фурье и Бру (Париж), Деклерк (департамент Нор) — распространили в парламенте заявление, в котором они слово в слово повторяют «аргументы» наших противников, непосредственно содействуя, таким образом, репрессиям против коммунистов.

Тридцать пять депутатов-коммунистов в ближайшее время должны предстать перед военным трибуналом. Раметт и Бонт, которым уже предъявлено обвинение, скрываются. Товарищи меня спрашивают: «А ты?» — «Я жду созыва парламента». Многие солдаты моей роты говорят: «Всей этой грязной клевете мы не верим».

7 октября

Сегодня я в карауле и в ожидании выхода на пост воспользовался возможностью привести в порядок свои записи. Из газет узнал, что Морис Торез уехал из своего полка. В сообщениях о преследованиях — большие цензурные купюры. Что говорилось в тех местах, где зияют белые пятна? Неизвестно. В то же время цензура пропустила заявление депутата Альбера Пети, мэра города Баньё (департамент Сена), в котором он от себя лично и от имени коммунистов выражает протест против того, что депутаты-коммунисты, многие из которых являются ветеранами войны 1914—1918 годов, названы «предателями».

8 октября

В каком-то старом номере «Пари-суар», валявшемся в караульном помещении, случайно наткнулся на письмо группы аэростатчиков из прифронтовой полосы: «Нас кормят так, что нам могут позавидовать посетители самых лучших здешних ресторанов». Отличная возможность на конкретном примере показать товарищам по наряду, как забивают людям головы всякой чепухой.

В час дня, сменившись с поста, мы отправились в кино. Было воскресенье. Кинотеатры здесь, в Лавале, получают огромные барыши. Программа весьма посредственная. Киноревью под названием «Стаканчик вина» не слишком нас развеселило. В новостях дня — представление кабинета министров. Появление на экране Даладье вызвало аплодисменты, правда, далеко не единодушные; остальных встречали шуточками.

Кадры: французская артиллерия направляется на фронт. Когда на экране возникли жуткие картины бомбардировки гарнизона Вестерплац в Данциге, в зале воцарилась мертвая тишина. В третьем фильме, «Безумная богородица», участвовал Виктор Франсан, которого я видел впервые. Играет он вяло, и фильм нам не понравился. Шарве, постоянный посетитель наших вечеров советского кино в зале Плейель, выразил и мое мнение, когда сказал: «До трилогии о Максиме им далеко!»

В «Эвр» читаю: «Вчера военный судья допросил еще несколько бывших (sic!) депутатов-коммунистов». Целая колонка посвящена «профсоюзному возрождению». На видном месте перечислены профсоюзы, которые исключают коммунистов из своих рядов. В «Пари-суар» информация об аресте тринадцати депутатов, «бывших коммунистов», фамилии не названы. Попутно сообщается и о других арестах. Обширные комментарии по поводу заявления английского военного министра Хора Белиша. «Через год мы будем иметь на фронте столько же солдат, сколько вы». Ребята спрашивают: «Выходит, через год это не кончится?» Ведь многие еще надеются, что война продлится недолго. Совсем как 1 августа 1914 года, когда уходившие на фронт говорили: «К рождеству будем дома!»

9 октября

Возвращаясь с дежурства в казарму, беседовал с Жернезом, депутатом-социалистом от Камбре (департамент Нор). Несмотря на различие в политических взглядах, отношения между нами такие, какие должны быть между солдатами одной роты. Он явно не считает меня «предателем», и мы поговорили вполне корректно.

Жернез рассказал мне, что он добивался «места, более соответствующего его положению депутата», и обращался с этой целью и к Эррио (председатель палаты депутатов), и к Даладье, и к начальнику гарнизона, и к командиру полка. Его жена и сын находятся сейчас здесь, в городской гостинице. Потом он коснулся отъезда Мориса Тореза из части.

— Очень жаль. Умный человек и так испортил свою карьеру! Теперь он уже не сможет играть политическую роль...

— Не могу с тобой согласиться, — ответил я. — Как и все мы, он явился в свою часть сразу же после объявления войны. Будучи генеральным секретарем коммунистической партии, он оставил армию лишь после того, как наша партия была распущена и коммунисты подверглись преследованиям. Я знаю его с юношеских лет и считаю, что поступил он правильно, иначе он и не мог поступить, к этому его обязывало решение партийного руководства¹. А будущее покажет...

¹ В своей книге «Сын народа» Морис Торез пишет по этому поводу следующее: «26 сентября 1939 г. правительство незаконно издало декрет о запрещении коммунистической партии. Этот декрет ставил вне закона организации и работников нашей партии. Тогда руководство партии приняло правильное решение о моем переходе на нелегальную работу в порядке исключения из того правила, которому я сам последовал: «В случае мобилизации коммунисты идут в армию». Партия и ее руководство были обязаны принять меры, позволяющие сорвать заговор гитлеровцев, которые собирались захватить и уничтожить Францию. Партия, действуя исключительно в интересах французского народа, была обязана сохранить любой ценой свои организации, которые были призваны сыграть ведущую роль в борьбе за национальное освобождение. Партия была обязана обеспечить безопасность своего руководства и бесперебойность его работы, обязана была заботиться о самом существовании своих руководителей.

Четвертого октября я покинул Шони, чтобы снова занять свой боевой пост во главе коммунистических борцов, которых травили и преследовали за разоблачение тех, кто выдал нашу страну Гитлеру. Несмотря на ожесточенную клеветническую кампанию и постоянные преследования, мои товарищи по полку, в том числе и мои командиры, сохраняли уважение и доверие ко мне. Я получил тому многочисленные доказательства. После победы я с удовольствием повидался со своим капитаном и двумя лейтенантами. Впоследствии я узнал, что полковник, который был комендантом Шони, протестовал против попыток возложить на него роль полицейского во время моего пребывания в армии».

Разговор наш на этом закончился, и, пожав друг другу руку, мы распрощались...

Андрэа пишет, что по возвращении из Лавалья она съездила в палату передать мое заявление о вступлении в Рабоче-крестьянскую группу; до передачи в квестуру его необходимо завизировать у председателя группы Артюра Раметта, без чего оно не имело бы силы. Раметта на месте не оказалось. Товарищ, которого Андрэа встретила в помещении, отведенном для депутатов-коммунистов, сказал ей: «С заявлением советую вам пока не торопиться — с сегодняшнего дня против Рабоче-крестьянской группы начато преследование, а партийное руководство решит, когда можно будет его подать». С тех пор Андрэа ничего не известно.

10 октября

С утра маршировка. Днем, во время обеда, сержант Перш сообщил, что он назначил меня в помощь столярам, которые будут изготавливать столы, скамейки, койки...

Когда Даладье выступал с речью по радио, в кафе у Мориссо нас было человек десять-двенадцать. Его слова о коммунистических лидерах были встречены весьма неодобрительно.

11 октября

Утром — на подсобных работах при столярах. Здесь тоже никакого порядка. Молоток приходится захватывать чуть ли не силой, потому что на восемь групп их всего четыре. Этой «войны» за инструмент очень просто можно было бы избежать, для чего достаточно выдать еще четыре молотка, но служба снабжения в этом отказывает, хотя молотки на складе имеются. Наши жалобы ни к чему не приводят, так что мне остается только бросить работу и приняться за свою корреспонденцию.

Кстати сказать, по этой части дел у меня все больше и больше. Если, к примеру, кому-то из ребят понадобилось обратиться с заявлением к «властям» и он не

знает, как составляют бумагу, идут ко мне. Известно, что я не откажу в такой услуге. Тем более что бывают действительно любопытные случаи. Скажем, мой сосед по комнате: его призвали в самом начале мобилизации, а у парня пятеро детей, младшему нет и двух месяцев, между тем жена его до сих пор не получает военного пособия! От его имени я написал корректное, но решительное заявление префекту департамента. Если просьба его не будет удовлетворена, я обещал парню обратиться лично к военному министру.

Вечером два солдата из нашей роты из-за какого-то пустяка затеяли потасовку: эльзасец придрался к валлонцу и стал попрекать его в... бельгийском происхождении. Началось с оскорблений, а дошло до кулаков, хотя мы и пытались всячески их унять. Только вмешательство офицеров положило конец этой драке.

Читал в газете, что двум депутатам-коммунистам, Этъену Фажону и Андре Парсаль¹, мобилизованным в армию, предъявлено обвинение в том, что они вступили в Рабоче-крестьянскую группу парламента. Вскоре я узнаю, не ждет ли и меня та же участь.

12 октября

По-прежнему занят на столярных работах.

Сегодня днем к нам в часть приезжал генерал. С утра офицеры лезли вон из кожи, чтобы привести все в порядок. Нам приказано было иметь при себе винтовку, патронташ, каску, шинель. Разноречивые распоряжения следовали одно за другим. И вся эта кутерьма была из-за ничего: визит генерала продолжался ровным счетом семь минут.

Часов в двенадцать дня меня вызвал к себе командир роты — он еще не был со мною знаком, — чтобы выяснить подробности вчерашнего инцидента. Я рассказал то, чему сам был свидетелем. Воспользовавшись разговором, я спросил, почему у нас в части нет хотя бы маленькой библиотечки: будь у нас книги, солдаты, не имеющие средств на развлечения, могли бы вечера-

¹ Этъен Фажон — депутат от Курбеуа, Андре Парсаль — депутат от Сеп-Мора (департамент Сена).

ми, после ужина, заняться чтением. Командир роты обещал поговорить на эту тему с майором. Проводив меня до двери, чтобы нас не слышали, он сказал: «Я вполне вами доволен... Если у вас есть ко мне какая-нибудь просьба, пожалуйста, не стесняйтесь... Мне ваше положение понятно».

Солдаты 2-го саперного полка, находившиеся на фронте с начала войны, переведены в батальон расквартирования. Один парень уверял меня, что из 280 солдат его роты целыми и невредимыми остались только 50, другие либо убиты, либо ранены. В занятых нами районах по реке Саар немцы, по-видимому, установили дьявольски коварные мины, замаскировав их в виде ржавых консервных банок. В первые дни саперам здорово досталось. Сейчас, вероятно, стало полегче, потому что для обнаружения минных полей впереди пускают скот.

13 октября

Занят на столярных работах. Паузы заполнены оживленными разговорами. Тема дня сегодня — отъезд в первое суточное увольнение. Все дают друг другу советы, как вырваться в субботу возможно раньше, и всячески мудрят и изворачиваются, чтобы избежать проверки на контрольном пункте станции Лаваль.

Сегодняшние газеты комментируют выступление Чемберлена в палате общин. Люсьен Бурж в «Пти паризьен» расценивает уступку Вильно литовцам как «ловкий трюк Кремля». «Под защитой московского медведя, — пишет он, — литовцам не страшны будут проски их немецкого соседа, который, несомненно, проглотил бы их без остатка». «Парп-суар» пишет на первой полосе: «Явится ли Мемель первым куском, вырванным у Гитлера? При поддержке Москвы Литва потребует от рейха пересмотра мартовских соглашений, передавших Мемель в руки Германии».

Я вырезаю из газет эти немногие правдивые сообщения, и товарищи комментируют их и разъясняют солдатам.

Показал Дельфосу статью в «Эвр», занимающую целую колонку. Статья озаглавлена: «Профсоюзы

рабочих текстильной промышленности департамента Нор объединились в новую федерацию, которая приняла решение прекратить всякое сотрудничество с коммунистами, стоявшими во главе прежней организации». Дельфос на это замечает: «Объединение предпринимателей будет потирать руки от удовольствия!»

14 октября

С утра столярные работы, потом уборка мастерской. Газеты сообщают, что шесть депутатов-коммунистов были вызваны для допроса к следователю. Пятеро — Жан Бартолини, Гастон Корнавэн, Эмиль Коссонно, Альфред Кост и Амбруаз Круаза¹ — держались великолепно. По милости цензуры мы не знаем точно, что они говорили, однако «Эпок» отмечает, что они «заявили о своем согласии с содержанием письма, адресованного г-ну Эррпо, считают его своевременным и настаивают на том, что они действовали без чьей-либо подсказки со стороны, а, кроме всего прочего, письмо их представляет собой не более чем парламентский рабочий документ». Шестой депутат, Марсель Капрон², отмежевался от этой пятерки. В отличие от других газет «Эпок» сообщает, что наши товарищи были доставлены на допрос в наручниках.

Указывая, что Советский Союз заключил 28 сентября договор о взаимопомощи с Эстонией, 5 октября — с Латвией, и 10-го — с Литвой, газета «Тан» пишет: «Самое поразительное в договорах о взаимопомощи, заключенных недавно с Прибалтийскими государствами, состоит в том, что все их положения — все до единого — явно направлены против германской мощи». Эту статью тоже стоит вырезать и пустить по рукам.

«Эвр» по-прежнему широко предоставляет свои страницы антикоммунистической кампании в профсою-

¹ Бартолини — депутат от Тулона (департамент Вар); Корнавэн — депутат от департамента Шер; Коссонно — депутат от Ренси (департамент Сена и Уаза); Кост — депутат от Булонь-Бийанкура (департамент Сена); Круаза — депутат от Парижа (XV округ).

² Капрон — депутат от Шарантона (департамент Сена), мэр Альфорвиля; в период оккупации перешел в лагерь коллаборационистов.

зах. Сегодня сообщается о том, что федерация работников табачной промышленности и местное профсоюзное объединение города Нанта приняли решение об исключении коммунистов.

15 октября

Сегодня воскресенье, погода отвратительная. Как убить вечер? Только и остается, что кино. Высокопарный и на редкость глупый итальянский фильм — название я уже позабыл. Другой фильм с участием киноактера Алибера «Человек с улицы Канебьер» — далеко не шедевр, но развлечься можно.

Вернувшись поздно вечером, отпускники долго не давали нам уснуть. Некоторые из них ввалились пьяными; другие непременно хотели перекусить при свете. Началась перебранка, временами дело доходило до форменного скандала.

Прочел в газете, что капитан де Муассак продолжает допрашивать наших депутатов. Вчера были вызваны Фернан Дадю, Шарль Гау, Жак Греза, Анри Мартель, Анри Лозерэ, Альбер Пети, Вальдек Роше, Антуан Демюзуа¹. Подробностей сообщается мало, однако многие газеты дают понять, что во время допросов наши товарищи проявили твердость.

16 октября

Весь день на столярных работах.

Получил письмо из тюрьмы «Фрэн» от секретаря парижского отделения общества «Друзья СССР» Гастона Обера. Его приговорили к тринадцати месяцам тюрьмы за выпуск листовки, разъясняющей причины заключения советско-германского договора и появившейся

¹ Дадю — депутат от Сен-Жермен-ан-Ле (департамент Сена и Уаза); Гау — депутат от Бриньоля (департамент Вар); Греза — депутат от Парижа (XIX округ); Мартель — депутат от Дуэ (департамент Нор); Лозерэ — депутат от Парижа (XI округ); Пети — депутат от Баньё (департамент Сена); Роше — депутат от Нантерра (департамент Сена); Демюзуа — депутат от Онэ-су-Буа (департамент Сена и Уаза).

перед самым объявлением войны. Письмо это великолепно, чувствуется, что духом он силен по-прежнему. Таких парижских рабочих, как Обер, не сломить никакими репрессиями¹.

В газетах сообщается, что переговоры между Советским Союзом и Финляндией прерваны.

17 октября

По-прежнему на столярных работах.

«Эвр» продолжает свои разглагольствования: «Германия, по-видимому, ожидает от своих русских союзников атаки в направлении Ирана и Индии».

Допрос депутатов Шарля Бенуа, Огюста Тушара, Жана Дюкло². Жардон, год назад на частичных выборах избранный депутатом от Алье, вел себя не лучшим образом. Если три названных выше не дрогнули, то четвертого — увы! — приходится занести в список капитулянтов.

18 октября

По-прежнему с утра до вечера работа в столярных мастерских. Дело теперь организовано лучше. За прошедшую неделю изготовлено тридцать семь коек. В понедельник было изготовлено девятнадцать, во вторник — двадцать одна, сегодня — столько же. Тем не менее командир батальона орал: «Мне нужна продукция! Надо меньше курить и больше работать!» Ничего не понимает в человеческой психологии: теперь, когда люди стали работать как следует, его ругань абсолютно неуместна.

Сегодня вечером в казарме произошла настоящая демонстрация. Все хором кричали: «Сигарет! Сигарет!» Дело в том, что на три дня задержали выплату жало-

¹ В период оккупации Обер был отправлен в Германию и заключен в концлагерь; убит эсэсовцами за несколько дней до освобождения концлагеря Советской Армией.

² Бенуа — депутат от Вильнев-Сен-Жорж (департамент Сена и Уаза); Тушар — депутат от Парижа (XIX округ); Жан Дюкло — депутат от Версаля (департамент Сена и Уаза).

ванья — десять су на день — п выдачу сигарет. Ничтожные пустяки в мрачной обстановке казарменной жизни вырастают до огромных размеров.

В газетах новости: немцы начали наступление в районе восточнее реки Саар на фронте шириною тридцать километров. В сообщении говорится: «Нашп легкие подразделения отошли с боями». По всей видимости, те несколько населенных пунктов, которые были нами заняты, врагу удалось отбить.

Допросы депутатов-коммунистов продолжаются. Вчера были допрошены Огюст Бешар, Виржилъ Барель, Франсуа Бийу, Луи Про, Жан Кристофоль, Мариус Вазей, Пьер Ларепп, Фернан Вала¹. Все, за исключением последнего, заявили о своей солидарности с письмом к Эррио.

«Эвр» публикует купированную цензурой статью Александра Зеваэса, посвященную истории политического режима во Франции. Статье предпослан подзаголовок: «Арестованные депутаты-коммунисты потребовали, чтобы к ним применили режим политических заключенных. Стало быть, их содержат, как уголовных преступников».

Административная комиссия парижской Биржи труда решила «отлучить» от Биржи все профсоюзы, которые не выскажутся против советско-германского договора.

19 октября

По-прежнему занят на столярных работах. Наш майор снова выкинул номер. Десяток-другой солдат взяли за правило после обеда выходить из казармы, чтобы выпить чашечку кофе, после чего они сразу же возвращались в часть. Майору сие пришлось не по вкусу, и он приказал выставить около казармы пост — четыре вооруженных солдата. Все были крайне недовольны. Если большинство младших лейтенантов, лейтенантов и капитанов относятся к солдатам сочувственно, то

¹ Бешар и Вала — депутаты от департамента Гар; Бийу и Кристофоль — депутаты от Марселя; Барель — депутат от Ниццы; Про — депутат от департамента Сомма; Вазей — депутат от департамента Коррез; Ларепп — депутат от департамента Арденны.

майор и полковник (по-видимому, следовательно) позволяют себе обращаться с резервистами, как с новобранцами. Типичные солдафоны. Их умственные способности столь же ограничены, как и их политические убеждения.

Во вчерашнем номере «Уэст-эклер» нашел любопытную статейку: «Как Россия готовит большевизацию Польши». Цитирую:

«Красная Армия оказывает помощь крестьянам в разделе помещичьих земель. Национализируются банки, крупные компании, промышленные предприятия. Рабочим разрешается занимать дома, оставленные поляками [читай: богатыми землевладельцами. — Ф. Г.]. Крестьянам раздают скот и сельскохозяйственные машины, принадлежавшие помещикам. Открывается большое количество бесплатных начальных школ для детей рабочих и крестьян, преподавание в них ведется на родном языке, что запрещалось польским правительством. Во всех крупных населенных пунктах установлены громкоговорители, и в определенное время население слушает на своем родном языке радиопередачи из Москвы... 22 октября в Западной Украине и Западной Белоруссии должны состояться выборы в народные собрания, которые в законном порядке примут решение о возвращении этих территорий в состав СССР. Восстанавливается порядок на железных дорогах и т. д.»

Нет надобности говорить о том, что эта статья — каким образом редакция и цензура ее пропустили? — доставила мне много радости: речь идет о победах, одержанных рабочими и крестьянами указанных областей. Но это же общие победы рабочих и крестьян, где бы они ни находились!

Репрессии продолжаются. За опубликование в Бельгии статьи в защиту профсоюзного единства арестованы Ракамон, Бекер, Делобель, Финк, Гарсиа и Рейно, но причинить вред Бенуа Фрашону полицейским агентам не удалось.

Среда, 23 октября

Вернулся после двух дней отсутствия — «за безупречную службу» получил два суточных увольнения подряд. В субботу вечером приехал в Сен-Дени. Как

приятно было вновь оказаться в нашей маленькой квартирке, со своими книгами, за домашним столом, на чистой белой постели! Андрэа не падает духом и даже проявила инициативу: сразу же после роспуска партии она попросила одного товарища спрятать в надежном месте несколько книг, папки с бумагами¹. Она мне рассказала много интересного о коммунистах Сен-Дени. «Они великолепно противостоят натиску», — говорит Андрэа. Впрочем, о том же злобно пишет и еженедельная газета Дорио «Эмансипасьон». В ней я прочитал: «Коммунисты продолжают вести свою пропаганду подпольно».

Что касается Дорио, то он публикует статьи за своей собственной подписью и собирает кадры. Его мобилизовали в Ле-Мане и недавно перевели поближе к Парижу, в Санлис, так что он имеет возможность руководить своей Французской народной партией, той, что неизменно поддерживала Гитлера, Франко, Муссолини.

Прочел в газетах о том, что правительство продолжает распускать коммунистические муниципалитеты: список, опубликованный 20-го, включает восемнадцать муниципалитетов департамента Коррез, одиннадцать — департамента Верхняя Вьенна, четыре — департаментов Воклюз, Финистер, Мозель, три — департамента Дордонь. Обыски и аресты среди студентов-коммунистов. Назначены уполномоченные по ликвидации имущества тридцати четырех организаций, включенных в число «коммунистических» только по той причине, что в состав их руководства наряду с другими входили и коммунисты. В Амьене четверо распространителей листовок получили от четырех месяцев до одного года тюремного заключения.

Леон Блюм в «Попюлер» апеллирует к общественному мнению: он жалуется на то, что цензура задержала его статью, в которой он требует созыва парламента. «Возможно ли, допустимо ли, приемлемо ли, терпимо ли, чтобы любой спорный внутриполитический вопрос — а какой вопрос является бесспорным? — за-

¹ Товарищ из Блан-Мениля, чтобы сберечь чемодан, закопал его у себя в саду, но когда после освобождения в 1944 г. чемодан вырыли, все оказалось испорченным.

ведомо и принципиально не подлежал освещению в печати?» Неужели же Леон Блюм забыл уроки Италии и Германии? Буржуазия ведь всегда начинает с того, что наносит удар по коммунистам, потом она обрушивается на социалистов (даже если они требовали антикоммунистических репрессий, участвовали в них или их приветствовали) и, наконец, бьет по либералам.

Во время моего отпуска я повидался со многими товарищами. Они подтвердили, что к арестованным депутатам-коммунистам был применен режим, установленный для уголовных преступников. Узнал я и о том, что угрозы, шантаж, полицейские досье — вот способ, каким пытаются добыть от них заявления против своей партии. Лишь отдельные, слабые духом люди не выдерживают, но огромное большинство коммунистов самоотверженно, с хладнокровным мужеством обеспечивают контакты между товарищами, подпольное издание и распространение «Юманите» и наших листовок, многие экземпляры которых я прочел за время своего двухсуточного отпуска.

Словом, я вернулся полный впечатлений¹.

24 октября

В газетах сообщили, что в ближайшее время один раз в четыре месяца будут разрешены десяти- и восьмидневные отпуска. Эта новость встречена очень горячо, особенно теми, кто к моменту объявления войны находился на действительной службе, как, например, один наш товарищ из департамента Нор — он уже семь месяцев не был дома.

¹ Один из коммунистов, бывших в то время в Лавале, Франсуа Жауан, вспоминает, что я привез им листки подпольного издания нашей дорогой газеты под нашивками своей куртки и шинели, куда их зашила Андраэ. Их пзвлекла оттуда Эжени Грандьер; четыре экземпляра «Юманите», таким путем доставленные в Лаваль, сперва были прочитаны коммунистами, а затем переданы для дальнейшего распространения другим надежным товарищам из числа сочувствующих. Некоторые номера даже переписывались от руки, чтобы сделать их доступными большему числу людей.

По-прежнему занят на столярных работах. Казарменную жизнь на сегодня можно охарактеризовать словами генштабовских сводок: «ничего существенного не произошло». Каждый день доходят новые слухи, обоснованность которых трудно проверить. Видимо, на фронт требуются добровольцы. Пока записалось человек двадцать, в основном это солдаты из Эльзаса и Лотарингии, которые рассчитывают оказаться поближе к своему дому. Другие будут просто-напросто назначены; в их число прежде всего попадут «смутьяны», солдаты, побывавшие на гауптвахте, словом, все те, от кого офицеры не прочь избавиться. Поговаривают также об отъезде командира батальона (жалеть о нем никто не станет) и подчиненных ему офицеров. Наконец, некоторым из нас, и мне в том числе, по-видимому, вскоре предстоит сменить форму цвета хаки, то есть фронтовую, на голубую, а это означает, что мы еще на некоторое время останемся здесь.

Стало прохладно, особенно по ночам. Обещают поставить штук десять печек, а пока что мы буквально замерзаем.

Впервые я захандрил. Не хочется ни работать, ни говорить, ни встречаться с товарищами по вечерам. За два месяца войны нервное напряжение уже дошло до предела.

За последнюю неделю в газетах ничего выдающегося. Советско-финляндские переговоры продолжаются. Во Франции по-прежнему репрессии. Комиссарам-коммунистам, входящим в финансовую комиссию, запрещено выступать с докладами. Фернан Лоран в газете «Жур» предлагает изгнать коммунистов из парламента. Жан Кьяпп, этот полицейский покровитель стольких негодяев, намерен внести законопроект о лишении нас депутатских мандатов.

Газета «Эвр» жалуется на то, что в некоторых казармах на нее наложен запрет, но вместе с тем считает в порядке вещей запрещение восемнадцати организаций, которые отнесены к числу «прокоммунистических» и среди которых значатся такие, как общество «Друзья СССР». В «Пари-суар» что ни день, то новая сенсация. Так, например, в номере от 26 октября газета

вопрошает: «Заменит ли Гитлер национал-социализм национал-коммунизмом, примкнув к III Интернационалу?»

29 октября

Период депрессии длился недолго — сегодня я уже опять пришел в норму. Надо держаться несмотря ни на что. День военнослужащего, который свободен от нарядов и с утра покидает казарму, проходит в Лавале так: утром он убивает время как придется (сегодня, к примеру, мы небольшой группой ходили осматривать старый замок); днем — кино: фильмы показывают в душном помещении старого театра, отделанного в стиле рококо, он сохраняет облик 1900 года даже тогда, когда зрительный зал наполовину заполняют военные в форме цвета хаки; вечером — ужин в городе; в девять часов — возвращение «домой».

30—31 октября

Постепенно начинают устанавливать койки; приводятся в порядок отсеки будущих комнат, словом, бывший Дворец промышленности понемногу превращается в настоящую казарму. Но сколько же времени потеряно из-за бестолкового использования людей!

В газетах сообщается о вступлении литовских войск в Вильно, о речах президента Рузвельта и бельгийского короля, подтверждающих намерение их стран придерживаться политики нейтралитета.

Выполняя волю народа, народные собрания Западной Украины единодушно провозгласили установление в Западной Украине Советской власти. Цензура пропустила в «Парп-суар» сообщение, которое не может не вселять бодрости:

«Народные собрания единодушно одобрили установление в этих районах Советской власти. Раздел земель крупных землевладельцев бывшего Львовского воеводства Западной Украины уже завершен: 178 тысяч крестьян, то есть 78 процентов крестьянских семей,

проживающих в этом районе, получили 717 тысяч гектаров земли, сохранив за собой и ранее принадлежавшие им мелкие земельные наделы. В среднем каждая семья получила 4 гектара земли; впервые получили землю 33 тысячи сельскохозяйственных рабочих, а 175 тысяч семей бедняков и середняков увеличили свои наделы на 1—3 гектара.

Новости что надо! Товарищи уже ведут разъяснительную работу.

Фернан Лоран в газете «Жур» требует покончить с коммунистическим движением: «Никаких церемоний! Объявить вне закона — и точка». Он приводит какую-то невероятную историю со списком заложников, подлежащих расстрелу, якобы найденным у одного депутата-коммуниста (имени которого он, разумеется, не называет). Лоран требует ареста тридцати семи генеральных советников департамента Сена, инициаторов создания «нелегального аппарата». И это в то время, когда в Сент-Этьенне арестованы шестнадцать коммунистов, «без разрешения собиравшихся в частном доме»; когда секретарь федерации железнодорожников Пьер Семаз за свою профсоюзную деятельность обвиняется в коммунистической пропаганде, а Турпмен, казначей той же федерации, отказавшийся отдать антикоммунистам принадлежавшие федерации деньги — 1500 тысяч франков, — обвиняется в злоупотреблении доверием! До чего же они дойдут в своих репрессиях?

1 ноября

Сегодня принято малопривлекательное для нас решение: утром мы свободны, а днем работаем. Фактически это означает, что утром многие из нас будут шататься по городу, а днем приступят к работе — это никому не улыбается, тем более что никакого срочного дела нет (офицерам очень нелегко хоть чем-то занять людей). Решение это кажется тем более странным, что и в других казармах Лавалья солдаты свободны целый день. Четыре человека, не вышедшие на работу, получили по четверо суток ареста.

2 ноября

Полковник приказал никому не давать двухсуточного увольнения. Между тем для многих ребят, живущих далеко, в северных и восточных департаментах, двадцати четырех часов отпуска недостаточно, а за двое суток они рассчитывали успеть добраться до дому и провести день со своей семьей. Теперь они крайне разочарованы и недовольны.

3 ноября

Ничего существенного, если не считать того, что я получил отпуск на сутки и вечером отправляюсь в Париж.

В последние дни печать с большим шумом сообщала о речи Молотова на сессии Верховного Совета СССР. Но мы имели лишь очень краткое ее изложение в одном из номеров «Пари-суар». Видимо, и это изложение было сочтено чересчур опасным, ибо в последующих выпусках той же газеты его урезали еще больше. «Эвр» вышла с одной совершенно чистой страницей — уж не содержала ли она более подробного отчета об этой речи? Однако рекорд лаконизма побила «Пти паризьен»: там изложение речи Молотова уместилось в пяти строках, из них две были сняты цензурой.

По-прежнему клевета: «Третий рейх, видимо, движется в сторону националистического большевизма» («Эвр»), или: «Рейх уступит Советам весь свой торговый флот» («Пари-суар»).

Внутри страны новые репрессии: нашим двадцати девяти арестованным депутатам отказано во временном освобождении из-под стражи.

4 и 5 ноября

Нахожусь в отпуске. Вновь виделся с Р., он по-прежнему бодр. Беседовал с В.; для пропаганды нашей точки зрения он пользуется только вырезками из газет. Добрые вести о Н., который находится в Фон-

тепло; это настоящий руководитель, пользующийся доверием своей группы¹.

Партийное руководство обратилось к женам нескольких депутатов Парижского района с просьбой взять под свою опеку товарищей, находящихся в тюрьме «Сантэ», чьи семьи не могут навещать их каждую неделю. Андреа по понедельникам проводит Шарля Гау. Его биографию я прочитал в брошюре, изданной после выборов 1936 года. Ему 58 лет. Мелкий ремесленник, каретный мастер в Бриньоле, он в 1906 году вступил в социалистическую партию, а в 1920-м был одним из основателей нашей партии в департаменте Вар. В тюрьме сидел уже дважды: в 1917 году — в Ангюлеме, за выступления в пользу мира, и в 1926 году — за участие в движении против войны в Марокко. В годы Народного фронта Шарль Гау был избран депутатом от Бриньоля.

Андреа рассказала мне также, что тюрьмы «Сантэ» и «Фрэн» переполнены коммунистами, гражданскими и военными, арестованными либо за распространение листовок, либо за «антинациональные высказывания». Она поддерживает переписку со многими членами общества «Друзья СССР», мобилизованными в армию: ни один из них не отрекся от своей прошлой деятельности, ни один не отступился.

6 ноября

В казарменной жизни ничего нового — все идет, как обычно. В газетах много пишут о том, что происходит на предприятиях и в профсоюзах. «Эвр» указывает, что парижские профсоюзы, «руководство которыми в настоящее время сохраняют за собой коммунисты», по требованию префектуры изгнаны с Биржи труда. В их числе профсоюзы металлургов, водителей такси, рабочих и служащих электроснабжения, землекопов, работников общественного транспорта Парижского

¹ Перечитал эти записки спустя тридцать лет и обнаружил, что кое-что выпало у меня из памяти. Речь тут идет либо о коммунистах Сен-Дени, либо о товарищах из общества «Друзья СССР», но восстановить их имена не представляется возможным. Впрочем, главное — это атмосфера той эпохи и поведение мобилизованных в армию коммунистов.

района, медицинских работников, газовщиков, служащих метро. Количество набирается изрядное, и «Эвр» вопрошает:

«Чем же все это кончится? Комитеты действия, созданные по инициативе сторонников независимости профсоюзов во всех организациях, явно «колонизованных» коммунистической партией, сделают все необходимое, чтобы преобразоваться в объединения, которые будут соответствовать закону. Добившись признания со стороны ВКТ, они потребуют своего возвращения на Биржу труда, и этим все будет сказано».

Нет, этим будет сказано еще далеко не все, ибо в конечном счете последнее слово останется за массами трудящихся, объединенными в профсоюзы, которые изгнаны с Биржи труда.

7 ноября

Да здравствует Октябрьская социалистическая революция! Сегодня исполняется ее двадцать третья годовщина. Сегодня не просто воскресенье — нынешний день по особому праздничный. Мы решили завтракать в городе, у товарища Эжени Грандьер¹, в двух шагах от кафе Морпессо, обычного места наших встреч. Вчера вечером я заходил к нашей хозяйке: договорились накрыть стол в кухне, чтобы не быть на глазах у посетителей ее кафе. На завтраке присутствовало пять коммунистов и двое сочувствующих. Эжени Грандьер, наш замечательный товарищ, приготовила роскошное угощение, вдобавок она еще подала бутылку лучшего вина из своего погреба. Какой чудесный день! Завтрак — по сравнению с обычным для нас — был настоящим пиршеством. Я поделился своими воспоминаниями о поездке в Советский Союз, к которому все мы сохраняем полное доверие, а наша партия, подвергающаяся столь яростным нападкам, сегодня нам еще

¹ Эжени Грандьер — член социалистической партии с 1912 г., с того же времени подписчик «Юманите», член Французской коммунистической партии со дня ее основания. Товарищ Грандьер, которой исполнилось 83 года, до настоящего времени является казначеем секции ФКП в Лавале.

дороже, чем всегда. Сочувствующие, как и мы, коммунисты, остались очень довольны этим скромным, но таким сердечным празднеством.

Утренние газеты выделяют сегодня речь министра внутренних дел Альбера Сарро на заседании генерального совета департамента Од. О нашей партии он высказался следующим образом: «Эта бессовестная фракция, заклеянная, отвергнутая всем французским рабочим классом, фракция, которую Франция изгоняет из своих городов и деревень, из своих муниципалитетов и общественных организаций».

Однако такая характеристика не вполне совпадает с тем, что пишет в газете «Жур» фашист Фернан Лоран:

«В войсках эти люди продолжают делать свое дело, передавая из уст в уста и распространяя таким образом свой гнусный лозунг: «Вы сражаетесь за интересы банкиров Ситэ». 15-процентный налог на заработную плату и сверхурочные часы в тылу тоже дают пищу для их пропаганды. Отпечатанная на ротаторе «Юманите» распространяется во всех крупных центрах. Их листовки мы находим у себя под дверью, в своих почтовых ящиках, в вагонах метро, их умудряются засунуть даже в хозяйственную сумку женщины, пришедшей на рынок. По сведениям из весьма авторитетного источника, только за последние дни захвачены тонны листовок».

8 ноября

Сегодня у нас прошел слух, что полк собираются отправить на фронт.

Вся пресса приветствует Сарро. Газета «Эптрансижан» призывает его «окончательно изгнать коммунистов», которые «отравляли и продолжают отравлять сознание французов подпольными листовками». Директор газеты «Жур» Бельби пишет, что «коммунизм и по сей день остается главной опасностью, которая угрожает родине... Повсюду, где только собирается десяток человек — на заводе, в поле, в армии, — уже пытаются проникнуть предатель и очень часто ему это удается».

Леон Блюм продолжает ратовать за принятие «раскаявшихся» коммунистов в социалистическую партию.

Еженедельник Дорпо «Эмансипасьон насьональ» на этой неделе сообщил, что в Парижском районе создан «военный комитет Французской народной партии» с целью перегруппировать силы своих немобилизованных членов и установить контакт с мобилизованными для борьбы против коммунистов. В опубликованных письмах дориотистов из армии один, к примеру, пишет, что получил эмблему своей партии и что их объединили в группу из пятнадцати человек; другой просит поскорее прислать ему бланки заявлений для вступающих в организацию; третий сообщает, что «чистые не сложили оружия» и что «по его заявлению арестован один из них, проводивший в штабе свою грязную работу». Так что для дориотистов, этих гитлеровских прихвостней, поле деятельности открыто даже в армии.

9 ноября

Наконец-то разрешены двухсуточные отпуска, и завтра кое-кто этим уже воспользуется. А ведь дело казалось почти безнадежным.

Теперь я могу остановиться на провокации, объектом которой оказался три дня назад. Проснувшись утром, я увидел против своей койки рисунок — человеческое лицо с прядью волос на лбу и маленькими усиками, явно смахивающее на Гитлера. Под рисунком подпись: «Фернан Гренье». Вечером соседи по комнате мне сказали, что это работа одного солдата, здорового дитины, хваставшего тем, что он из организации Марселя Бюкара¹. Вечером этот тип мне повстречался, и я сказал ему, показав рисунок: «Тот, кто это сделал, — болван». Несмотря на враждебное отношение к нему других солдат, он и глазом не моргнул. На утро все, не сговариваясь, объявили ему бойкот: перестали с ним здороваться, отвечать на его вопросы. Так продолжалось весь день. Сегодня этот провокатор выбыл из нашей

¹ Еще одна фашистская организация, которая во время оккупации оказывала услуги Гитлеру.

роты — его перевели в полк, отправленный из Лаваля. Ясно, что это шпиик, которого заслали к нам для грязной работы. Случай, разумеется, мелкий, но он показывает, как надо быть осторожным.

Прочитал сегодня в газете, что рабочие одного авиационного завода, Лун Бевиллар и Александр Лакруа, приговорены к двум годам тюремного заключения и штрафу в размере тысячи франков за «пораженческие высказывания». Полицейская префектура Гранж-о-Бель произвела в Доме металлистов обыск помещения профсоюза рабочих лесной промышленности.

10 ноября

Утром меня назначили на склад ответственным за материальную часть.

Новичок, прибывший в нашу роту — он еще одет во все гражданское, — рассказал мне, что в начале войны его приговорили к двум месяцам тюремного заключения. Судя по его высказываниям, он не похож на коммуниста. После недавнего случая с карикатурой надо быть особенно бдительным!

Перечитал свои записи за последние две недели. О военных событиях ни слова; дело в том, что в газетах об этом нет никаких сообщений, на фронте по-прежнему царит спокойствие. Зато очень много фактов, касающихся антикоммунистических репрессий. Все больше создается впечатление, что именно это и есть настоящий фронт. Так, за один только сегодняшний день я отметил: «Все провинциальные профсоюзные организации, которыми руководят коммунисты..., должны быть распущены»; «военный трибунал Парижа вынес различные приговоры за коммунистическую пропаганду» (цензура вычеркнула фамилии осужденных и меры наказания); «в департаментах Пад-де-Кале и Верхняя Вьенна коммунисты исключены из состава генеральных советов»; «временно лишены свободы Ракамон, Делобель, Рейно, Финк, Бекер и Гарсиа»; «уголовный суд в Сен-Назере приговорил к одному году тюремного заключения, штрафу в размере три тысячи франков и к поражению в гражданских правах Гиацинта Баля, 48 лет, по обвинению

в коммунистической пропаганде». Вместе с тем Альфред Доль, депутат от Страсбурга, вышедший из Рабоче-крестьянской группы, выпущен на свободу.

11 ноября

Годовщина перемирия 1918 года; небольшая группа солдат сегодня утром ходила к мессе. Остальные не знали, как убить время — день выдался серый и пасмурный.

В газетах по-прежнему хроника репрессий. Обыск в помещениях профсоюзных федераций кожевников и строительных рабочих. Парламентская группа Республиканской федерации приняла резолюцию: «Обеспокоенная усилением коммунистической пропаганды, группа решила вновь обратить внимание правительства на очень серьезную опасность, которой чревата эта пропаганда для внутреннего порядка в стране».

12 ноября

Воспользовался воскресным утром, чтобы связаться с одним здешним товарищем, адрес которого сообщила мне Эжени Грандьер: это железнодорожник-пенсионер Луи Дюфренуа. Он с удовлетворением сообщил мне, что среди коммунистов Лавалья не было ни единого случая отступничества. В этом городе, где наше влияние, в общем, невелико, товарищи держатся твердо и продолжают вести работу. При каждом контакте с рядовыми коммунистами мне становится более понятной антикоммунистическая истерия, охватившая печать: невзирая на каждодневные усилия, ей не удастся ни дискредитировать нас, ни помешать нам высказывать свое мнение по поводу происходящих событий.

13 ноября

На склад ко мне пришел капитан Рено, чтобы со мной попрощаться: его переводят в Версаль. Я поблагодарил его за корректное поведение. «Я считаю, что русские

плохо поступили, допустив наше поражение, — сказал он мне. — Вы придерживаетесь другого мнения, и это ваше право. По-моему, нет никаких оснований вас преследовать, тем паче что солдат вы безупречный». Разве не ясно, что даже офицеры, пусть смутно, но чувствуют, какой вред приносят нашей стране антикоммунистические репрессии?

А репрессии продолжаются. Два человека, вернувшиеся из отпуска, — один из Вильжюпфа, другой из Аржантея, — рассказывали мне утром, что население отрицательно относится к так называемым «особым делегациям», созданным взамен коммунистических муниципалитетов. Между тем газеты публикуют сегодня список двадцати семи распущенных коммунистических муниципалитетов департамента Сена и Уаза. Они заменены такого рода делегациями, зачастую состоящими из реакционеров, провалившихся на выборах.

Несмотря на резкое недовольство трудящихся, «Эвр» в своем сегодняшнем номере пытается оправдать изгнание профсоюзов с парижской Биржи труда.

14 ноября

Получил от Шарля Гау, «подопечного» Андреа, очень теплое письмо, полное веры в будущее.

Финская делегация, сообщают газеты, выехала из Москвы, не достигнув соглашения с Советским Союзом.

Вчера в Париже была объявлена седьмая по счету воздушная тревога.

Интересная статья де Кериллиса. Директор «Эпок» пишет: «В 1938 году мы всячески пытались доказать французским патриотам, что необходимо любой ценой удерживаться на чехословацком рубеже. Этого требовал и здравый смысл, и опыт, и разум...» Иными словами, мюнхенская капитуляция независимо от того, была она сознательной или бессознательной, равносильна предательству. В палате нас было всего 75 депутатов, голосовавших против ее ратификации: 73 коммуниста, 1 социалист и сам де Кериллис.

15 ноября

Никаких новостей. Попробуем подвести итог умонастроениям в моей роте спустя два месяца после начала войны.

Ненависть к Гитлеру не ослабевает, ответственным за войну считают его. А изменилось то, что в отличие от сентября никто уже не верит, что Германия будет повержена в течение нескольких месяцев. Разговоров о «войне до победного конца» теперь не услышишь.

Интерес к газетам постепенно падает, люди все меньше и меньше верят тому, что в них пишут; в умах царит сомнение. Вслух репрессий против коммунистов уже почти никто не отстаивает. Среди солдат нашего саперного полка, где преобладают рабочие — каменщики, металлисты, столяры, строители разных специальностей, железнодорожники, — укореняется идея, что войну используют для того, чтобы ликвидировать социальное законодательство 1936 года: своеобразный реванш за Народный фронт.

Советский Союз критикуют уже не так яростно, как это было вначале. Сейчас уже рассуждают о причинах и следствиях советско-германского договора о ненападении. Можно даже сказать, что в тех комнатах, где наши товарищи терпеливо ведут разъяснительную работу, мнение солдат явно изменилось. «Они не хотели договора с русскими». «Они» — это Чемберлен и Даладье.

Бездействие, полное отсутствие организованных развлечений, однообразие серых казарменных будней — все это приводит к тому, что малейшая правительственная мера вызывает резкое недовольство. Сегодня, к примеру, по случаю вздорожания вина и сигарет я без конца слышал: «Это же позор!», «Вот что делают!» Обращает на себя внимание и то, что по вечерам все больше и больше ребят возвращаются в казарму подвыпившими.

16 ноября

В казарме по-прежнему ничего нового. В «Фигаро» Владимир д'Ормессон пишет, что «коммунисты являются агентами Германии». «Тан» считает, что «деятель-

ность коммунистической партии, более или менее замаскированная, представляет собой государственную измену. Опасность этого внутреннего врага нельзя недооценивать. С ним надо покончить во что бы то ни стало». Де Кериллис тоже присовокупил свой голос к общему хору антикоммунистов. «Коммунистическая пропаганда, — пишет он, — должна быть искоренена», «что поделать, если приходится прибегать к законам против подозрительных лиц, к концентрационным лагерям и ссылкам».

20 ноября

Семнадцатого уехал на двое суток в отпуск. Это оказалось возможным благодаря капитану де Жюниасу, который разрешил мне выехать на день раньше. Вот офицер, умеющий к каждому подойти по-человечески.

Товарищи в Сен-Дени — многие пришли со мной повидаться — продолжают вести разъяснительную работу.

В печати объявлено о ликвидации — в силу их «принадлежности к III Интернационалу» — объединения профсоюзов Парижского района, Федерации работников лесной и химической промышленности, профсоюза металлистов Парижского района, Дома профсоюзов в Гранж-о-Бель, более ста организаций, созданных профсоюзами для оказания помощи своим мобилизованным в армию членам, рабочих университетов, светских благотворительных обществ. Обыск у мэра Женвилье Гранделя и мэра Иври Маррана. Арест парижских муниципальных советников Ле Галя и Фро. Репрессиям посвящены целые столбцы. В профашистском еженедельнике «Гренгуар», тираж которого достигает 558 400 экземпляров, Филипп Анрио (окопавшийся в тылу в эту войну, как и в прошлую) публикует длинную статью под названием «Москва — Венсенн через Берлин», заканчивая ее следующими словами:

«Есть люди, которых следует посадить за решетку, причем не для того, чтобы через неделю тайком выпустить на волю: кое-кого следует судить, а иных и просто уничтожить. Пришло время вернуть Франции моральное здоровье и как следует проучить ее врагов,

дабы все знали, что за предательство, за которое «профессора патриотизма» из компартии заплатились уже в мирное время, во время войны они получают только виселицу»¹. И цензура это пропустила: против нас дозволено все, даже прямой призыв к убийствам!

Весьма поучительно чтение еженедельника Дорио «Эмансипасьон», особенно публикуемых там читательских писем. Вот, к примеру: «Я работаю в военной промышленности... — пишет нам Родере. — Нет, коммунисты еще не разоружены, они продолжают свою деятельность. Чтобы обезвредить какую-то партию, недостаточно издать закон о ее роспуске. Те, кто думает иначе, ошибаются. Коммунистическая партия распущена, но она продолжает действовать...» Сержант Иснар «тоже обеспокоен пропагандой, которую ведут коммунисты, особенно своими листовками».

27 ноября

На этой неделе абсолютно ничего нового. Казарма постепенно пустеет — людей из нашего батальона рассылают по всему району, туда, где требуются саперы. Нас осталось здесь не больше двухсот, и мы томимся от бездействия. Военной подготовкой занимаемся мало. Погода портится. Солдаты изнывают от скуки.

С тех пор как мы прибыли в Лаваль, в часы раздачи пищи мы всегда застаем у ворот казармы целую толпу стариков, детей, женщин, пришедших «за получкой». Число их непрерывно растет. Солдат, деливших с этими несчастными буханкой хлеба или фасолью, некоторые женщины в знак благодарности приглашают к себе на чашку кофе; возвращаются они из гостей лишь утром, к подъему. По вечерам в комнатах рассказывают грустные истории о том, как девушки заговаривают с солдатами и потом ведут их к себе. На этот счет отпускаются грубые шутки, но тут же наступает какая-то неловкость. Даже если подобные слу-

¹ Не прошло и года, как эта газета и автор указанной статьи после июньского поражения 1940 г. перешли на службу к Гитлеру. Филипп Анрио в течение более трех лет работал на радио и играл видную роль в системе нацистской пропаганды. Был казнен группой Сопротивления в 1944 г., незадолго до освобождения Парижа.

чаи не столь уж часты, даже если ради красного словца кое-что и преувеличивается, все равно остается фактом, что нужда охватывает все больше и больше семей, так же считают и товарищи из Лаваля, которым я об этом рассказывал.

В газетах сообщается, что советские войска подверглись со стороны Финляндии артиллерийскому обстрелу; один советский офицер и трое солдат убиты, семь солдат и два офицера получили ранения. В связи с этим инцидентом правительство Советского Союза предложило финскому правительству отвести свои войска, сосредоточенные на границе, на 20—25 километров в глубь страны.

28 ноября

Приятная новость: завтра вечером еду в отпуск для отдыха.

11 декабря

Вечером мой отпуск заканчивается. Ежедневно встречался с одним, а то и несколькими товарищами. Они приходили ко мне или я навещал их. Некоторые тоже находились здесь в отпуску; остальные либо коммунисты из моей местной ячейки, либо соседи из числа сочувствующих, либо, наконец, товарищи, работающие в Сен-Дени и его окрестностях.

Один из них, Р., был мобилизован в Эльзасе. «Внезапно, — рассказал он мне, — в первые дни войны власти приказали населению оставить все и эвакуироваться на юг. Мое подразделение расквартировано в оставленных домах. Сперва солдаты, за редким исключением, бережно относились к тому, что было брошено жителями, а потом кое-кто стал поговаривать: «Если немцы разбомбят эти дома или придут сюда, все равно от этого ничего не останется. Так что уж лучше мы сами воспользуемся». Чемоданы отпускников стали заполняться занавесями, бельем, посудой и т. п. Началось расхищение. Р. утверждает, что серьезного ничего не было предпринято, чтобы запяť людей делом. От командира своей роты он получил разрешение скомплектовать

библиотечку, направил различным издателям просьбу выслать книги, с тех пор любителям чтения (а их меньшинство) не так скучно...

Ж. — унтер-офицер полка африканских стрелков. Его полк недавно переведен в Сирию, куда перебрасывают много воинских частей.

В. работает у Бреге. Рассказал мне о забастовке, развернувшейся на прошлой неделе на предприятии Фармана. Дезорганизация профсоюзов сопровождается все новыми и новыми притеснениями трудящихся.

П. мобилизован в районе Ле-Мана. Он тоже отмечает бездействие, скуку, царящую в его подразделении.

Л. находится в Шартре. «Моральное состояние весьма низкое», — делится он со мной.

Я рассиравивал каждого, как он разъяснял окружающим причины заключения советско-германского договора, вступления советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию, которым угрожала немецкая оккупация, роспуска нашей партии. Поразило меня то, что, несмотря на отсутствие коммунистических газет и оторванность от партии, все эти товарищи в своей разъяснительной работе находили правильные аргументы. Им удалось объединиться с другими товарищами-коммунистами, не дав при этом повода для репрессий. Благодаря своей высокой политической сознательности и инициативе каждый из них сумел противостоять правительственным преследованиям и антикоммунистической истерии. Эта истерия — признак бессилия, ибо коммунистов, связанных с массами в армии и на предприятиях, не запугать.

На другой день после моего возвращения состоялось заседание палаты депутатов, но я официального вызова не получил. Первого декабря из газет узпал, что Флоримону Бонту удалось обмануть бдительность полиции и проникнуть на заседание палаты. Он был арестован на территории Бурбонского дворца и отправлен в тюрьму «Сантэ»¹. Спустя три дня В. рассказал мне о

¹ Депутат от департамента Шер Гастон Корнавэн, незадолго до того временно выпущенный из тюрьмы ввиду очень серьезного заболевания, тоже решил отправиться в палату, чтобы поддержать там нашего оратора, но и его арестовали. Подробный рассказ об этом памятном заседании читатель найдет в книге Флоримона Бонта «Дорога чести» (М., 1949).

том, какой огромный резонанс получил этот смелый поступок на его предприятии среди коммунистов и сочувствующих: «Как они ни стараются, партия продолжает действовать...» — заключил он.

Теперь пресса занята советско-финляндским конфликтом. Некоторые газеты, как, например, «Тан», «Деба», «Жур», пользуются им в качестве предлога, чтобы толкнуть Францию к вступлению в войну против русских.

Репрессиям также ежедневно отводится особая рубрика: арестована группа молодых коммунистов из шестнадцати человек, которая занималась распространением отпечатанного на ротаторе первого номера газеты «Авангард».

Фроссар¹ в своей газете «Жюстис» вынужден заявить:

«И все-таки наши рабочие, эти порядочные, честные люди, не решаются еще признать, что их подло обманули, что над ними просто насмеялись. Они по-прежнему делают различие между Сталиным и Гитлером, они верят, что в конечном счете Сталин одолеет Гитлера, что, даже если он и ошибается, он все равно заботится о них, о рабочих, действует в их интересах и подготавливает безраздельную власть труда. И уж во всяком случае, рабочие считают, что намерения Сталина объяснимы, и мотивы его действий никак не отождествляют с мотивами, которыми руководствуется Гитлер. Русская революция не утратила в их глазах своего ореола».

Знаменательное признание!

12 декабря

Вернулся в казарму в два часа ночи. С радостью встретился с товарищами, а вечером поделился с ними новостями, которые привез из отпуска.

¹ Фроссар — генеральный секретарь Французской коммунистической партии после ее образования в 1920 г. на конгрессе в Туре; в 1924 г., в период борьбы против оккупации Рурской области, дезертировал из партии. Ярый мюнхенец, министр информации в течение некоторого периода «странной войны»; во время оккупации был введен Петэном в состав его Национального совета.

«Эвр» поместила сообщение о том, что Флоримон Бонт допрошен следователем, но о заявлении Бон-та, — ни звука.

13 декабря

Дежурил на вокзале. Холод собачий. Днем там достаточно нескольких человек, но с десяти вечера и до трех часов ночи все должны дежурить на платформах. Пять часов подряд с винтовкой на плече. Наша служба почему-то вызывает зависть отпускников, прибывающих сюда с «линии Мажино» или делающих в Лавале пересадку. Многие из них бросают по нашему адресу: «Осели! Окопались!» Такие реплики раздаются со всех сторон (словно мы здесь у себя дома). Но это тем более несправедливо, что «фронтовики», прибывшие с фронта, где царит полнейшее спокойствие, находятся отнюдь не в более опасных условиях. Разве что в блиндажах и укреплениях им еще скучнее, чем нам в городских гарнизонах!

В печати сообщается, что в Аржантейе арестовано десять коммунистов, в Дравее арестован Жан Дивер, девятнадцати лет.

Фроссар в «Жюстис» требует отправки оружия и боеприпасов в Финляндию.

14 декабря

Сменившись с поста в половине одиннадцатого, я сразу же после завтрака лег спать. Спал я недолго, ибо уже в половине третьего молодой лейтенант, совсем недавно прибывший к нам в часть, стал стягивать меня с койки. Я возражал:

— Мы пробыли в наряде весь вчерашний день и всю ночь до одиннадцати утра. Нельзя же посылать нас на работу еще и сегодня.

На что он сухо и высокомерно ответил:

— Я выполняю полученные приказания.

Все это просто абсурдно — ведь никакой срочной работы нет.

Вечером с семи до девяти в казарме состоялся концерт, устроенный в пользу нуждающихся солдат. Из города приехал эстрадный оркестр. Программа включала конкурс певцов-любителей, призы предоставили местные коммерсанты. Вечер прошел очень живо. Один сапер сочинил на мотив «Марилу» песенку под названием «Дворец промышленности», где в пародийной форме изображалась гарнизонная жизнь. Он получил первый приз. Второй приз достался мне за песенку времен прошлой войны под названием «Мой милый Пьер», которую я исполнил на северном диалекте. Общий итог: в фонд помощи нуждающимся солдатам нашего подразделения собрано двести семьдесят франков.

Газеты печатают речь Поля Рейно в палате: «Мы победим врага, но, чтобы победить, нам необходимо прежде всего одержать победу над собой». Что это должно означать? Владимир д'Ормессон в «Фигаро» требует разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом.

16 декабря

Уже несколько дней стоит холодная погода, и каждому выдали спальный мешок и еще одно одеяло.

«Уэст-эклер» сообщает, что «за распространение крамольных листовок» к трем годам тюрьмы приговорен Рене Юни. Французская федерация обществ физической культуры и спорта¹ исключила из своего состава все спортивные клубы, отказавшиеся осудить советско-германский договор. За «антифранцузские высказывания» военный трибунал Парижа приговорил к пяти годам тюрьмы Жюльена Лакруа, пятидесяти лет, бригадира одного из авиационных заводов.

17 декабря

Воскресное утро в Лавале: невзирая на сильный холод — прогулка вдоль набережной Майенны, по

¹ Речь идет о руководстве федерации, из которого были исключены все коммунисты, в том числе Огюст Делон, Рене Мансьон и другие.

возвращении — шашки или карты, а к концу дня — ужин в городе, традиционный бифштекс. Вечер закончился в кафе Мориссо у радиопремника.

Газеты, страницы которых пусты и однообразны, нашли для себя новую тему: случай с немецким «карманным линкором» «Граф фон Шпее», укрывшимся в Монтевидео; сообщается, что это прелюдия к большому морскому сражению. Прочитал также следующее: «В северной Финляндии финские войска отходят на новую укрепленную линию, а на других участках ведут контратаки». Очень трудно составить себе точное представление о причинах и масштабе конфликта, поскольку в печати даются только финские сообщения. В «Жур» читаю: «Советское посольство на улице Гренель является гнездом предательства, шпионажа и, безусловно, преступлений. До каких же пор мы будем терпеть этот рассадник заразы?» (Цензура пропустила этот выпад против страны, с которой официально мы не находимся в состоянии войны.)

19 декабря

Пресса сообщает о том, что, высадив на берег свой экипаж из семисот человек, «Граф фон Шпее» открыл кингстоны и затонул; крупного морского сражения, объявленного вчера с таким большим шумом, так и не произошло.

По поводу советско-финляндского конфликта газеты соревнуются в самых невероятных вымыслах: восстание солдат русского батальона, волнения в Ленинграде, мятежи в Москве!

В позавчерашнем номере «Журналь оффисьель» опубликован циркуляр министра труда Помаре, касающийся рабочих делегатов; впредь они могут быть выделены лишь «наиболее представительными профсоюзными организациями». Инспекторам министерства труда дано право не утверждать избрание делегатов от организаций, распущенных на основании чрезвычайного закона от 26 сентября 1939 года, не исключая и те из них, которые «убедительным образом засвидетельствовали» свою непричастность к коммунизму.

20 декабря

Вот уже два дня батальон сидит без угля; скандал поднялся невероятный.

Капитан пришел проверить склад. Так как здесь всегда все в порядке, он не смог сделать ни единого замечания и стал тщательно проверять наличность.

— Согласно ведомости, которая у меня перед глазами, у вас должно быть двенадцать молотков. Где они?

— Здесь пять штук, остальные семь на руках.

Капитан смотрит книгу выдачи, где стоят подписи сержантов, взявших утром молотки для работы. Так он проверил все.

— Где у вас одеяла? На полках их не видать!

— Вот ведомость: такой-то взвод, выдано столько-то штук, подпись получателя.

— И ничего в резерве?!

— Вчера вечером было очень холодно, и с разрешения младшего лейтенанта Г. все одеяла розданы по взводам. Как потеплеет, их вернут обратно на склад.

По-видимому, проверяющий искал, к чему бы придраться. Один товарищ, видевший, что капитан направился на склад, примчался ко мне часа через два, когда тот уже ушел.

— Ничего серьезного, однако ясно одно — надо быть начеку! — посоветовал он.

21 декабря

Антикоммунизм неизменно занимает в печати главное место. Парламентская комиссия по иностранным делам единогласно исключила из своего состава Флоримона Бонта и Габриэля Пери. В числе ста товарищей, арестованных позавчера, «Эвр» называет двух муниципальных советников Парижа — Флёрп и Гардетта — и двух генеральных советников — Карпу и Дюбуа¹. Мадемуазель Пуссе (Булонь-сюр-Мер), двадцати семи лет, преподавательница истории и географии, привлечена к

¹ Морис Гардетт расстрелян в Шатобрпане 22 октября 1941 г. Габриэль Пери — 15 декабря 1941 г. в Мон-Валерье, Корантен Карпу также был расстрелян гитлеровцами 7 марта 1942 г. в Карлепоне, около Компьеня.

ответственности по доносу одной из своих учениц, заявившей, что та «отзывалась неодобрительно о внешней политике Франции». Приговора по ее делу уголовный суд еще не вынес.

Полковник Фабри пишет в «Матэн»: «Этих агентов (пораженчества) надо гнать отовсюду, от них во что бы то ни стало надо избавиться. Для этого необходимо предоставить полную свободу действий командующим военными округами, и все будет сделано».

22 декабря

Из газет узнал о том, что в Булонь-Бийанкуре арестованы двенадцать коммунистов за «попытку восстановить партийную ячейку»; только на одном предприятии Сен-Дени арестовано двадцать пять человек; арестовано также трое служащих мэрии в Эппине-сюр-Сен. Дориотистская «Эмансипасьон» в номере от 15 декабря рядом со статьей под заголовком «Порвать с Москвой» печатает письма из армии, которые показывают, что у дориотистов полностью развязаны руки для разложения войск. Вот несколько образчиков. «На авиабазе: я взял свой чемодан и достал оттуда брошюры с выдержками из программы нашей партии. Наши газеты и брошюры передаются из рук в руки... Несмотря на то что я скоро уезжаю, работа, сделанная для И., не пропала зря: наш друг З. остается здесь и будет подписывать вступительные заявления, а главное — отвращать людей от коммунистов...» Салобер: «Эмансипасьон» ходит по всему взводу. Я провожу беседы в отделениях, и все выражают согласие с нашим выдающимся лидером...»

23 декабря

Сегодня вечером еду в двухсуточный отпуск в департамент Нор, счастлив предстоящим свиданием с родителями жены, которых не видал почти год.

«Тан» публикует злобную редакционную статью, направленную «против внутреннего врага». Автор обвиняет коммунистов в том, что они саботируют производство вооружения и боеприпасов. Эти поистине чудовищ-

ные обвинения лишний раз доказывают, что в ход будет пущено все, не исключая самой гнусной клеветы, лишь бы как-то оправдать репрессии.

26 декабря

Вот я и вернулся после короткого рождественского отпуска и поездки в родные края.

Хотя мой тесть и теща в эти праздничные вечера неизменно были оживлены и старались веселиться вместе со всеми, они очень опечалены отсутствием своего сына — в прошлую войну он провел четыре года в плену и сейчас мобилизован, — а также троих из четырех зятьев, находящихся в армии. Живут эти старики очень скромно, и только курица, привезенная мною из Лавалля, немного украсила праздничный стол. Между тем они не унывают, эти славные люди, привыкшие к суровой жизни ткачей. Республиканцы, на долю которых выпало немало трудностей, они первыми в Невиль-ан-Феррен, маленьком местечке между Туркуэном и Аллюэном, отправили своих детей в светскую школу. Сколько колкостей пришлось им, бедным, выслушать! Как только на них ни давили со всех сторон! Тесть мой всю свою жизнь был «против белых», голосовал сперва за радикалов, потом за социалистов, а в 1936 году за коммунистов. Антикоммунистическая кампания ничуть его не поколебала, и мне доставило огромное удовольствие услышать от него: «Я всегда считал тебя порядочным человеком и честным французом. Твоя совесть чиста. А ведь это главное. И плевать тебе на их бредни!»

В течение двух месяцев тут, оказывается, был расквартирован 3-й саперный полк, и солдаты его оставили по себе самую хорошую память. Многие из них пишут вদেশним жителям, что не забудут их сердечного гостеприимства.

Особенно интересовало меня положение в соседнем городе, Аллюэне, где до переезда в Париж десять лет я был секретарем коммунистической секции. В этом небольшом городке с развитой промышленностью, где проживает 15 тысяч жителей и каждый друг друга знает, в начале войны разыгралась подлинная трагедия.

Мэр-коммунист Жильбер Деклерк, мощной волпой Народного фронта избранный 3 мая 1936 года депутатом, оказался в числе депутатов-коммунистов, которые спустя три месяца поставили свои подписи под манифестом, направленным против коммунистической партии. Деклерк был видным профсоюзным деятелем, неоднократно подвергался арестам во время забастовок — какое впечатление оказало его отступничество на рабочих?

По счастливой случайности моя родственница встретила на улице трех товарищей, рабочих-текстильщиков из Аллюэна, возвращавшихся на велосипеде с работы. Она пригласила их выпить по чашке кофе, чтобы немножко согреться, и пообещала им маленький сюрприз. Увидеть меня было для них действительно сюрпризом. Эти товарищи остались верны своей партии. Они мне рассказали, что, несмотря на большую популярность Деклерка, его осудили очень многие рабочие: они не могут ему простить его поведения, перестали с ним здороваться, не желают разговаривать с ним.

Полный контраст с другим местным руководителем, секретарем союза профсоюзов ВКТ Эмилем Бостоэном, который, к сожалению, недавно умер: до последнего своего вздоха он верил в коммунистическую партию, верил в будущее. Славный Эмиль, дорогой наш соратник, вместе с которым мы прошли через столько сражений! Как его должно не хватать трудящимся Аллюэна!

На обратном пути сделал остановку в Париже, чтобы повидаться с одной из руководительниц общества «Друзья СССР», которая пытается собрать прежних членов организации. От нее узнал, что семь из них недавно арестованы. А в сегодняшних газетах я прочитал, что та же участь постигла четырнадцать членов нашей партии, среди них мэры Виньё и Лимей-Бреванна.

27 декабря

Если верить жирному заголовку через всю первую страницу «Эвр», финны проникли на советскую территорию и советские войска отступают по всему фронту.

Дни в казарме тянутся уныло и однообразно. Редкие проблески — несколько часов отдыха в кафе у Мориссо, где мы позволяем себе сыграть в карты, попеть и даже подшутиться (порою солдаты ведут себя совсем как дети).

В утреннем выпуске «Эвр» сегодня читаю: «Москва призывает Берлин на помощь против «финских захватчиков». По-видимому, это чистейшая ложь.

Один товарищ рассказал мне, что он случайно поймал по радио какую-то станцию, передававшую информацию, опубликованную итальянской газетой «Стампа». Там говорилось, что в Сирии сосредоточена англо-французская армия в 100 тысяч человек, которая готовится атаковать Россию со стороны Армении с целью овладеть бакинской нефтью; такое наступление, добавляет итальянская газета, возможно лишь при поддержке Турции. И это, видимо, тоже очередная утка.

Уже несколько недель в печати все реже и реже говорится о войне против Гитлера, но антисоветская кампания в связи с событиями в Финляндии усиливается. Леон Бельби пишет в «Энтрансижан»:

«Ставшая сегодня очевидной неспособность Красной Армии и ее командования влияет не только на судьбу Финляндии; она заставляет пересмотреть всю франко-британскую политику в отношении Советского Союза... Из его нынешних военных неудач исходят те наши руководители, которые стремятся изменить ориентацию союзников, с тем чтобы открылся простор не только для смелости, но и для гения тех, кто окажется достойным нами руководить».

Из газеты «Журналь»: «Финляндия является авангардом западного мира. Намерен Запад жить или он готов погибнуть?»

Во всех материалах явное подстрекательство к выступлению против Советского Союза. Но это и предлог для усиления репрессий: в список запрещенных включена еще сорок одна организация из числа «коммунистических» — главным образом парижские профсоюзные объединения. Генеральный совет департамента Сена принял предложение Массара о выводе из состава совета депутатов-коммунистов и о снятии уличных

указателей с названиями «Улица Анри Барбюса» и «Улица Поля Вайян-Кутюрье». В своей злобе антикоммунисты не щадят даже памяти наших умерших товарищей!

29 декабря

Сильные холода. Все, кто занят на работах в казарме, и я, работающий на складе, стучим ногами, стараемся быть в движении, чтобы хоть чуточку согреться. Батальону выдается шестьсот килограммов угля на неделю, а у нас двадцать печей! Хватает лишь на то, чтобы протопить в служебных помещениях и в караулке, на остальное же почти ничего не остается.

Газеты отмечают, что впервые после 1870 года итальянский король принял папу римского. Печать усматривает в этом факте признак антисоветского сближения, и д'Ормессон, пользуясь случаем, помещает в «Фигаро» похвалу Муссолини — союзнику Гитлера!

30 декабря

Холод становится все сильнее.

Газеты по-прежнему уделяют главное место советско-финляндскому конфликту и настаивают на том, чтобы союзники оказали Финляндии самую широкую помощь.

31 декабря

Последний день 1939 года, полного таких событий! Мне кажется, что мы лишь на пороге нового периода, чреватого различными потрясениями. Война против Гитлера отошла на задний план: почти четыре месяца прошло, а на фронте никакого движения ни с одной, ни с другой стороны. А вот репрессии против коммунистов продолжают усиливаться. Здесь наша маленькая, но стойкая группа доказывает свою безграничную веру в будущее; вечером мы соберемся в кафе у Мориссо, чтобы вместе встретить Новый год.

Печать сообщает, что «бывший коммунист, депутат от XVIII округа Парижа Арман Пилло, отмежевавшийся от Рабоче-крестьянской группы, временно выпущен на свободу».

1 января 1940 года

С десяти вечера до четырех утра провели в кафе Мориссо. Когда пробило полночь, мы пожелали друг другу здоровья и счастья в Новом году и скорого окончания войны. По этому случаю хозяин угостил нас белым вином.

Днем мы с Бришем навестили в больнице нашего товарища, который вернулся из отпуска с простудой. Застали его уже почти здоровым, в хорошем настроении. Он вспомнил демонстрации Народного фронта, праздники «Юманите» и в заключение сказал: «Все это, ребята, еще придет. Главное — выстоять!»

Вечером все снова собрались у Мориссо. Бриш пришел чуть позже, переодетый Дедом-Морозом, и очень нас развеселил. Потом до без четверти двенадцать играли в карты — в казарму возвращались уже бегом, чтобы не опоздать.

Главная тема газет — по-прежнему русско-финский конфликт. В «Эпок» наткнулся на любопытную статью Анри де Кериллиса: недели две назад в ходе парламентских дебатов речь шла об антикоммунистических репрессиях. Однако депутат Ибарнегарэ сказал в своем выступлении несколько слов, направленных против гитлеровской пропаганды. На другой день, 16 декабря, «Эпок» дала обзор печати под следующей шапкой:

«Молчание прессы порой куда более красноречиво, чем ее слова. В этом смысле весьма примечательно, что почти все газеты прошли мимо той части речи Ибарнегарэ, где он коснулся гитлеровской пропаганды в нашей стране. Чем это можно объяснить? В разгар войны депутат-патриот с трибуны Национального собрания разоблачает происки вражеской пропаганды. Палата устраивает ему самый горячий прием, а патриотическая пресса скрывает столь важный факт от своих читателей. Мы констатируем это с чувством глубочайшей горечи».

В утренних газетах де Кериллис возвращается к той же теме. Он желает Даладье счастливого Нового года и заклинает его принять строгие меры против «маскирующей, но очень мощной гитлеровской организации».

«Она непрерывно действует, — пишет де Кериллис, — ее чудовищная мощь, чреватая огромной опасностью, ничуть не поколеблена. В зону молчания и тайны, которой она сумела себя окружить, никому еще не удалось проникнуть. Вы видели, как ловко замолчали великолепную речь Ибарнегарэ! Этот убедительный пример дает понятие о том, что представляет собой организация, которая столь умело фильтрует информацию, предназначенную для французского народа, что ей удастся заглушить неугодные голоса, даже если эти голоса раздаются в парламенте».

Де Кериллис удивлен и негодует. А я нет, ибо еще 19 декабря 1938 года мне довелось сослаться на него с трибуны Национального собрания при обсуждении бюджета министерства иностранных дел в связи с кампанией в печати, которая предшествовала мюнхенскому сговору и сопровождала его (текст моего выступления всегда при мне и не однажды сослужил мне службу в дискуссиях). Я говорил тогда: «Гитлеровская Германия располагает во Франции могущественной поддержкой. Одиннадцатого декабря г-н де Кериллис сообщал в своей газете, что, по словам американского посла в Париже, за время с мая по ноябрь 1938 года Гитлер выплатил различным французским газетам два миллиона фунтов стерлингов, иначе говоря, около трехсот миллионов франков. Какие же газеты приняли эту подачку? Г-н министр непременно должен быть в курсе дела. Пусть же он проинформирует об этом палату!» На мой недвусмысленный вопрос Жорж Боннэ, разумеется, ответа не дал.

И вот сегодня те же газеты обвиняют нас в том, что мы якобы «предатели». Год назад Гитлер подкупил их, чтобы обеспечить себе захват Чехословакии. Не платит ли он им и сегодня через своих агентов в Швейцарии, Бельгии, Италии или Испании с целью расколоть наш народ, деморализовать нашу армию? Я убежден, что у нас в стране имеется гитлеровская организация, которая действует... уже не один год!

Завтра вечером воспользуюсь сделанными мною вырезками, чтобы разоблачить в глазах товарищей эти продажные газеты, которые как нельзя более заслуживают уничтожающей оценки Поля Вайян-Кутюрье, говорившего о «растленной прессе».

2 января

По-прежнему стоят сильные холода. Ни казарма, ни склад не отапливаются. Холодно даже в столовой, пищу мы едим холодную, и лучше она не становится, скорее наоборот. Год начинается довольно скверно.

Сегодня вечером у Эжени Грандьер собралось семь человек послушать мое небольшое сообщение. Пришли и двое сочувствующих, которые пользуются у нас полным доверием. Благодаря мужеству нашей славной хозяйки нам посчастливилось прочесть ноябрьский номер «Юманите». Дорогая наша газета! Она отпечатана на ротаторе в уменьшенном формате и со множеством опечаток. Но какое это имеет значение! Мы бережно, словно драгоценность, развернули этот уже истершийся на сгибах листок бумаги. Дельфос с волнением читал вслух, а Эжени стояла за стойкой, не сводя глаз с двери своего заведения. Вошел всего один посетитель, знакомый ей человек, выпил стаканчик вина и вскоре ушел.

Радостно сознавать, что ребята все более умело используют некоторые выдержки из газет и со знанием дела разоблачают эту поистине «странную войну»!

3 января

Холод сопровождался сегодня еще и ледяным дождем, после чего у нас началась гололедица. Пострадали многие солдаты — в результате неудачного падения они получили довольно сильные ушибы, одного даже пришлось отправить в госпиталь с переломом черепа. Мои соседи по комнате говорят, мало, хмурятся, настроение у всех подавленное.

Из нашей маленькой группы коммунистов выбывают два члена — Бриша и Дельфоса переводят в Везуль. Бриш был моим соседом по комнате, в течение нескольких месяцев мы вместе работали, вместе проводили часы досуга. Парень из Па-де-Кале, уже несколько лет как перебравшийся в Парижский район, он во всем остался шахтером, человеком очень твердых убеждений. Здесь он был — я говорю о нем в прошедшем времени, словно он уже уехал! — заводилой среди столяров, всегда готовым подучить и пошутить. Вечерами мы подолгу болтали с ним, растянувшись на наших матрасах. Бриш мне рассказывал, что, будучи делегатом от своего предприятия, перед войной он решил сделать на полгода перерыв в своей общественной работе, так как ему трудно было каждый вечер поздно возвращаться домой, тем более что в семье родилась девочка. Бриш говорил об этом каким-то извиняющимся тоном, потому что считал теперь свой поступок проявлением непростительной слабости. Историю эту он повторял мне неоднократно и каждый раз заканчивал ее так: «После войны исправим это дело и еще поработаем!» Прочитав свою фамилию в списке отъезжающих, он едва сдержал слезы.

Газеты полны всяческих измышлений. «Эвр» уже не знает, что и выдумать. Сегодня газета пишет: «Отнюдь не все члены Политбюро состоят в партии!» Выходит, члены Политбюро Коммунистической партии Советского Союза даже не являются членами партии. И надо же такое сочинить!

Специальный раздел в газетах по-прежнему посвящен репрессиям. 2-е отделение уголовного суда приговорило к двум годам тюрьмы г-жу Алер Рено, урожденную Деллиль, и к пяти месяцам тюрьмы «русского» Грассинова за пение «Интернационала» и высказывания о мощи Красной Армии. Федерация государственных служащих исключила из своего состава профсоюзную организацию оружейного завода в Леваллуа за то, что ее члены не выступили с осуждением советско-германского договора.

В статье, напечатанной с большими цензурными купюрами, де Кериллис разоблачает кагуляров как главных пособников Германии.

5 января

Сегодня получил телеграмму председателя палаты с вызовом на чрезвычайную сессию 1940 года, которая открывается 9-го. В «Пари-суар» прочитал, что командирам частей предлагается предоставить мобилизованным депутатам недельный отпуск; сегодня же подал соответствующий рапорт на имя командира полка.

Последний утром устроил смотр подразделению, отъезжающему в Везуль. Вместе с Бришем и Дельфосом мы дружески выпили за нашу встречу, крепко обнялись, и я пожелал им счастья. Расставаться было все-таки очень грустно!

Вечером я уехал на двое суток в отпуск.

В газетах пишут, что «на финском фронте окружены две русские дивизии», а «Эвр» даже мерещатся «волнения в Москве и Ленинграде».

Кассационный военный трибунал принял решение не выпускать из тюрьмы «Сантэ» содержащихся там двадцать восемь депутатов-коммунистов. В Монжероне за попытку восстановить партийную ячейку арестовано одиннадцать коммунистов. Затем следует целая серия приговоров, вынесенных различным лицам «за анти-французские высказывания». Де Кериллис продолжает в «Эпок» свою кампанию против проникновения гитлеровских элементов в самые различные французские круги и показывает закулисную сторону антисемитской кампании 1938—1939 годов.

6 января

Зашел домой к товарищу Андре Мерсье, депутату от Парижа, мобилизованному в Ванв; он живет в районе Восточного вокзала. Как держать себя в палате? Решили встретиться за час до начала заседания, чтобы повидаться с другими товарищами. Пока мы беседовали, пришла жена Жоржа Коньо¹, депутата от XI округа

¹ До войны товарищ Коньо, ныне покойная, занималась различными организациями, в частности обществом «Друзья китайского народа». В первые месяцы войны ей удавалось оказывать поддержку сотрудникам общества, которые остались без средств. Почти ежедневно к ней являлись агенты из Сюртэ и угрожали ей, как иностранке, хотя после замужества она натурализовалась во Франции.

Парижа, ныне лейтенанта саперной роты где-то в Арденнах. В части его окружают реакционно настроенные офицеры, многие из них члены французской социальной партии полковника Де ля Рокка, и ординарец, которого ему дали, тоже член ФСП. Питается он в столовой вместе с офицерами, которые каждый день пристают к нему: «Ну что, милейший, может, сегодня скажешь наконец заветное словечко?» Речь идет об отречении от своей партии, которого тщетно добиваются от нашего товарища уже несколько месяцев, так что по одному этому можно судить, что это за люди.

Де Кериллис объясняет сегодня в своей газете, каким путем гитлеровской Германии удалось парализовать и нейтрализовать Республиканскую ассоциацию бывших фронтовиков.

Читаю в «Эвр»:

«В одном из кафе в Булонь-сюр-Сен агитатор Арсен Тригюте всячески поносил наших правителей. Обвиненный в нарушении чрезвычайного закона от 1 сентября, он предстал вчера перед военным трибуналом. После защитительной речи Марселя Блока был вынесен приговор: три года тюрьмы и штраф тысяча франков».

Затруднения внутри социалистической партии. «Попюлер» помещает протокол секции в Вирн-Шатильон, осуждающий кампанию против Леона Блюма, «идущую изнутри». Секция в Саннуа «решительно протестует против любых попыток раскола, который ослабил бы боеспособность партии».

7 января

Ко мне домой пришел один товарищ из Сен-Дени. Он рассказывает, что за последние две недели на различных предприятиях города арестовано более пятидесяти товарищей. На заводе «Сюльзер» среди двадцати пяти арестованных рабочих оказалось даже три дориотиста и два социалиста; вместе с нашими товарищами они участвовали в майских забастовках 1936 года. Это подтверждает тот факт, что арестовывают не только за «нелегальную коммунистическую пропаганду», но и за деятельность в период Народного

фронта, причем аресты производятся на основании списков «подозрительных», составленных еще в то время. В числе арестованных — рабочий Эрве, ветеран войны 1914—1918 годов; шестеро полицейских так его избили, что полиция даже отказалась вернуть жене его носовой платок и рабочий комбинезон, которые, по-видимому, были в крови. Кстати, г-жа Эрве, видевшая мужа за решеткой «Сантэ», обратила внимание на то, что лицо у него отекавшее.

Андрэа говорит, что замок «Бэлле», где находился дом отдыха Союза парижских металлургов, превращен правительством в концентрационный лагерь. «Подозреваемые», которые там находятся, в течение нескольких дней чистили сапоги полицейским и работали на кухне. Теперь они прошли сортировку: некоторых перевели в Канталь, других отправили в колонии.

В газете много пишут об английском военном министре Хоре Белише, который направил Чемберлену, одному из печальной памяти героев Мюнхена, письмо с просьбой об отставке, однако мотивы этой отставки не приводятся.

8 января

Вернувшись прошлой ночью в казарму, узнал, что Бриш и Дельфос уехали в Везуль. Товарищи говорят, что они были очень расстроены.

Без всяких трудностей получил недельный отпуск для участия в парламентской сессии и сегодня вечером уезжаю.

Сообщается о том, что в Коньяке арестовали двух школьных учительниц, одного учителя, почтового служащего и полиграфиста только за то, что они якобы принимали участие в работе коммунистической ячейки.

Газета «Тан», орган «Комите де форж», или, как принято говорить, «буржуазия, воплощенная в газете», продолжает кампанию за разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом. Газета пишет:

«Сегодня более чем когда-либо необходимо остерегаться этой постоянной угрозы [имеется в виду коммунистическая пропаганда. — Ф. Г.], и надо покончить с двусмысленным положением, о котором мы вновь

писали вчера, а для этого пора внести необходимую ясность в отношения Французской республики с правительством Советов. Двусмысленное положение, которое продолжает существовать без всяких к тому оснований и вопреки нашим дипломатическим отношениям с Москвой, с точки зрения нашей безопасности столь же аморально и столь же вредоносно, как и с точки зрения сохранения внутреннего мира в стране и ведения войны против Германии. Еще больше, чем у рабочих масс в метрополии, у местного населения колоний есть основания удивляться тому, что коммунизм, преследуемый властями, до сих пор имеет в Париже свое дипломатическое представительство, пользующееся, разумеется, привилегией экстерриториальности».

А в то же время де Кериллис обещает открыть французам глаза на то, «что представляла собой вражеская затея овладения нами изнутри, ужасающие результаты которой уже налицо...». «Гитлеризм, — пишет он, — куда более опасен, чем коммунизм, потому что он поражает главным образом элиту, те общественные круги, которые через политические партии, через парламент, прессу, крупную промышленность и благодаря своей финансовой мощи держат в руках все командные рычаги. Кроме того, буржуазия не имеет никакого права учить предателей рабочего класса, прежде чем она не покончит с изменой в своей собственной среде. Она получит право преследовать агентов Москвы лишь после того, как разделается с агентурой Берлина...»

Не будем придавать значения тому, что директор газеты «Эпок» видит в нас «предателей рабочего класса» и «агентов Москвы», но запомним его слова о том, что агенты Берлина неприкосновенны, что гитлеровскую «пятую колонну» никто не трогает, что буржуазия изменяет родине. Уж он-то в качестве депутата от Нейи хорошо эту буржуазию знает, и нельзя отказать ему в известной смелости, ибо, пожалуй, он один во всей большой прессе осудил закамуфлированную гитлеровскую пропаганду во Франции.

Глава V

ВОЙНА ПРОТИВ... ИЗБРАННИКОВ НАРОДА

9 января 1940 года

Сегодня утром совещание у Андре Мерсье вместе с Раймоном Гюйо и Шарлем Мишелем¹. Приняли решение участвовать в заседании палаты депутатов, сохранять хладнокровие во время декларации председателя, голосовать за кандидатуры Флоримона Бонта на пост председателя палаты, Жака Дюкло — вице-председателя и Артюра Раметта — на пост секретаря.

В Бурбонский дворец мы явились в солдатской форме и сразу же почувствовали симпатию к себе со стороны служащих палаты, которые горячо пожимали нам руки. Разыскали Андре Парсалья, Сюльписа Девеза и Роже Бенансона² и всемером устроили короткое совещание.

Парсаль придерживается той точки зрения, что в массах еще не вполне созрело недовольство и поэтому любое действие с нашей стороны было бы преждевременным. Такова же и точка зрения Бенансона. Раймон Гюйо им возражает, указывая, что взоры сотен тысяч трудящихся будут сегодня прикованы к Бурбонскому дворцу и, следовательно, мы должны участвовать в заседании. Он мотивирует решение, принятое у Мерсье.

И вот мы надеваем пиджаки взамен наших форменных курток и входим в переполненный зал. Едва

¹ Гюйо — депутат от Вильжюифа (департамент Сена); Мишель — депутат от XV округа Парижа, расстрелян в Шатобриане 22 октября 1941 г.

² Парсаль — депутат от Сен-Мора (департамент Сена); Девез — депутат от департамента Нор; Бенансон — депутат от Провена (департамент Сена и Марна).

только нас заметили, Тиксье-Виньянкур сразу же бросает нам злобную реплику, Кьяпп¹ в ярости начинает стучать ногами, а Филипп Анрио кипит от бешенства. Правые и центр поливают нас оскорблениями. Шакалы рассвирепели. Мы не реагируем, не отвечаем ни слова, сохраняем ледяное спокойствие.

Бывшие наши товарищи — Бру, Лубраду, Соссо, Капрон, Нико, Валла, Фушар — гогочут нам в спину. Шум усиливается. В конце концов председатель решает устроить перерыв и куда-то исчезает. В то время как наши «коллеги» развлекаются в кулуарах, мы остаемся на своих местах. Ко мне подходит служитель и сообщает, что Лангюме, другой мобилизованный депутат-коммунист, ждет меня в коридоре. Застаю его вместе с Ле Корром². На обоих военная форма, и они сразу дают мне понять, что отнюдь не горят желанием к нам присоединиться (сам факт, что они не переоделись — а в военной форме, как известно, присутствовать на заседании нельзя, — указывает на их колебания). Я им ответил прямо: не участвовать в заседании — это значит добровольно сложить с себя права избранника народа, это значит смириться с незаконием и отступить без боя.

Я возвращаюсь в зал заседаний, где оставил товарищей, и рассказываю им об этом эпизоде. Девез пытается оправдать перед Гюйо, Мишелем и Мерсье свое намерение проголосовать пустым бюллетенем вопреки единодушному решению, принятому нами всего час назад.

Перерыв продолжается. Депутаты обсуждают, каким путем можно нас отсюда вышвырнуть. Но такой возможности у них нет: мы прибыли по официальному вызову председателя палаты, у нас в законном порядке оформленный отпуск, нам ничто не вменяется в вину, нам нельзя отказать в праве участвовать в заседании.

¹ Во время фашистских мятежей 6 февраля 1934 г. был префектом парижской полиции. В годы оккупации находился на службе у Петэна и сотрудничал с нацистами. Погиб при загадочных обстоятельствах в авиационной катастрофе.

² Адриен Лангюме — депутат от XX округа Парижа; Дарюс Ле Корр — депутат от Корбея (департамент Сена и Уаза).

То, что нас встретили на фашистский манер, как нельзя лучше подтверждает правильность нашего решения во время речи председателя сохранять хладнокровие, а затем выступить с протестом против того, что война, начатая с гитлеровской Германией, фактически ведется против нас.

Заседание возобновляется. Выступает председатель. Он подходит к тому месту своей речи, где воздает должное войскам республики. Депутаты встают, кроме нас четверых — Гюйо, Мишеля, Мерсье и меня. И тут разражается скандал. Пятьдесят против одного — «коллеги» бросаются на нас. Их удерживают служители. Я прошу слова, председатель мне в этом отказывает. Он угрожает нам санкциями. Однако по закону для этого требуется поименное голосование. К черту законность! Раздается вой сирены, публику удаляют из зала. Злобствующая свора прорывается через заслон служителей. Раймона Гюйо за волосы стаскивают с места. Андре Мерсье, на которого со всех сторон сыплются удары, падает прямо на меня. Депутат Бартелеми, мэр города Пюто, кулаком бьет Шарля Мишеля, но наш товарищ, будучи старым боксером, отвечает ему хорошей оплеухой, от чего тот едва не валится с ног. При столь очевидном неравенстве сил мы в конечном счете оказываемся за дверью. В небольшой гостиной рядом с залом заседаний застаем бывшего министра Монзи, он сидит, вытянув ногу на стуле. Проходя мимо него, я бросаю: «У нас больше нет парламента, теперь здесь рейхстаг!» Монзи бледнеет, но молчит: видимо, ему не до того. Квестор Барт ведет нас в гардероб для мобилизованных и предлагает покинуть здание парламента. Мы снова переодеваемся в военную форму и складываем пиджаки в свои чемоданчики. Уж не арестуют ли нас при выходе?.. Нет, никого... Вчетвером усаживаемся в такси и едем к Мерсье обсудить создавшееся положение...

В автобусе по дороге в Сен-Дени успеваю пробежать утренние газеты. В них сообщается, что «в районе Суомуссалми разгромлена 44-я советская дивизия» — очередное «победное» сообщение. В Фив-Лилле арестованы семь работавших на заводе коммунистов, а также супруги Герцог, дочь и зять Марселя Кашена; их обвиняют в «заговоре, неповиновении капитану судна,

попытке учинить беспорядок на борту корабля путем подстрекательства военнослужащих к неповиновению». Что еще за непонятная история? ¹

На страницах «Эпок» де Кериллис продолжает доказывать, что гитлеровские элементы проникают в наш парламент. Он утверждает, что правительство все свои усилия направляет исключительно на травлю коммунистов (да мы в этом и сами достаточно убедились!).

Военный обозреватель «Тан», ратуя за блокаду Мурманска и высадку англо-французских сил в Финляндии, пишет:

«Вторжение союзников в Финляндию было бы целесообразно увязать с мощным наступлением в другой части колоссальной советской империи. Весьма подходящим районом для подобной операции является Черное море, доступное для кораблей союзнических флотов. Известно, что неподалеку от него находятся исключительно важные для Советского Союза районы

¹ После поражения Испанской республики Международный санитарный центр не прекратил своей деятельности и продолжал оказывать помощь республиканским беженцам. Так, весной 1939 г. им было зафрахтовано судно «Виннипег» для доставки в Чили трех тысяч беженцев (в большинстве женщин и детей), а также медицинского персонала — врачей Поля Герцога и Марсель Герцог-Кашен и шестерых медицинских сестер, в числе которых была Филомена Гобер, жена мэра-коммуниста Нейи-сюр-Марн. Все эти люди, как и комиссар судна Луи Селлон, проявили себя наилучшим образом. Напротив, капитан судна на протяжении всего рейса пытался вызвать инциденты. «Виннипег» прибыл в порт назначения Вальпараисо в самый день объявления войны. Испанцы-беженцы и гражданский персонал были высажены, причем последнему предстояло ожидать репатриации по консульским каналам. И вот как-то утром капитан дал приказ к отплытию без наших друзей; экипаж запротестовал и отказался выполнять такое распоряжение. После долгих перипетий всех в конце концов высадили на берег, включая и самого капитана, а затем репатриировали. По прибытии во Францию сорок моряков, комиссар судна и три врача были арестованы и заключены в тюрьму по смехотворному обвинению в «намерении доставить судно... во Владивосток с целью передачи его в распоряжение советских войск». Правительство рассчитывало сострять громкий антикоммунистический процесс, который и был начат в апреле 1940 г. Однако в связи с отсутствием в деле материалов обвиняемых пришлось оправдать. Что касается капитана судна, главного зачинщика этой грубой провокации, то он впоследствии запятнал себя сотрудничеством с врагом и после Освобождения был осужден.

с их нефтеносным бассейном и проходит граница наиболее уязвимого участка советской оборонительной системы... Англо-французские эскадры, получив господство в Черном море... вынудили бы Москву держать на Кавказе значительные силы для защиты своей нефти, без которой все население страны было бы обречено на голодную смерть, поскольку советское сельское хозяйство целиком теперь зависит от тракторов».

Вот уж точно, что речь все меньше и меньше идет о войне против Гитлера и все больше о войне против Советского Союза.

Домой я возвратился поздно, так что Андраэ очень беспокоилась. Вместе с Ивонной Берлиоз¹ она присутствовала на заседании. Когда раздалась спрена и публичке пришлось покинуть зал, они видели, что мы оказались под натиском превосходящих сил, и вполне серьезно опасались, как бы нас не подвергли линчеванию. Да, я и мои товарищи не скоро позабудем лица некоторых депутатов, искаженные ненавистью!..

10 января

Утром купил пять разных газет. Вчерашнее заседание палаты всюду освещается на первых страницах.

«Эвр» дает заголовок: «Бурное начало сессии в Бурбонском дворце» и ниже: «Четыре депутата, все четверо коммунисты, мобилизованные в армию, не встали со своих мест, чтобы вместе с другими депутатами воздать честь нашим вооруженным силам. Среди невероятного шума, поднявшегося в зале, они были изгнаны из палаты. Правительство намерено внести законопроект о лишении полномочий депутатов, которые не отмежевались от Москвы».

«Пти паризьен»: «Шумное начало сессии в Бурбонском дворце... Поведение семи депутатов от бывшей коммунистической партии вызывает бурные инциденты. В отношении четырех из них палата голосует за то, чтобы вынести им порицание, или за их исключение и сама выставляет их за дверь».

¹ Жена Жоанни Берлиоза, депутата от Септ-Уэна (департамент Сена), одного из депутатов-коммунистов, заключенных в тюрьму «Сантэ».

«Журналь»: «Присутствие в Бурбонском дворце нескольких депутатов от бывшей коммунистической партии вызвало такой бурный протест, что им пришлось покинуть зал заседаний».

«Эпок»: «После вынесения коммунистам порицания они были выставлены из палаты за то, что отказались присоединиться к приветствию в честь наших вооруженных сил».

«Жур»: «Коммунисты изгнаны из палаты». «Заставив депутатов Москвы покинуть палату, депутаты единодушно воздали дань признательности нашей армии и выразили свою солидарность с Финляндией».

11 января

Этого следовало ожидать: Сюльпис Девез от нас отрекается; он не устоял, испугался царившей позавчера атмосферы погрома, тем более что, по сообщениям печати, правительство намерено сегодня потребовать удаления из палаты, а также из департаментских и муниципальных советов всех лиц, «не порвавших с Москвой».

«Журналь» угрожает: «Если есть еще во Франции более или менее высокопоставленные французы, которые продолжают мечтать о союзе с русскими, предупреждаем их, что они рискуют по меньшей мере своей честью и свободой». Полковник Фабри в «Матэн» требует даже разрыва дипломатических отношений с Москвой.

Сегодня утром пошел в палату за своим проездным железнодорожным билетом на 1940 год. Получил его в бухгалтерии без всяких хлопот, но дальше служащий меня не пропустил. На обратном пути двое рабочих, ехавших вместе со мной в автобусе, выходя, крепко пожали мне руку; один сказал, обращаясь ко мне: «Не унывайте!»

12 января

Утром заходил домой к Марселю Виллару; ему поручена защита наших товарищей, депутатов-коммунистов, находящихся в тюрьме «Сантэ». Виллар вынуж-

ден был слечь в постель — до такой степени изнурила его тяжелая работа за эти последние четыре месяца. Он рассказал мне о чудовищных условиях, в которых содержатся в тюрьме инвалиды войны, такие, как брат Жака Дюкло Жан Дюкло (почти совсем слепой) или Феликс Брен (лишившийся обеих ног), последнему приходится на коленях ползти до параши. Изю дня в день на наших товарищей оказывается грубейшее давление с целью их сломить, но подавляющее большинство из них проявляет нестигаемую твердость. Марсель Виллар рассказал о двадцатилетнем коммунисте Пьере Жорже, которого пытали шесть часов подряд, избивая хлыстом из бычьих жил; юноша не склонился перед палачами¹. В полицейских участках и тюрьмах, говорит Виллар, можно увидеть сцены, напоминающие времена инквизиции.

Одновременно со мной Виллара навестили Марсель Кашен и его жена Маргерит.

— Я собираюсь обратиться с заявлением в сенат, — сказал нам Кашен. — Если суд над нашими депутатами состоится, я буду выступать свидетелем в их защиту.

Славный старик Кашен! Он достоин самого высокого нашего уважения и любви!

Газеты публикуют сегодня заявление депутатов Бенансона, Ле Корра, Парсаля, Девеза и Лангюмье. Заявление довольно робкое, но тем не менее осуждающее поведение «четырех» в прошлый вторник.

«Каким образом Лангюмье мог так круто изменить позицию? — спрашивает у меня Марсель Виллар. — Всего два дня назад здесь, у меня, он выражал полное согласие с вашим поступком...» В чем же дело? Боязнь того, что нас ждет после возвращения из отпуска в свои части? Страх оказаться в тюрьме? Лишиться мандата, а вместе с ним и каких бы то ни было средств к существованию на время войны? Жуткие часы, пережитые нами во вторник? В отступничестве наших бывших товарищей было, безусловно, все.

¹ Во время войны рабочий-металлург Пьер Жорж стал полковником Фабьеном. Подробный рассказ о жизни и борьбе этого героя можно найти в превосходной книге Узулпаса «Батальоны молодежи». (Ouzoulias, Les Bataillons de la Jeunesse, Editions sociales, Paris, 1959.)

Правительство внесло в палату законопроект, предусматривающий лишение полномочий всех депутатов, которые решительно не порвали с распущенными организациями либо путем ухода в отставку, либо публичным заявлением, сделанным до 9 января 1940 года. Депутатам, находящимся в армии, для соответствующего заявления будет предоставлен десятидневный срок. Лишение депутатов их полномочий будет осуществляться комиссией сената или палаты, а в отношении генеральных и муниципальных советников — префектами. На вчерашнем заседании палаты Кьяпп потребовал, чтобы лишение депутатских полномочий было произведено немедленно. Этьен Фажон (его мобилизовали на юге, и он, слишком поздно получив отпуск, не успел во вторник быть вместе с нами) под крики и возгласы правых выступил против правительственного законопроекта, охарактеризовав его как незаконный. «Раздался смех, — добавляет газета «Жур», — и проект был передан в комиссию по всеобщему голосованию с пометкой: «Обсудить в следующий вторник». По сообщению газеты «Попюлер», «левые просто освистали Кьяппа». По словам еженедельника «Аксьон франсэз», в зале «поднялся невероятный шум». Сообщается, что в кулуарах палаты правительственный законопроект вызывает серьезные возражения. В социалистической группе состоялись бурные дебаты. Шестьюдесятью девятью голосами против тридцати восьми эта группа поддержала законопроект о немедленном лишении депутатов-коммунистов их полномочий. Предложение меньшинства, отстаиваемое Венсаном Орнолем, сводилось к тому, что, если какой-либо депутат остается приверженцем партии или организации, связанной с иностранным правительством, он подлежит суду и в случае осуждения лишается своих полномочий. К этой формулировке присоединились Леон Блюм, Мариус Мутэ, Жорж Моннэ, Андре Филли, Герэ.

Шесть печатных изданий («Тан», «Фигаро», «Жур», «Матэн», «Журналь», «Аксьон франсэз») ратуют за разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом. «Ордр» и «Эвр» держатся иного мнения. Последняя пишет: «Лишение коммунистических депутатов их полномочий — да! Но не разрыв с СССР!»

Шарль Моррас в «Аксьон франсэз» нападает на де Кериллиса. Он обвиняет его в том, что тот затеял кампанию по разоблачению гитлеровских происков «с целью расколоть французов и прикрыть русских коммунистов». «Эту затею, — пишет Моррас,¹ — можно объяснить личными мотивами де Кериллиса: его уязвленным самолюбием, нуждой в деньгах, завистью или злобой. Но это может означать и нечто другое, и тут, я повторяю, надо смотреть в оба, ибо нельзя допустить, чтобы Франция терпела от этого ущерба...»

Решением правительства начиная с 15 января три дня в неделю запрещается торговля мясом.

13 января

Навестил Жоржа Коньо, который неделю назад приехал в отпуск. Он серьезно болен, температура сорок, но настроение у него великолепное, он полностью согласен с нашей позицией в палате.

В одной из газет прочел: «В Сен-Дени арестованы двадцать рабочих авиационного завода «Буазен».

14 января

Сегодня воскресенье. Пригласил к себе домой на завтрак Шарля Мишеля и Андре Мерсье с женами. Сидели до позднего вечера и в сердечной, братской атмосфере вспоминали прошлые сражения, говорили о нынешних трудностях. Угощение было скромное, распили последнюю бутылку шампанского — единственную, которая еще осталась от тех, что мне прислали в подарок товарищи из департамента Марна, когда в 1937 году, одержав победу над Дорио, я был избран депутатом.

В «Эпок» де Кериллис констатирует, что его «кампания встречает противодействие», и предупреждает, что в связи с начатым против него преследованием многие потребуют лишить его парламентской неприкосновенности.

¹ Спустя полгода «теоретик» французских роялистов Шарль Моррас стал сотрудничать с Гитлером.

Гитлеровская «пятая колонна» и впрямь пользуется могущественной поддержкой. За это время арестовано еще семь партийных работников в Дравее и тридцать членов молодежной коммунистической организации города Виньё.

15 января

Как было вчера условлено, вместе с Шарлем Мишелем побывали сегодня в Курбевуа у Этьена Фажона. Чтобы наверняка его застать, приехали ровно в двенадцать дня; Жюльетта, жена Фажона, угостила нас замечательным омлетом. Этьен принадлежит к тем людям, беседа с которыми всегда дает очень много, а в столь трудные дни к этому прибавляется еще и радость от сознания, что ты говоришь с единомышленником. Начал он с шутки:

— Мы втроем образуем политбюро и потому имеем право обсудить мое завтрашнее выступление.

Фажон прочел нам свою речь: протест против незаконного содержания в тюрьме арестованных депутатов-коммунистов и выражение им братской солидарности; разоблачение противозаконного требования о лишении коммунистических депутатов их полномочий; о нарушении демократии; ответ по пунктам на то, что выдвигается в качестве предлога, — советско-германский договор, советско-финляндский конфликт; осуждение репрессий и, в заключение, о нашей беззаветной преданности подлинным интересам французского народа. Все у него так хорошо сказано, что мы с Мишелем не нашли ни одного неудачного слова.

Потом Фажон сообщил нам о внесенном им законопроекте относительно выплаты французским солдатам такого же жалованья, какое получают английские солдаты, а женам мобилизованных в армию французов — пособия в размере того, что выплачивается в Великобритании. Адриен Мутон, депутат от Арля, который вместе с Фажоном направится завтра в палату, внес другой законопроект — о незамедлительном возмещении крестьянам стоимости военных реквизиций.

Этьен хладнокровно оценивает обстановку и реакцию на наше поведение. Что нас лишат депутатских

полномочий, не вызывает сомнения. Сам он начал уже распродавать мебель — продал письменный стол. Несколько семей выразили готовность помочь его жене, которая вскоре может оказаться без средств. Жюльетта говорит:

— На заводах многие рабочие одобряют ваше поведение. Мелкие торговцы в нашем квартале, до войны относившиеся ко мне довольно прохладно, теперь дружески со мной здороваются...

Она рассказывает нам забавную историю: сержанта Фажона определили в зенитную артиллерию около Гардана, в департаменте Буш-дю-Рон, где много крупных заводов. Он отлично знает свою специальность зенитчика, лучше многих офицеров. И вот люди в округе говорят: «Если от нас заберут Фажона, мы лишимся защиты от самолетов!..»

«Попюлер» присоединяет свой голос к «Эвр» и «Эпок» против замышляемого антисоветского похода. Статью де Кериллиса цензура не пропустила.

16 января

Новости об Андре Мерсье. Когда он вернулся из отпуска в форт Ванв, капитан ему сказал, что после его выходки в палате он не желает иметь с ним дела и отправляет обратно в Париж на мобилизационный пункт.

Читал сегодня книгу Дезанжа и Морежа «Жизнь Жореса». Его ведь тоже — и не один раз! — называли агентом врага. Так, в 1911 году какой-то реакционер, поднявшись на трибуну, заявил: «Господин Жорес произнес кощунственную речь, она была бы вполне уместной в германском парламенте». Авторы книги приводят эпизод, связанный с одним особенно бурным заседанием палаты: «16 марта 1912 года Жорес, выступая в парламенте, высказался по поводу распри между Кайо и де Сельвом, цель его была показать, что противники стоят друг друга. Он разоблачил как одного, так и другого, но те не осмелились открыто выступить в свою защиту. Вместо этого они натравили на него свору своих друзей и клиентов, которые, повскакав с мест, с воплями кинулись к стоявшему на трибуне

Жоресу...» Мы это хорошо себе представляем, и, безусловно, в этот час Этьену Фажону приходится противостоять такой же бушующей ярости...

Национальный комитет ВКТ собрался в Париже впервые за время войны. Он одобрил меры против коммунистов и переговоры, которые сейчас ведутся с организациями предпринимателей. Однако комитет выразил мнение, что нельзя больше игнорировать требования рабочих и что жертвы, приносимые рабочим классом, достигли предела.

17 января

Вчера «в итоге исторического заседания, продолжавшегося с трех часов дня до десяти часов вечера, — пишет «Пти паризьен», — коммунистические депутаты были лишены своих полномочий; за эту резолюцию проголосовал 521 депутат, против — 2» (Этьен Фажон и Адриен Мутон). Текст резолюции, предложенный комиссией, был несколько изменен: эта санкция не распространяется на тех депутатов, которые порвали с коммунистической партией до 26 октября (в первоначальном тексте предлагалось 10 октября). Изменение даты имело целью «спасти» четырех депутатов (Капрона, Валла, Нико, Жардона) и сенатора Кламамю, которые заявили в печати о своем намерении «отмежеваться от Москвы, но голосовать против лишения депутатов их полномочий». Правительство придумало всю эту комедию, чтобы выставить их на посмешище «перед всей страной», а палата депутатов послушно пошла за правительством.

Теперь о препнях. Достоинно внимания то, что докладчик Бартеlemi «под горячие аплодисменты правых» («Пти паризьен») не только потребовал лишения нас депутатских полномочий, но настаивал, чтобы как можно скорее был внесен законопроект об удалении из административных органов всех лиц, не порвавших с III Интернационалом; Франсуа Шассень выразил сожаление, что не «пуля в затылок» явится карой для коммунистических лидеров; выступили также Фланден (тот самый, что в период Мюнхена направил поздра-

вительную телеграмму Гитлеру), а также Тиксье-Виньянкур¹.

О выступлении Этьена Фажона в газете «Эвр» ни звука. В газете «Жур» всего несколько слов: «Обычная болтовня человека, сохраняющего верность своему идеалу». В «Пти паризьен»: «Господин Фажон, нераскаившийся коммунист, считает законопроект актом произвола и беззакония, а отчет он готов дать только народу».

Поведение наших бывших товарищей было жалким. Сюльпис Девез обвинял Фажона, нападал на Советский Союз, давал любые заверения, лишь бы не попасть в число «пострадавших». Парсаль от имени Лангюмье, Ле Корра и Бенансона ссылаясь на смягчающие обстоятельства: если они не обличали свою партию, то лишь потому, что, будучи мобилизованными еще в сентябре, не могли составить собственного мнения, но, когда после четырех месяцев военной службы они получили возможность принять участие в общественной жизни, они сразу подписали заявление от 11 января. Спасут ли эти люди подобным пресмыкательством свои мандаты?

Выступил так же и де Кериллис. Он голосовал, как и другие, не в нашу пользу, но под выкрики и брань изобличал гитлеровских агентов во Франции.

Так как наш отпуск кончается, я и Мишель в понедельник договорились с Этьеном Фажоном сегодня вечером встретиться у Мерсье. Мы прождали его до десяти часов, но Фажон так и не пришел, и мы опасались, уж не арестован ли он после столь смелого выступления.

В сегодняшних газетах сообщается, что наши товарищи Дюжардэн и Лемэр исключены из генерального совета департамента Сомма и что ходатайство о временном освобождении наших депутатов Брена, Гау и Корнавэна отклонено; между тем первый из них — инвалид войны 1914—1918 годов, а Корнавэн страдает каким-то тяжелым заболеванием.

¹ Эти четыре депутата за год и три месяца до этого заседания одобрили Мюнхенское соглашение. Спустя полгода они пошли на службу к Петэну и стали сотрудничать с нацистами.

В час дня уехал поездом в Лаваль. Андреа проводила меня на Аустерлицкий вокзал. Обычно бодрая, сегодня она показалась мне встревоженной: не волновалась ли она, что по прибытии в часть меня арестуют... Но этого не произошло.

Приехав в пять часов вечера, я прежде всего зашел в кафе к Мориссо справиться о новостях. Меня ждали письма от Дельфоса и Бриша. Они попали вовсе не в Везуль: один находится в двенадцати километрах от швейцарской границы, другой где-то в Эльзасе, и оба пишут, что «заедает хандра». Кроме недавних друзей (Ранну из Вильжюифа, Анрикеля из Эперне), в казарме оставалось еще несколько славных ребят из тех, что прибыли в сентябре (Оллебек из Аллюэна и Биссак), но от Мориссо я узнал, что несколько дней назад они, собрав вещички, отбыли в неизвестном направлении. Меня это очень огорчило. Наша группа коммунистов снова распалась.

По дороге в казарму встретил служащего канцелярии — до войны он был учителем, — который мне сказал: «Взглядов твоих я не разделяю, но держался ты молодцом, а отступников я не люблю». Так же реагировали семеро солдат из моей комнаты: ни один не посмотрел на меня косо, напротив, все выражали свои дружеские чувства.

После плохих вестей папаши Мориссо чертовски приятно было не чувствовать себя в одиночестве. Ну что ж, надо держаться!..

Газета «Жур» приводит сегодня статистику «пострадавших»: один из двух сенаторов (Марсель Кашен), шестьдесят из семидесяти трех депутатов, одиннадцать из двенадцати муниципальных советников Парижа, двадцать пять из двадцати семи генеральных советников департамента Сена. Под заголовком «Разбогатевшие» эта фашиствующая газета пишет:

«Хитрее всех, безусловно, оказались те из депутатов-коммунистов, кто вовремя отмежевался от Москвы и сохранил свои мандаты. Они не только не лишились депутатских прав, но еще и заработали на этом... В свое время партийная дисциплина обязывала их еже-

месячно вносить из своего жалованья 4500 франков в партийную кассу...»

Де Кериллис, за разоблачение французских гитлеровцев обвиненный — и он тоже! — в том, что является «агентом Советов», отвечает в «Эпок», что, если бы не он, вся эта предательская затея так и оставалась бы неизвестной.

19 января

Сегодня снова приступил к работе на складе. Днем явились два офицера узнать, сколько чего имеется в наличии; ни один, ни другой не позволили себе даже намек на то, что произошло в палате. Так же было и во время построения.

20 января

Собачий холод, но помещение протапливают лишь несколько раз в неделю. Столовая под стеклянной крышей тоже не отапливается, и потому еда моментально стынет. Всю ночь ребята кашляют и жалуются, что не могут уснуть.

В печати сообщается, что сенат проголосовал за лишение парламентариев-коммунистов их полномочий. Четыре сенатора от голосования воздержались: бывший коммунист Кламаю — сенатор-социалист, мэр Сюрена, Анри Селье — сенатор-социалист, мэр Булонь-Бийанкура, Андре Моризэ и Башле из Сент-Уэна.

21 января

Сегодня воскресенье. Приятно провел время в семье Маго, почтово-телеграфных служащих, людей умных и симпатичных. Мы сходили в кино, а вечером они пригласили меня поужинать. Приятно побыть в домашней обстановке, у товарищей, которые сохранили твердость духа!

22 января

В газете «Эпок» де Керпиллис продолжает разоблачать довоенные происки гитлеровцев. Он пишет:

«Наиболее характерные в этом смысле фигуры германского шпионажа во Франции — это разведчица Элизабет Бютнер и шпион Абец¹. Оба они являлись завсегдатаями самых роскошных парижских салонов, бывали в посольствах, министерствах, посещали политических деятелей. Они принадлежали к официальному миру».

23 января

На сборный пункт прибыла сотня резервистов.

24 января

Приятный вечер в доме железнодорожника-коммуниста Дюфренуа².

Товарищ Маго, работавший в почтово-телеграфном ведомстве и освобожденный от мобилизации, призван в армию. То же касается двух других коммунистов, почтовых служащих в Лавале.

Газета «Эвр» продолжает свою клеветническую кампанию: «Русские разрешили гитлеровским войскам войти во Львов, где царят нищета, хаос и террор». Как поверить такому сообщению, если известно, что Львов является частью территории Советского Союза?

Три наших товарища-депутата, Феликс Брен, Жан Дюкло и Пьер Дадо, находившиеся в тюрьме, временно выпущены на свободу как инвалиды первой мировой войны. Освобожден также и депутат Пижинье, мэр Малакофа, вышедший из Рабоче-крестьянской группы и отказавшийся от своего мандата.

¹ Отто Абец — гитлеровский посол во Франции, во время оккупации руководил репрессиями в оккупированной зоне.

² Один из ветеранов нашей партии в Лавале Франсуа Жауан уточняет, что, кроме Дюфренуа, супругов Маго и Эжена Грандьер, я встретился там с канатчиком Буваром, в саду у которого, в хижине, по дороге из Ле-Мана в Лаваль проходили нелегальные собрания, и с Жаном Монье, который жил в Шанже и в период оккупации был расстрелян.

25 января

На сборный пункт ежедневно прибывают пятьдесят резервистов, почти все участники прошлой войны, крестьяне из департаментов Марна или Майенн.

26 января

Сегодня в 13 часов 30 минут во время построения — большой шум. Дежурный по части зачитал приказ командира 2-го саперного полка. Вот его содержание:

«Командир полка констатирует, что строительный лес, предназначенный для производства работ в расположении части, расходовался на топливо... Учитывая вышесказанное и в целях устранения подобных фактов командир полка приказывает:

1. Для предотвращения хищений назначить в ночное время дежурных из числа офицеров и унтер-офицеров.

2. Лиц, замеченных в использовании леса не по назначению, предавать суду военного трибунала.

3. Если и впредь будут иметь место случаи уничтожения строительного леса, суточные и двухсуточные отпуска отменить.

4. Ответственность за сохранность леса возложить на заведующего складом.

5. Сапера Гренье от обязанностей заведующего складом освободить, назначив на его место другого».

Огласив этот приказ, дежурный по прозвищу Сом, негодяй и пьяница, прибавил со злостью: «Трибунал по вас соскучился, понятно?» В ответ раздались возгласы неодобрения.

Это событие обсуждалось до позднего вечера. Больше всего комментариев вызвало мое отстранение от работы заведующего складом. Все считали, что это несправедливо, что склад содержится в полном порядке и я никогда не выдавал строительный лес на топливо. Со всех сторон мне говорили: «Это они тебе просто мстят. Придраться не к чему, вот и придумывают нарушения!» Даже капрал из Ватрело (департамент Нор), по фамилии Стеландр, антикоммунист, воскликнул: «Какая несправедливость! Какая мерзость!»

Счетовод из Лилля, по фамилии Кодрон, малый, с которым мы вместе набивали матрасы, когда у меня на складе не было работы, пришел ко мне и сказал: «Я никогда не занимался политикой, но с тобой они поступили просто по-свински!» Никто меня не осудил. Сержант Перш, уже четыре месяца занятый на столлярных работах, решительно заявил капитану, своему начальнику: «Ни в чем не могу упрекнуть Гренье. Лучше бы командир полка честно признал, что решение он принял по политическим мотивам». На это офицер ответил: «Я делаю, что приказывают...»

Пока что уезжаю вечером на двое суток в отпуск, а в понедельник познакомлюсь со своим преемником.

27 января

В поезде по дороге домой мне встретились двое из нашего полка. Они попали в подразделение, переведенное в Коэткидан, где строят бараки для польских частей. «Дисциплина, — рассказывают ребята, — очень строгая. Каждое воскресенье солдат ведут к мессе, всякое уклонение от этого «долга» строго наказывается».

На станции метро «Монпарнас» пробежал утренние газеты. В «Эпок» де Кериллис приводит потрясающий отрывок из книги Уссэ «1814 год», касающийся «патриотизма» тогдашней буржуазии, и директор газеты «Эпок» выражает сожаление в связи с тем, что у людей, которые из страха перед «большевистской угрозой» готовы сотрудничать с кем угодно, и в 1940 году еще живучи подобные умонастроения.

28 января — 16 февраля

Отдельные листки дневника затерялись.

(Вначале, рассказывая об этой книге, я говорил, что блокноты и отдельные тетрадные листки, из которых состоял мой дневник, в период «странной войны», а потом в течение четырех лет оккупации были спрятаны. После Освобождения я целиком ушел в ра-

боту, которую вели в то время наши товарищи. Все свои заметки я сложил тогда в одну папку, даже не перечитав их, и больше к ним не возвращался. Кроме того, начиная с 1944 года я много раз переезжал с места на место. Так что вполне вероятно, что записи, относящиеся к периоду от 28 января по 16 февраля, просто затерялись. Потеря, впрочем, не столь уж велика. Об этих трех неделях в памяти у меня ничего существенного не осталось. Я по-прежнему находился в Лавале, где ровно ничего не менялось. Что касается прессы, то она продолжала свою яростную антикоммунистическую и антисоветскую кампанию.)

17 февраля

Сегодня в первом часу ночи приехал на двое суток в отпуск в департамент Нор, к родителям жены. Холодно, идет снег. Люди жалуются: не хватает угля, нет кофе, который так любят северяне, картошки почти нет, и стоит она очень дорого. Правительство объявило о мобилизации старших возрастов — призывников 1917 года, поэтому многие семьи лишились своего основного кормильца. Из четырех тысяч жителей поселка мобилизовано 420 человек, и цифра эта с каждым днем растет. В кафе, рассказывают мне, уже и не побеседуешь в свое удовольствие — настолько силен страх, что тебя подслушивают, следят за каждым твоим шагом. «В наше время лучше иметь язык покорооче», — уверял меня Луи Прево, один из друзей моей юности, который известен здесь как автор многочисленных песен на патуа.

Луи Прево — участник прошлой войны. Шерстепрядильная фабрика, на которой он работает, целиком загружена заказами швейцарских фирм, своих новых клиентов, и Луи уверен, что фирмы эти являются поставщиками Германии. Во время нашей беседы я не переставал удивляться высокой сознательности моего беспартийного друга. Он считает, что война эта ведется не против Гитлера, а против рабочего движения. «Я убежден, — признался он мне, — что все вместе они готовят войну против России». «Они» — это капиталисты всех стран.

В местной газете сообщается, что Красная Армия овладела значительной частью финских позиций первой «линии Маннергейма». Шведское правительство отказало Финляндии в просьбе предоставить ей две дивизии.

А вот вычитанный мной в газете пример суровости военных трибуналов:

«Солдаты Каске и Коллине из форта Монруж придумали весьма хитрый, но довольно рискованный способ уберечься от холода: ночью они взобрались на крышу, а затем проникли в вещевой склад, откуда они выкрали шинели и одеяла... Вчера оба солдата предстали перед военным трибуналом по обвинению в краже... После выступления адвокатов был вынесен приговор. Каске осужден на три года тюремного заключения, Коллине — на два».

18 февраля

Утром я отправился снова в Лаваль. Повсюду снег. Поезда набиты битком: купе и коридоры переполнены, едут даже в уборных.

Немецкий пароход «Альтмарк», пмевший на борту несколько сот пленных английских моряков, подвергся преследованию британских военных кораблей и укрылся в одном из норвежских фьордов. Атакованный английским эскадренным миноносцем «Коссак», он после короткого боя возвратил англичанам их военнопленных. Берлин заявил протест правительству Норвегии, обвинив его в нарушении международного права.

«Эвр» пишет, что финны отошли на свои вторые позиции. В официальном коммюнике приводятся данные о французской помощи Финляндии: речь идет об истребителях, противотанковом оружии, тяжелой артиллерии, автоматах, минах и различных боеприпасах¹.

¹ В ту пору мы располагали крайне ограниченными сведениями, чтобы судить о подлинные причины советско-финляндской войны. Сейчас, по прошествии времени, есть возможность лучше оценить политику, проводившуюся Советским Союзом перед лицом угрозы гитлеровской агрессии. На пер-

Военный трибунал Парижа приговорил одиннадцать коммунистов Аржантейя в возрасте восемнадцати-двадцати лет к тюремному заключению сроком от шести месяцев до трех лет.

19 февраля

Сегодня утром приказ: «Сапер Гренье назначается в команду, производящую работы в Жуаньи». Команду утром доставляют автомашиной в Жуаньи, целый день она работает на строительстве дороги и вечером возвращается в казарму.

Работа очень тяжелая, вернулся совсем разбитый. Все-таки заставил себя просмотреть одну-две газеты и сделать запись в дневнике — очень коротко, хотя бы самое главное.

вом этапе, 17 сентября 1939 г., когда после трех недель упорных боев польское сопротивление было сломлено, речь шла о том, чтобы, несмотря на яростное противодействие Гитлера, ввести советские войска в восточную часть Польши. Второй этап: в конце сентября Советский Союз подписывает с тремя Прибалтийскими государствами (Эстония, Латвия, Литва) договоры о взаимопомощи, по поводу которых «Иллюстрасьон» в номере от 7 октября писала: «Тем самым русские обеспечивают себе очень прочную позицию на Балтийском море, контролируя одновременно Финский и Рижский заливы. Но против кого же направлена эта мера предосторожности, если не против Германии?» Третий этап связан с Финляндией. Ее тогдашние руководители потакали Гитлеру: нацисты построили на финской территории двадцать три гигантских аэродрома и базы тяжелой артиллерии, находившиеся в тридцати четырех километрах от Ленинграда. В ноябре 1939 г. начальник гитлеровского генерального штаба Гальдер лично прибыл инспектировать эти объекты.

Сознавая опасность, угрожавшую Ленинграду, Советский Союз предложил Финляндии территориальный обмен. Финляндия, опираясь на поддержку Гитлера, отказалась принять это предложение. 29 ноября началась советско-финская война. Французская пресса тут же ополчилась на Советский Союз, обвинив его в нападении на «маленькую и столь мужественную Финляндию». Естественно, газеты скрыли от французского народа, что Гитлер и Муссолини послали в Финляндию огромное количество оружия, боеприпасов и различного военного снаряжения. Направив в Финляндию военное имущество, о котором шла речь в газетах от 18 февраля 1940 г., Франция тем самым превратилась в союзника Гитлера против Советского Союза. Невероятно, но, увы, это факт.

Инциденту с «Альтмарком» и сегодня еще отводится в газетах значительное место. Англия протестует против действий Норвегии, которая не сообщила о присутствии английских военнопленных на борту германского корабля во время его пребывания в Бергене.

20 февраля

Утром, перед самым отъездом на работу в Жуаньи, меня назначили в почетный караул для встречи какого-то генерала. Сегодня утром и во второй половине дня тренировались в приемах обращения с оружием.

Вернувшись после занятий, я был вызван в канцелярию, где находился командир полка и двое не знакомых мне мужчин в штатском с непроницаемыми, антипатичными лицами. Мое безупречное приветствие по всей форме даже смутило полковника.

— Сапер Гренье, вольно! — сказал он мне. — У нас к вам есть несколько вопросов. Прошу отвечать кратко.

Я почувствовал в его словах какой-то подвох.

— Господин полковник, прежде всего разрешите узнать: кто эти господа?

— Они прибыли из Парижа с официальным поручением вас допросить.

— Охотно им отвечу, но сначала прошу разъяснить следующее. Устав запрещает военному служащему вести в армии политические дискуссии, и потому я хотел бы быть уверенным в том, что мои слова не будут сочтены противозаконными. В то же время, как депутат, я, разумеется, имею и другие права. Поэтому я не знаю, как должен отвечать на ваши вопросы.

Полковник явно смущен. Воцаряется долгая пауза, каждый погружен в свои мысли. И наконец:

— Я разрешаю, высказывайтесь не стесняясь... как депутат.

— Слушаю вас.

Один из штатских, тот, что повыше ростом, поднимается с места.

— Господин Гренье, — говорит он, — вам известно, разумеется, что Франция вступила в войну потому, что Сталин заключил союз с Гитлером. Вы имели возмож-

ность осудить германо-советский договор, но до сих пор этого не сделали. Правительство хотело бы знать, продолжаете ли вы отстаивать свою позицию?

— Прежде всего позвольте заметить, что в вашем вопросе имеется неточность: Сталин не заключал союза с Гитлером, а Советский Союз подписал договор о ненападении с Германией. Это отнюдь не одно и то же. Советско-германский договор обязывает каждого из его участников не нападать на другого. А теперь мой ответ: заключению этого договора предшествовали переговоры в Москве между французской, английской и советской военными делегациями. Как депутат, член комиссии по иностранным делам палаты, сначала я хотел бы узнать причины, которые привели к срыву переговоров¹. Что касается Мюнхенского договора 1938 года, по которому совместным решением правительств Франции, Англии, Италии и Германии Чехословакия была отдана Гитлеру, то о событиях, предшествовавших его подписанию, депутаты парламента были информированы — сначала в комиссии по иностранным делам, а затем в момент ратификации договора. Таким образом, мы могли действовать совершенно сознательно, и лично я голосовал против ратификации, как и семьдесят пять моих коллег, из которых семьдесят три были из моей группы. Совсем иначе обстояло дело в связи с событиями, предшествовавшими объявлению войны. Во время последнего отпуска я прочел французскую «Желтую книгу», выпущенную нашим министерством иностранных дел. Она утвердила меня во мнении, что Гитлер — это преступник, но я ничего в ней не нашел ни о военных переговорах в Москве, ни о лицах, ответственных за их неудачу, ни о вытекающих отсюда последствиях. Поэтому я прошу, чтобы правительство предоставило мне возможность ознакомиться с соответствующими документами — такое право членов палаты и сената признается законом. После этого я смогу высказаться с полным знанием дела. Я считал бы для себя бесчестным поддаваться давлению печати, которая, с моей точки зрения, не сообщает всей правды.

¹ Я говорил так, будто еще являюсь членом этой комиссии, хотя фактически был из нее исключен. Голосованием палаты я был также лишен своих депутатских полномочий, но пока не получил об этом никакого официального уведомления.

Мои собеседники, безусловно, ждали, что я скажу, что, мол, Советский Союз поступил правильно, или позволю себе резкости. Я же держался, как парламентарий, который, даже находясь в армии, отстаивает свое право на получение информации, необходимой для принятия решения. Я говорил спокойно, не повышая тона. Это их сперва удивило, в особенности полковника. Что касается «штатских», то они что-то записывали; я видел, как лица их все больше и больше искажаются от злобы. И я не удивился, когда господин, задавший мне вопрос, повернулся к полковнику и раздраженно сказал:

— Я же вам говорил: они все упрямы как черти. Нечего и время терять на разговоры с этими предателями!

Задетый за живое, я вспыхнул:

— Послушайте, я вам не позволю себя оскорблять! Отец мой в тысяча девятьсот семнадцатом году отдал жизнь за Францию, и я люблю свою страну, как любил ее мой отец.

«Штатские» усмехнулись. Полковника же, как мне показалось, такой оборот дела ошеломил. Я встал по стойке «смирно» и, отдавая честь, спросил:

— Я могу идти?

Он утвердительно кивнул головой. Я вышел из канцелярии, не взглянув на эмиссаров правительства.

Однако меня ждали новые сюрпризы. После ужина наша маленькая группка завсегдатаев отправилась к Мориссо выпить по стаканчику сидра. Там мы узнали, что в этот день утром двое мужчин в штатском, предъявив удостоверения инспекторов разведывательной службы, пытались кое-что выведать обо мне у хозяина кафе. На вопрос о моем поведении папаша Мориссо им ответил: «Если бы все солдаты вели себя так, как он!..» Г-жа Мориссо даже превзошла своего мужа. Словом, когда инспекторы уходили, добавляет она, «вид у них был не слишком довольный». Эти славные люди, очень далекие от наших взглядов (и шпики должны были об этом знать), дали мне наилучшую характеристику...

Несмотря на все, я выкроил минут десять, чтобы просмотреть газеты. Норвегию и Швейцарию упрекают в пассивности по отношению к Финляндии и за «одно-

сторонний нейтралитет», выгодный для Германии. Приводится заявление шведского короля: «Я с самого же начала поставил Финляндию в известность, что ей, к сожалению, не следует рассчитывать на военное вмешательство Швеции. По зрелом размышлении я пришел к печальному выводу, что в нынешних условиях мы должны оставаться на такой точке зрения». Финское правительство призывает всех резервистов.

21 февраля

С утра до вечера строевые занятия — подготовка к предстоящему смотру.

Ночью размышлял над вчерашними событиями. Почему вдруг решили снять меня с тяжелой работы на строительстве дороги и перевести в подразделение, которое завтра должно приветствовать какого-то генерала? Безусловно, потому, что полковника предупредили о визите полицейских. А этот несколько запоздалый визит — с единственной целью потребовать от меня осуждения советско-германского договора? Почему они не явились для этого раньше, скажем в сентябре или в январе, после нашего изгнания из палаты? Я нахожу только одно объяснение: тех из депутатов-коммунистов, которые поддались давлению, по возможности использовали в интересах антикоммунистической пропаганды, и продолжалось это несколько месяцев; сейчас для продолжения все той же кампании, видимо, нужны новые отступники. Вот они и ищут, кого бы еще из коммунистов можно было к этому склонить. Я подумал также о том, не следовало ли мне быть резче в своем заявлении и прямо осудить «странную войну», репрессии. Интересно будет узнать мнение товарищей.

Вечерние газеты окончательно сбили меня с толку, и я совсем запутался в причинах вчерашнего визита. В самом деле, как раз в то время, когда меня допрашивали, палата лишила депутатских полномочий шестьдесят депутатов-коммунистов: Пуртале и Бареля (департамент Приморские Альпы), Лареппа (Арденны), Мутона, Кристофоля, Бийу (Буш-дю-Рон), Корнавэна (Шер), Вазея (Коррез), Бешара (Гар), Рено Жана и Филиппо (Ло и Гаронна), Мартеля, Мюмо и Раметта

(Нор), Кине (Па-де-Кале), До (Нижний Рейн), Брена и Жоржа Леви (Рона), Берлиоза, Коньо, Колена, Костэ, Круаза, Жака Дюкло, Дютийеля, Фажона, Життона, Гренье, Гюйо, Лозера, Марти, Мерсье, Мишеля, Монмуссо, Моке, Пети, Ригаля, Роше, Тореза, Тийона, Флоримона Бонта, Греза, Парсаля, Тушара, Онея и Лангюмье (Сена), Бенансона (Сена и Марна), Бенуа, Коссонно, Демюзуа, Жана Дюкло, Мидоля, Пери, Праше, Дадю и Ле Корра (Сена и Уаза), Катла и Про (Сомма), Бартолини и Гау (Вар).

Лишение депутатских полномочий не коснулось Бру, Никко, Фурье, Капрона, Лубраду и Соссо, которые первыми выступили с требуемыми заявлениями, а также Деклерка, Девеза, Фушара, Жардона, Ро, Валла и Пилло, составившими вторую группу.

Рамадье, депутат от Авейрона, потребовал направить вопрос в комиссию, чтобы дать возможность обвиняемым депутатам представить свои объяснения. За это предложение проголосовало лишь двенадцать человек, против — четыреста шестьдесят восемь.

Бартелеми, выступавший докладчиком, держался еще более резко, чем обычно. Как сообщает «Эпок», он потребовал «для предателей даже не расстрела (для них, заявил он, это было бы слишком большой честью), а гильотины»¹. По словам «Пти паризьен», он добавил при этом: «Было бы крайне странно, если бы депутаты, которых мы лишаем их полномочий, оставались в армии, ибо пропаганда ведется и здесь и там. Этому скандальному положению надо положить конец».

Лубраду присоединился к группе Капрона, голосовавшей за аннулирование мандатов. Что касается Девеза, то он, по сообщению «Уэст-эклер», отметил якобы, что «в интересах страны было бы сохранить в парламенте депутатов, которые смогут вывести сбитые с толку массы на правильный путь».

В итоге за лишение коммунистических депутатов их полномочий единодушно проголосовали четыреста девяносто два члена палаты.

«Журналь оффисьель» публикует также декрет о лишении Мориса Тореза французского гражданства.

¹ Пожелание этого жалкого субъекта было осуществлено в августе 1941 г., когда Жан Катла, депутат от Амьена, погиб на гильотине.

Сегодня днем произошло событие, к которому готовились два дня. Генерал так и не прибыл. Явившийся вместо него в парадной форме полковник вручил орден Почетного легиона одному из жителей Лаваля, инвалиду войны 1914—1918 годов. Один старший сержант получил Военную медаль. Стоя в строю, я думал о тысячах награжденных ветеранов прошлой войны, которые томятся в тюрьмах, лагерях или преследуются как «агенты врага» только за то, что они остались верны своим убеждениям.

Газеты сообщают, что Марсель Кашей выступил в сенате, в так называемой комиссии «по лишению полномочий», где заявил, что «остается на своих прежних позициях».

Второй военный трибунал Парижа за печатание листовок приговорил Мариюса Колена, служившего шофером у мэра Женвилье Гранделя и Рене Севи, бывшего учителя, директора опекунского совета при муниципалитете того же города, к пяти годам тюремного заключения...

Один товарищ по комнате, вернувшийся из Коэткидана, вечером рассказывал, что расквартированным там польским военнослужащим, изъявившим желание добровольно отправиться в Финляндию, предоставляется трехнедельный отпуск и премия 800 франков.

Вечером на нашей обычной встрече в кафе Мориссо двое товарищей, которые впервые узнали о позавчерашнем визите полицейских, уверяли меня, что я действовал правильно. Сержант Перш, католик, того же мнения...

И все-таки вечер начался дискуссией на эту тему. Супруги Мориссо задали мне вопрос: «Выходит так, господин Гренье, что вы уже не депутат? Вчера вечером вашу фамилию называли по радио». Они этим явно опечалены, и не потому, что разделяют наши убеждения, нет, просто мы знакомы вот уже пять месяцев и очень за это время сдружились. На их вопрос я ответил: «Уверен, что избиратели Сен-Дени не утратили ко мне доверия, а для меня это самое важное».

И все-таки мы не чувствовали себя так же непринужденно, как обычно, пока не появилась Алиса, одна

из дочерей наших хозяев. Она работает парикмахером в двух шагах от дома и в конце дня обычно прибегает сюда. Красивой эту пухленькую блондинку не назовешь, но глаза у нее так и светятся добротой, они блестят, как жемчужины, на ее румянном личике, свежесть которого лишь подчеркивает всегда белоснежная блузка. Ни с ней, ни с ее сестрой никто из нас ни разу не позволил себе какой-либо грубой, солдатской шутки, а уж тем более непристойности. Среди других посетителей попадались, конечно, и нахалы и пьяницы, но достаточно было малейшей выходки, и больше они здесь не появлялись. Алиса ведет себя всегда безупречно: играем ли мы в шахматы или шашки, беседуем ли между собой или с ее отцом, она никогда не вмешивается. Если мы поем, она скромно ждет своей очереди. Голосок ее журчит как ручей, и, когда она исполняет «Песню о золотых колосьях», всех нас охватывает радостное волнение, особенно ее жениха, двадцатидвухлетнего рабочего из Аллюэна, которого она встретила в нашей среде.

В тот вечер Алиса нас оставила для наших разговоров, на сей раз несколько мрачных. Она тихонько поднялась в свою комнату, взяла скрипку и, зайдя в помещение бакалейной лавки, отделенное от кафе тоненькой перегородкой, стала играть произведения Шопена и других, не известных мне композиторов. Начала она с вещей меланхолических, грустных, а потом пошли все более и более веселые. Мы слушали ее игру, погруженные в свои мысли. Кончила Алиса веселой песней «Навстречу жизни», а мы хором ей подтягивали. И только после этого она пришла с нами проститься. Мы встретили ее дружными аплодисментами в знак нашей благодарности и восхищения. Тут и папаша Мориссо не выдержал и принес бутылку хорошего вина.

Долой уныние! Будет и на нашей улице праздник!

23 февраля

Утром я снова отправился в Жуаньи. Каким тяжелым был для меня этот день! Ведь я не привык много часов подряд орудовать лопатой. Полковник приехал

посмотреть, как идет работа; около получаса он беседовал с капитаном, причем находился он в таком месте, что мог наблюдать за каждым моим движением. Был ли он доволен, видя, как я обливаюсь потом?..

Просмотрел сегодняшние газеты. Заголовки и подзаголовки в «Эвр»: «Подлинная диверсия в Финляндии», «Москва обращает свои взоры к Ближнему Востоку и концентрирует войска на Кавказе», «Советская печать и радио обрушиваются против Ирана и Турции», «Союзники удваивают бдительность». Эти «сообщения» появились в английской печати, уверяющей, будто Москва зарится на иранскую нефть и готовится к нападению на Турцию.

Вот уже несколько дней в газетах повторяются эти более чем сомнительные сообщения. Иранская нефть? Но Советскому Союзу с его бакинскими и другими нефтяными промыслами она просто ни к чему! Война против Турции? Чистейший абсурд! Ведь Советский Союз всегда поддерживал добрососедские отношения с Анкарой, и спрашивается, что за смысл ему портить эти отношения? Сосредоточение войск на Кавказе? Но Советский Союз имеет все основания задаться вопросом: а для чего, собственно, предназначена сильная англо-французская армия, находящаяся в Сирии под командованием Вейгана, и какова цель кампании «Баку — жизненно важный центр Советского Союза», которую наша печать ведет уже несколько недель? ¹

Палата приняла решение провести национальный день помощи Финляндии. По поводу репрессий прочитал: два генеральных советника, десять окружных советников, четырнадцать муниципальных делегатов департамента Нор лишены своих мандатов. Муниципальный советник Севра Рене Лелон, арестованный в автобусе линии Севр — Версаль, в котором была найдена пачка листовок, приговорен Третьим военным трибуналом

¹ В своем очерке «Подлинная история объявления войны», Издательство «Юманите», 1959 (Pierre Durand, L'Histoire vraie de la déclaration de guerre. Editions l'Humanité, 1959). Пьер Дюран напоминает, что записка французского премьера от 19 января 1940 г. предписывала: «Просить генерала Гамелена и адмирала Дарлана подготовить проект возможного вторжения для ликвидации русских нефтяных промыслов».

к трем годам тюремного заключения, двум тысячам франков штрафа и лишению гражданских прав сроком на пять лет.

Боннэ и Помаре лишили полномочий еще 61 советника исключительно за их принадлежность к коммунистической партии.

24 февраля

На строительстве дороги в Жуаньи нас работает двенадцать человек. Дорога проходит рядом с большой фермой, службы и часть угодий которой реквизированы военными властями для размещения склада инженерных войск.

Сегодня утром во время перерыва я купил у фермерши молока, и она пригласила меня в дом съесть у нее за столом мой незатейливый завтрак. Я оказался в большой комнате, которая служит столовой, а для части семьи также и спальней. Видно, что потолок не белили здесь уже лет пятьдесят. На закопченных стенах висят старые календари, цветные литографии с изображением святых, этажерки и полочки заставлены всяким хламом. Электричества нет, освещение газовое. Дочурка фермера больна; ее кровать придвинули поближе к печке, в которой дымят сырые поленья. Сырость сочится отовсюду. С потолка свешивается связка сосисок — они вбирают в себя и дым от очага и пыль, которая летит с потолка, когда поднимаются по лестнице. Огромные собаки то и дело снуют между двором и домом, принося с улицы мусор, грязь, песок. Я смотрю на девчушку, на молодую служанку, пастуха: вид у них скверный, жалко на них смотреть. Сколько еще нужды в наших деревнях!

В газетах сообщают, что на собрании французских кардиналов и архиепископов в Париже кардинал Вердье заявил: «Если мы не позаботимся о том, чтобы заменить мистику коммунизма мистикой классового сотрудничества и социального мира, после войны нас ждут глубочайшие потрясения». В который уже раз я подумал, действительно ли мы находимся в состоянии войны с гитлеровской Германией.

25 февраля

В течение последних дней на сборный пункт возвращаются подразделения, которые несколько месяцев назад были отправлены на различные работы в соседние департаменты. Резервисты первой очереди одеты во все новое, их посылают в прифронтовой район. В то же время прибывают и резервисты второй очереди, как правило, люди, уже участвовавшие в прошлой войне. Говорят, что мобилизовано уже пять или шесть миллионов человек, правительство явно ждет наступления гитлеровских армий, а возможно, что готовится наступление союзников на «линию Зигфрида».

В сегодняшних газетах снова примечательная статья де Кериллиса. «...Ведь это же факт, — пишет автор, — и он не сможет не поразить будущего историка, — что, в то время как во Франции, стране, связанной с Россией договором, в котором наши дипломаты единодушно усматривали единственный инструмент сохранения мира, газеты не переставали проницательно, а порою и враждебно отзываться о Красной Армии, немецкие военные издания воздали ей хвалу. На страницах «Эпок» мы тщетно пытались привлечь внимание официальных кругов к такому очевидному парадоксу. Эти круги располагали правом отвергнуть союз с Россией, и подобную концепцию можно было бы даже отстаивать. А вот уж чего действительно нельзя было делать, так это, с одной стороны, ориентировать всю нашу дипломатию на франко-русский союз, причем с согласия Англии, и вместе с тем допускать, чтобы пресса — далеко не во всех случаях бескорыстно — шла наперекор усилиям дипломатов и содействовала немецким планам...»

Какое красноречивое признание лицемерной политики по отношению к Советскому Союзу, а также предательства прессы, которая сегодня пытается представить нас агентами врага!

26 февраля

По-прежнему на дорожных работах в Жуаньи.

Как сообщают газеты, русские продвинулись на одиннадцать километров за Выборг, который после

эвакуации гражданского населения якобы подожжен финнами.

Префектура департамента Рона ставит в известность, что она лишила депутатских мандатов 70 коммунистов — генеральных и муниципальных советников Виллербана, Венисье и Сен-Рамбер-л'Иль-Барб.

27 февраля

Целый день под морозящим дождем ковырялся в глине.

Три раза в неделю пишу Андрэа, переписываюсь также с ее братьями и с восемнадцатью товарищами по партии и обществу «Друзья СССР». Конечно, нам приходится проявлять осторожность, но я и мои корреспонденты научились читать между строк. Своеобразный код был разработан нами при встречах с товарищами в Сен-Дени во время моих приездов в отпуск либо когда товарищи-отпускники навещали Андрэа. Все они по-прежнему бодры духом, репрессии на них не отразились. Партия наша поистине удивительна...

28 февраля

Сегодня из резерва первой очереди опять отправлено много подразделений в район Арраса, Гренобля, Эпиналя.

Ежедневно в семь вечера слушаю в кафе Мориссо радиопередачу. Вчера сообщили, что во избежание тяжелых потерь финны решили оставить Выборг. Сегодня сообщают, что они намерены оборонять его дом за домом, камень за камнем. Очень трудно составить представление, что же там действительно происходит.

29 февраля

В Жуаньи по-прежнему достается очень тяжело. Убираем глину, свозим ее на тачках в сарай, на ферму. Пол в сарае весь дырявый от времени, а в дождливую погоду вдобавок еще и полно воды. Расшвыриваем гли-

ну, камни, потом утрамбовываем все это с помощью трамбовки. Работать приходится как следует.

В списке новых организаций, распущенных за «коммунизм», значится организация, издающая газету «Виувриер», федерация больных туберкулезом, кооператив работников радиосвязи и т. д. Вместе с этим новым списком общее число распущенных организаций составляет 282, и это в одном только департаменте Сена.

Пресса готовит общественное мнение к сдаче Выборга, и Леон Бельби продолжает в «Жур» свою интервенционистскую кампанию:

«От победы или поражения Финляндии зависит наша собственная победа или поражение. В Финляндии, как и на «линии Мажино», мы сражаемся за себя. И раз уж этого не было сказано вчера, надо сказать об этом сегодня. С большим опозданием, правда, хотя никогда не поздно совершить необходимый поворот, если не в области практической подготовки действий, то уж по крайней мере в сознании людей, которые будут этой подготовкой руководить... Пора уже захотеть это сделать, пора проявить свою волю. Пора действовать. Красивыми словами мы сыты по горло. Если они не подкрепляются конкретными делами, то лучше их не проносить вовсе...»

1 марта

Сегодня еду на двое суток в отпуск.

В газетах публикуются чрезвычайные декреты, которые вчера вечером комментировал по радио министр финансов Поль Рейно. Согласно этим декретам, вводятся продовольственные карточки; по вторникам, средам и пятницам кондитерские будут закрыты; продажа штучного хлеба упраздняется; в ресторане разрешается отпуск не более двух блюд; продажа шоколада запрещается; по вторникам, четвергам и субботам запрещается продажа алкогольных напитков, а начиная с 1 июля запрещается розничная торговля вином; вводится нормирование горючего, использование земельных площадей в эвакуированной зоне, блокирование цен по состоянию их на 1 сентября за исключением особых случаев, обязательное профессиональное обучение

молодежи, привлечение женщин для выполнения работ по некоторым специальностям, борьба с расточительством в вооруженных силах. «В финансовом отношении мы выдержали, — сказал Поль Рейно. — Экономически же, напротив, мы катимся по наклонной плоскости».

Сообщают также, что в Финляндии, на Карельском перешейке, идут ожесточенные бои.

За кражу трех банок паштета и банки сардин касационный военный трибунал приговорил солдат Марселя Парэ и Робера Бонома: первого — к пяти годам, второго — к трем годам тюремного заключения. Там же слушалось дело солдата Роже Селарье, подделавшего документ для поездки в Париж. Вместе со своей подружкой он пошел в кино, где позволил себе «неуважительные высказывания по адресу официальных лиц, показанных на экране». Наказание: за подделку документа — два года тюрьмы, а кроме того еще шесть месяцев за неуважительные высказывания.

Национальный союз бывших фронтовиков¹ принял резолюцию, требующую «более суровых мер в отношении коммунистов и разрыва дипломатических отношений с Россией путем выдворения советского посольства из пределов Франции».

Сенат единогласно постановил лишить полномочий Марселя Кашена, «отказавшегося выступить с заявлением о своем раскаянии». Совет префектуры департамента Нор признал 133 муниципальных советника-коммуниста этого департамента утратившими свои полномочия. Генеральный совет департамента Сена, из состава которого выведено 35 генеральных советников-коммунистов (при общем числе 60), принял резолюцию, одобряющую политику репрессий, проводимую правительством.

2—3 марта

Во время отпуска навещал Андре Мерсье, был у него дома. Он по-прежнему в казарме Мортье, где его не

¹ Крупнейшая организация ветеранов войны 1914—1918 гг. Ее реакционные руководители были в числе зачинщиков фашистского мятежа в Париже 6 февраля 1934 г.

очень донимают. На будущее Мерсье смотрит оптимистично, но настоящее его тревожит. Как и все бывшие депутаты-коммунисты, последний раз он получил жалование в конце января. Его жена Мариза собирается снова пойти работать продавщицей.

Дом Мерсье — это как бы наш почтовый ящик. Мерсье получил письмо от Шарля Мишеля. Тот находится в Верноне и в настоящее время целыми днями занят на разгрузке мешков. Получил он вестик от Этьена Фажона. Из Гардана его отправили на сборный пункт в Ним, где используют в качестве инструктора для обучения новобранцев, а Жюльетта поступила на работу по железнодорожному ведомству. Адриен Мутон, единственный союзник Фажона по знаменитому январскому заседанию палаты, тоже находится где-то на юге, в одном из пехотных полков колониальных войск... Вывод Мерсье: «Отрадно все-таки сознавать, что все оказались такими стойкими!»

Поздно вечером ко мне домой пришли два товарища из Сен-Дени. Исполненные веры, они рассказали, что на главных предприятиях и во всех районах организовано распространение нелегальных выпусков «Юманите». Небольшие группы наших товарищей повсюду действуют настойчиво и активно. А иначе и нельзя: ведь им приходится остерегаться дориотистов, которые служат полицейскими доносчиками. Но не все доносчики дориотисты. Больше всего их на предприятиях, где происходят волнения в связи с тем характером, какой принимает война. Они еще верят в «великого Жака», как они называют Дорно, но уже отказываются делать что-либо во вред своим товарищам по цеху.

Я встретился также с несколькими товарищами из общества «Друзья СССР». От них я узнал, что доктор Элозю, беспартийный человек, возглавлявший отделение общества в Байонне, приговорен к десяти месяцам тюремного заключения, а секретарь отделения Казо получил три месяца тюрьмы за «попытку восстановить секции общества». Вышел подпольный номер нашего журнала «Рюсси д'ожурдюи» с разъяснениями относительно советско-германского пакта и нынешней политики Советского Союза в целом. В департаментах, куда доставлены отдельные экземпляры этого номера, их переписывают от руки и передают из дома в дом.

Наша партия была распущена в сентябре, но мы по-прежнему оставались депутатами. До того как было принято решение лишить нас депутатских полномочий, мы ежемесячно получали депутатское жалованье; часть его, отчислившуюся в партийную кассу, мы передавали заведующему канцелярией нашей группы в палате, а в случае невозможности — товарищу из нелегального аппарата. Последний раз я получил жалованье в январе. С тех пор мы потеряли все наши права, и Андреа, отнюдь не впадая в уныние, тем не менее обеспокоена будущим: еще два месяца, и от наших ничтожных сбережений ничего не останется, хотя начиная с сентября мы жили крайне скромно. Однако нужно быть еще экономнее, так что я готов покупать по одной газете в день вместо трех-четырех (это только в особых случаях). Андреа говорит: «Я с юности привыкла к лишениям, так что не так страшно. Многим товарищам приходится куда хуже, но они держатся».

Все-таки мне повезло: жена моя разделяет мои убеждения и... не унывает никогда!

Прочитал, что за распространение листовок Второй военный трибунал Парижа приговорил Жака Морю и Нестора Руэ к пяти годам тюремного заключения, штрафу в размере тысячи франков и лишению гражданских прав сроком на пять лет; Люсьена Шаплена — к пяти годам тюрьмы и тысяче франков штрафа; Раймона Лесержана — к трем годам тюрьмы; Поля Шодэ и Мориса Гуарана — к одному году тюремного заключения условно. Все это молодые ребята.

4 марта

Вернулся ночью, а с утра вновь на дорожных работах в Жуаньи.

«Эвр» сообщает: отход финнов на линию озер, «что обеспечивает им неприступную позицию». В воскресенье заседал Генеральный комитет Союза профсоюзов ВКТ Парижского района. После долгих дебатов, занявших все утро, из объединения исключены профсоюз пищиков и профсоюзы работников шоколадного и сахарного производства «за то, что они в категорической форме не осудили советско-германский договор». Италья-

янский правительством выразило протест против решения Англии наложить эмбарго на немецкий уголь; до сих пор Англия мирилась с транспортировкой немецкого угля итальянскими судами. В Ниме «за подрывную пропаганду» арестован бывший секретарь местной секции ФКП Леон Верньоль, сорока семи лет.

5 марта

Ничего нового.

По сообщениям «Эвр», финны продолжают «стратегический отход». В ежедневной хронике репрессий значится: префектура департамента Сена недавно арестовала членов организации, нелегально занимавшейся редактированием, печатанием и распространением «Юманите»¹. Во главе ее стоял Робер Бланш, бывший секретарь редакции; арестованы и преданы военному суду также 13 служащих метрополитена, 3 работника общественного транспорта Парижского района, 10 заводских рабочих и 2 машинистки.

За «коммунистическую пропаганду» преданы военному суду Пьер Сема́р и Раймон Турнемен, генеральный секретарь и казначей федерации железнодорожников (ВКТ); в то же время с Турнемена снято гнусное обвинение «в злоупотреблении доверием». Дело в том,

¹ Многие из тех, кто сотрудничал в «Юманите» до войны, «геройски погибли ради того, чтобы газета могла выполнить свою задачу», — пишет Э. Фажон в своей книге «Листая «Юманите». Он называет имена Габриэля Перп, редактора внешнеполитического отдела, расстрелянного в 1941 г.; Люсьена Сампэ, генерального секретаря редакции, расстрелянного в 1941 г.; Пьера Лакана и Робера Бланша, секретарей редакции, расстрелянных в 1942 г.; Анри Террена, ведавшего отделом внутриполитической информации, расстрелянного в 1942 г.; Леа Морп, сотрудницы редакции, смертельно раненной при исполнении служебных обязанностей в 1943 г.; Андре Шенневьера, заведующего литературно-художественным отделом, погибшего на парижских баррикадах в 1944 г.; Виктора Мессера, редактора, погибшего в изгнании в 1945 г.; Пьера Марса, заведующего отделом информации, умершего вскоре после освобождения в результате лишений, перенесенных в подполье; Мориса Гранкуэна, торгового инспектора, расстрелянного нацистами; Рауля Шолле, фотографа, погибшего под пыткой; Жюльена Ландражена, печатника, расстрелянного в 1942 г.; Анри Венсана, печатника, умершего в изгнании в 1941 г.

что после смещения подлинного руководства федерации он был вынужден передать денежные средства в сумме 1500 тысяч франков новым руководителям.

Согласно правительственному декрету, по вторникам, четвергам и субботам в кафе запрещена продажа спиртных напитков и аперитивов.

6 марта

Вернувшись вечером из Жуаньи, узнали, что завтра в распоряжение 4-го сборного пункта инженерных войск отправляется отряд из пятидесяти человек, видимо для включения его в состав дорожно-строительной роты. Я попал в этот отряд. Уезжаем утром, а вечером надо получить со склада все необходимое, уложить вещи и быть готовым к отправке.

Только в девять вечера я смог вырваться к товарищам в кафе Мориссо на нашу последнюю встречу. Ни бутылка хорошего вина, выставленная хозяином, ни песни не помогли создать оживленной атмосферы наших прежних вечеров. Особенно удручен был сержант Перш — последний, кто остался от нашей прежней дружной компании.

Не успел зайти к Эжени Грандьер, чтобы известить о моем отъезде товарищей из Лавалея, но они узнают об этом из записки, которую передаст им один из остающихся здесь товарищей.

7 марта

Смотр отъезжающим был назначен капитаном на 8 часов утра, потом перенесен на 9.30 и состоялся в конце концов в 11 часов. В строю нам выдали санитарные пакеты и сухой паек на двое суток.

Отъезд назначен на 13.30. После обеда мы с Першем побежали к Мориссо выпить по чашке кофе. Со вчерашнего дня у Перша очень скверное настроение, а сегодня он уже не выдержал и прослезился. Растерявшись, я не знал, чем его утешить. «Не унывай, старик, когда-нибудь еще встретимся!» — сказал я ему. Однако пора. Прощаюсь с хозяйкой, ее дочерьми, у ко-

торых тоже на глазах слезы (папаши Мориссо дома не было — он ушел за покупками). Мы не находим слов, чтобы выразить свои чувства. С тяжелым сердцем желаем друг другу здоровья и благополучия.

И вот я уже в строю, на всех нас полевая форма. В последний раз обнимаюсь с Першем, крепко жму руку соседям по комнате. Все они здесь.

Два часа дня. Прощальный привет Дворцу промышленности, где мы прожили больше пяти месяцев и где у нас уже сложился и свой обиход, и дружба, и какая-то особая атмосфера. Верно сказано: «Уехать — значит чуточку умереть...»

Три часа дня. Посадка на поезд. Мы едем в пассажирских вагонах 3-го класса! Всего по шесть человек в купе, так что есть где разместить всю поклажу.

Пять часов вечера. Ле-Ман. Стоянка четыре часа. Перекусываем в военной столовой и в 21 час отъезжаем на Тур, куда прибываем в полночь. Холод дает себя знать. В эти долгие часы не будешь все время разговаривать. Пятерых моих попутчиков сморил сон, а мне не спится. В голове роятся всякие мысли, на память приходит многое из того, что довелось пережить за пять месяцев, проведенных в Лавале. Пытаюсь подвести своего рода итог пережитому. Мы очень мало занимались военной подготовкой, но гораздо хуже, мне кажется, то, что ничего не было сделано, чтобы морально подготовить нас к предстоящим боям. Ведь мы находимся в состоянии войны не с Германией вообще, а с гитлеровской Германией.

Оставим прессу в стороне, она в этом смысле превзошла все. Но почему наши офицеры ни разу не побеседовали с солдатами о том, что такое национал-социализм, какова его доктрина, его методы, его притязания, преступления? Да потому, что этого не хотят в верхах, потому что наша буржуазия питает ненависть не к гитлеровской Германии, а к Советскому Союзу. Агентами врага с ее точки зрения являются не фландены, дорио, анрио и компания, а мы, коммунисты.

Вот одно из противоречий правительственной политики: невозможно вести антифашистскую войну по-настоящему — да и хотят ли этого наши правители? — бросая в тюрьмы, преследуя, подвергая гонениям подлинных антифашистов. Причем только из-за того, что

мы не захотели осудить советско-германский пакт о ненападении.

И еще одно соображение: нас, мобилизованных в армию коммунистов, достаточно много. До тех пор пока мы как солдаты безупречны в своем поведении, придраться к нам трудно. Провокации? Но, проявляя бдительность, можно избежать их. Остается вопрос о наших взаимоотношениях с другими солдатами. Если мы живем в одинаковых с ними условиях, если не забываем о том, что нам не следует зазнаваться только на том основании, что мы, мол, лучше разбираемся в обстановке, братские узы, возникшие между нами в течение дней, недель и месяцев, разорвать невозможно.

В этой связи я не один раз за эти месяцы задумывался о наших вечерах у Мориссо. Правильно ли мы себя вели? Имели ли мы право шутить, развлекаться, в то время, когда многие наши товарищи сидели в тюрьмах, а семьи их бедствовали? И каждый раз я приходил к выводу: мы вели себя правильно. Следовало ли нам обособляться от остальных, пребывать в мрачном унынии и таким образом реагировать на множество несправедливостей или же, наоборот, нам следовало всячески умножать дружеские контакты с теми, кто думает иначе, чем мы? Дружба способствует обмену взглядами. И эти вечера давали практическую возможность в беседах и разговорах разоблачать ту клевету, которую на нас льют.

Мне кажется, что в пользу нашего поведения говорит, между прочим, и эволюция, происшедшая с сержантом Першем, католиком, в прошлом железнодорожником. Три года назад, когда Морис Торез выступил со своим знаменитым призывом протянуть руку трудящимся-католикам, я был с ним, в общем, согласен, но, должен признаться, не без некоторого скептицизма относился к возможным результатам такого шага. Здесь сказывались и впечатления детства, и моя юность, и годы работы в Аллюэне. Мы привыкли видеть, что в период избирательных кампаний католическая церковь, открыто или скрыто подсылая своих агитаторов к избирателям, призывает их голосовать за реакционеров, а во время забастовок лишь в редких случаях выступает на стороне бастующих. Я сделал для себя вывод, что убеждать католиков, даже треля-

щихся, — дело очень тяжелое, очень долгое и сложное. Говоря по правде, должен признать, что до войны я слабо верил в политику «протянутой руки». Пример Перша убедил меня, что Морис был прав. Из-за чего же Перш был вчера так расстроен, если не из-за того, что распалось наше братство, которое крепло день ото дня не только в наших встречах у Мориссо в часы досуга, но и в тех откровенных беседах и спорах, во время которых каждый из нас горячо отстаивал свою точку зрения, в спорах, порою очень жарких, но неизменно корректных и дружеских? Сделал я для себя и другой вывод: сила коммуниста не только в его взглядах и убеждениях, но и в том, как сам он ведет себя в повседневной жизни. Быть коммунистом — это значит, помимо всего прочего, еще и вести себя определенным образом и со своими товарищами и с окружающими. Перш сегодня куда ближе к нашим взглядам, чем был пять месяцев назад.

В эту холодную ночь, пока поезд вез нас к Туру, я мысленно переживал свой приезд в Лаваль в то далекое сентябрьское утро, когда я чувствовал себя таким одиноким. Мне вспоминались славные лица моих замечательных товарищей, с которыми я постепенно знакомился; я думал о нашей маленькой группе, группе коммунистов, из которой выбывали уезжавшие, в которую вливались вновь прибывшие, причем каждый из нас осторожно, но настойчиво вел в своем окружении терпеливую работу, разоблачая ложь врагов, завоеывая симпатии тех, с кем вместе нам доводилось жить или работать. Я думал также и о товарищах из Лавалья, столь сердечно принимавших меня у себя. Видеться с ними слишком часто было бы рискованно и для них и для меня, и потому из соображений безопасности мои посещения были довольно редки. Но зато каждое такое посещение давало мне очень много: мы обменивались информацией, делились своими мыслями, своими идеями, поддерживая друг друга взаимным доверием.

Да, наша партия жива вопреки всем нанесенным ей ударам. Среди нынешних невзгод это очень большая поддержка.

Прощай, Лаваль! Начинается новый этап.

Глава VI

ШЕСТЬДЕСЯТ ДНЕЙ В ГРЕНОБЛЕ

8 марта

Тур, Вьерзон, Бурж. Ночь была мучительной. В вагоне ни света, ни отопления. Окна белы от изморози. Уснув, товарищи то и дело просыпались от холода. Притопывали ногами, чтобы хоть чуточку согреться. Рассвет застает нас в Сенкэзе. (департамент Ньевр), где наш состав целый час держат на запасном пути. Перепрыгиваем через ограду и бежим выпить по чашке кофе с ромом. Цена — три франка (наше шестидневное жалованье). Все ругают спекулянтов, за счет солдат набивающих свои карманы.

Одиннадцать часов. Мулен. Снова длинная стоянка. Мы выходим из вагона, и тут среди солдат я встречаю некоего Пари, в прошлом железнодорожника из Шалона, распространителя «Рюсси д'ожурдюп». Стоя около локомотивного депо, он мне подробно рассказывает, в чем состоит работа кочегара. Пари затевает разговор с каким-то железнодорожником, недавно кончившим смену. «Отработал тринадцать часов подряд, это многовато...»

Поезд трогается, а мы продолжаем говорить о труде железнодорожников; Пари объясняет мне различные сигналы, рассказывает об ответственности железнодорожной администрации за катастрофу в Ланьи.

Опять часовая стоянка в Сен-Жермен-де-Фоссе. Вдруг я замечаю на платформе в группе солдат из роты продовольственного снабжения знакомое лицо. Никакого сомнения — это пекарь из кооператива «Фратернель» в Аллюэне. Он рассказывает мне о тяжелом положении военных пекарей; его подразделение нап्रा-

вляется в Марсель. Короткая, но воодушевляющая беседа; еще один стойкий товарищ...

Роанн... В полночь прибываем в Лион. Перекусываем в военной столовой. Застаем тут подразделение нашего же полка, которое прошлой осенью перевели из Лаваля в Аррас, теперь оно направляется в Гренобль. Встретился здесь с хорошим товарищем по Курбеуа. Он интересуется подробностями нашего поведения в палате. «Фажон держался молодцом!», — говорит он с гордостью коммуниста, довольного «своим депутатом». Мы выпили по рюмке и пошли спать в казарму, заполненную солдатами всех родов войск. Тут же группа юпошей в штатском, говорящих на польском языке. Большинство направляется в Марсель. Уж не посылают ли их тоже в Сирию? Ночью у одного товарища украли бумажник, в котором было 250 франков и военное удостоверение.

9 марта

В девять часов отправляемся в путь, начинается последний этап путешествия. Впереди Гренобль. Погода хорошая. Мои попутчики, среди которых многие родом из департаментов Нор и Марна, впервые в жизни видят Альпы, это их первая встреча с горами вообще. «Ну и красота! До чего же здорово!» Они не находят слов, чтобы выразить свое восхищение. Выглянувшее и уже пригревающее солнце, панорама Гренобля, как бы увенчанного горами, конец двухсуточного путешествия — все это вместе делает наше прибытие радостным.

Первое разочарование ждало нас в казарме: горячей пищи еще нет, нам выдают по баночке сардин, паштета, вино отсутствует. Второе разочарование — осмотр ранцев, который тянется больше двух часов, причем здешние офицеры производят впечатление куда более придирчивых, чем в Лавале. Только к вечеру мы получили горячую пищу, после чего нам выдали немного соломы для ночлега.

Три дня не читал газет. Поэтому после осмотра я побежал искать газетный киоск. Мне повезло —

там оказалось три последних номера «Эпок». Главная тема — окончание войны в Финляндии. Сообщается, что Советский Союз предложил мир при условии, что Финляндия уступает часть Карельского перешейка с городом Выборг и другие территории.

Согласно официальным данным, союзники предоставили Финляндии 405 самолетов, 916 артиллерийских орудий, 2300 тысяч снарядов, 5 тысяч ручных и 124 станковых пулемета, 150 противотанковых ружей, 450 тысяч гранат, 1050 морских мин, 10 тысяч противотанковых мин, 50—60 миллионов боевых патронов.

Статья де Кериллиса в двух номерах «Эпок» сплошь вымарана цензурой. В третьем номере по поводу завершения конфликта в Финляндии он пишет следующее:

«Во Франции и Англии разочарование будет весьма глубоким и горестным, поскольку общественное мнение этих стран относилось к судьбе финского народа с таким пламенным сочувствием, что даже потеряло способность реально смотреть на вещи. Только мы, в «Эпок», проявили тревогу и сдержанность в отношении этого бездумного энтузиазма, только мы ни словом, ни делом не подогревали его, ибо отдавали себе отчет в том, с какими практическими трудностями связана любая попытка помочь финнам... Известная часть прессы отвечала нам потоками брани. И порой даже вставал вопрос: уж не стремятся ли *тайные силы* испытать благоразумие правительств Парижа и Лондона или же накалить до предела общественное мнение западных стран, чтобы нанести им затем тяжкий психологический удар?»

В другом сообщении говорится, что Чемберлен заявил в палате общин, что по соглашению с французским правительством в настоящее время Белая книга о состоявшихся в августе англо-франко-советских военных переговорах опубликована не будет.

Значит, черт подери, они по-прежнему намерены скрывать, что Советский Союз вносил практические предложения в целях заключения военного союза с Францией и Англией и, лишь после того как они отклонили эти предложения, Москва согласилась подписать с Германией договор о ненападении. Ничего, потерпим — настанет день, и мир узнает правду.

10 марта

Первый воскресный день в Гренобле.

С несколькими товарищами по канатной дороге поднялись в горы, откуда открывается изумительная панорама города. Погода стояла ясная, и взору открывались снежные вершины Альп. Если бы не множество людей в военной форме, можно было бы подумать, что это обычное мирное воскресенье: повсюду полно гуляющих, резвятся ребяташки, кафе переполнены.

Газеты сообщают, что последние дни отмечены ростом дипломатической активности. Сообщается, что в Москву направилась финская делегация. Риббентроп находится в Риме, а Уэллес ведет переговоры с Полем Рейно. Франко-английская военная делегация прибыла в Анкару. В Париже и Токио открываются франко-японские переговоры.

Читал также, что за тенденциозные надписи на стенах домов в городе Руане рабочий Эли приговорен к пяти годам тюрьмы и к денежному штрафу.

11 марта

После прибытия в Гренобль нас временно разместили в Бастпоне VII, где мы и находимся в ожидании, когда наш батальон будет полностью укомплектован за счет пополнения, прибывающего из различных сборных пунктов инженерных войск. Днем убиваем время кто как может.

«Эвр» сообщает, что внутри финского правительства существуют серьезные разногласия: маршал Маннергейм является сторонником сопротивления во что бы то ни стало, тогда как группа Паасикиви, одного из участников московских переговоров, склоняется к примирению. Финские события сильно взбудоражили парламентские круги: Блюм, Лоран, Фроссар и Тиксье-Виньянкур решили сделать запрос правительству.

12 марта

Погода испортилась. Льет дождь. Утром — в наряде, во вторую половину дня рота направляется на

военный стадион. Кто играет в футбол, кто собирает цветы или сидит напротив в бистро. Все стараются чем-то заполнить эти долгие часы.

Пресса неистовствует против Швеции, Норвегии и Дании за их «пассивность и отказ присоединиться к союзникам в оказании помощи Финляндии».

13 марта

Меня назначили ответственным за многочисленный инструментарий, предназначенный для работ, которые рота будет вести вне города (кажется, прокладка дороги). Я немедленно приступил к делу — праздность меня угнетает.

Вечером пришли парижские газеты, и мы узнали о «заключении мирного договора между Финляндией и Россией». В ответ на запрос депутатов палаты Даладье заявил, что Франция занимает первое место по размерам помощи, оказанной Финляндии. При этом он добавил: «В соответствии с резолюциями, принятыми 5 февраля Верховным межсоюзническим советом, мы решили направить туда также и живую силу. К 26 февраля были снаряжены тысячи специально экипированных солдат и в двух крупных портах стояли наготове два транспортных судна...» Однако, добавил премьер-министр, военное вмешательство могло бы произойти лишь в том случае, если бы об этом официально попросила сама Финляндия. «Почему необходимо было это обращение к нам со стороны Финляндии? Потому что правительства Швеции и Норвегии препятствовали тому, чтобы союзнические войска проходили через их территории». Даладье потребовал отложить дебаты до вторника, 19 марта.

Несколько дней назад англичане задержали и направили на британские контрольные базы вышедшие из Роттердама итальянские суда, груженные немецким углем. Италия заявила официальный протест. Вчера Чемберлен сообщил, что итальянские суда отпущены: «То, что могло бы послужить поводом для конфликта, благодаря здравому смыслу и доброй воле было улажено». Участник переговоров в Мюнхене не хочет при-

чинять никаких огорчений Муссолини, союзнику Гитлера.

Читал также, что в парижских пригородах вновь произведены массовые облавы на рабочих-коммунистов. Арестовано 26 человек.

14 марта

Часть дня занимался учетом многочисленного инструментария, который рота должна взять с собой при отъезде.

Начал приводить в порядок свой дневник, ибо последний раз сделал подробную запись за два дня до отъезда из Лавалья и с тех пор вносил лишь краткие заметки в записную книжку.

Встретил здесь еще одного коммуниста. Он служит в 4-м саперном полку, совсем рядом с нами. Рассказал мне, что днем, будучи в клубе казармы, он слышал сообщение о том, что военные действия между СССР и Финляндией прекращены. При этом известии многие солдаты захлопали в ладоши. Мы договорились поддерживать контакты.

15 марта

С утра проверка противогазов в специально оборудованном помещении; днем продолжал инвентаризацию инструментария.

Несмотря на обещание быть экономнее, данное мною Андрэа, купил полный комплект сегодняшних газет. Основное, что бросается в глаза: окончание советско-финляндского конфликта вызвало оживленную реакцию в палате, а сенат принял решение провести закрытое заседание. По мнению Леона Блюма («Попюлер»), заключение договора означает «провал Сталина и в то же время поражение союзников».

Автор передовой статьи в «Журналь» считает, что, «не придя на помощь Финляндии, мы доказали свою несостоятельность», и резко критикует «робость и безынициативность в ведении войны».

Фернан Лоран в «Жур» не скрывает своей ярости:

«Войну можно ускорить лишь принятием смелых и твердых решений. Франция на это способна. Возможность для этого ей представлялась. Она ее упустила. Будет ли так повторяться и впредь? Неужели мы и в дальнейшем будем вести войну упущенных возможностей? Вот вопрос, который палата должна задать правительству, если оно не проявит воли, которой ждут от него армия и страна».

Де Кериллис в «Эпок» упрекает правительства Англии и Франции в том, что они не сумели сделать выбор между двумя возможными политическими курсами:

«Либо полностью устраниться от войны, развернувшейся вне пределов их стран и ставшей лишь эпизодом русско-германского антагонизма, что стало совершенно очевидно после утраты независимости Прибалтийскими странами, либо во имя священных принципов Лиги Наций немедленно бросить все свои силы против захватчика. Они этого сделать не сумели. Они проявили моральное участие, не предприняв при этом эффективных действий. Они позволили разбушеваться в Англии и Франции мощной волне безотчетного сентиментализма, который ввергает их сегодня в пучину разочарований...»

Фроссар в «Жюстис» пишет, что «надо по меньшей мере иметь мужество признать, что союзникам нанесен весьма тяжкий удар» и что «общественное мнение никогда не было так сильно встревожено». В его реакции слышатся ноты гнева и боли.

«Энтрансижан» в свою очередь придерживается мнения, что «вчерашний день принес тяжелое поражение союзникам и, уж во всяком случае, их дипломатии».

«Эвр» считает, что «скрывать бесполезно: страшная развязка финской драмы является для нас жестоким ударом».

Швеции и Норвегии достается за то, что они «погубили» Финляндию. И наиболее яростными их хулителями выступают как раз те люди, которые были самыми рьяными мюнхенцами, предали Чехословакию,

вместо того чтобы совместно с Советским Союзом ее защищать¹, и допустили у нас под боком разгром Испанской республики!

16 марта

Чтобы порадовать солдата, требуется немного: для меня достаточно было того, что я закончил учет инвентария и днем помылся под горячим душем, впервые после отъезда из Лаваля; это было тем более приятно, что в Бастионе VII нас более ста человек спит прямо на соломе. В казарме мы стараемся быть как можно меньше, но чем себя занять после ужина? В этот час многочисленные быстро вокруг расположения 4-го саперного полка переполнены. Официантки сбиваются с ног, посетители в зеленых униформах ведут себя с ними очень фамильярно. Некоторые дают отпор, а иные назначают randevu особенно настойчивым кавалерам.

Вечером вместе с Пари и еще одним товарищем прошли по грязной улочке вдоль Изеры, которая с шумом катит здесь свои мутные воды; улочка эта как будто так и просится под перо Золя. Зашли в кафе; снаружи казалось, что там абсолютно темно. Едкий запах — смесь сырости, пота, прогорклого жира — ударил нам в нос у самого порога. Тощая женщина лет

¹ Спустя тридцать лет после того, как делались эти записи, были опубликованы документы и произошли события, подтверждающие, что Советский Союз имел веские основания, чтобы обезопасить свою границу с Финляндией, проходившую недалеко от Ленинграда. Когда 22 июня 1941 г. Гитлер вероломно напал на СССР, вместе со 152 гитлеровскими дивизиями в агрессии участвовало 38 финских, румынских и венгерских дивизий, так как Финляндией, Румынией и Венгрией руководили в то время люди, тесно связанные с гитлеровской Германией. Сегодня известно, что советско-финляндский мирный договор 1940 г. позволил Советскому Союзу отодвинуть свою границу на 150 километров от Ленинграда и что заключение этого договора привело Гитлера в бешеную ярость.

Таким образом, поднятая французской прессой кампания за оказание помощи Финляндии («помочь защитить маленькое государство против московского великана») имела своим источником столь же вредоносный, сколь и нереалистичский антисоветизм.

тридцати налила в пыльные стаканы дешевого красного вина и подала нам. «Мои гости ушли, — сказала она, — а я, как видите...» В полумраке трущобы она сняла платье, прилипшее к ее костлявому телу. Нас было всего трое. Пари шепнул мне на ухо: «Боже, до чего доводит человека голод!»

Мы буквально задыхались. Пари заплатил за три порции, и мы вышли. Вдохнув холодный вечерний воздух, мы сразу почувствовали облегчение.

Шагов через десять мы увидели ярче освещенное и более чистое кафе и решили зайти туда. В зале, сером от табачного дыма, за столиками сидело человек 20—25 солдат. Нас обслужила приветливая официантка, говорившая с сильным итальянским акцентом. Тоненькая перегородка отделяла бистро от кухни, где стояла кровать. Вошел прилично одетый и весьма респектабельный на вид мужчина лет пятидесяти. Девушка облобызала его и отдала ему свой дневной заработок: сутенер пришел за выручкой. «Всего-то?» — спросил он. Она опять словно прилипла к его губам, но он оттолкнул ее и вышел. Мы вышли следом за ним и успели заметить, как этот эксплуататор заскочил в другое бистро, откуда доносились приглушенные звуки аккордеона.

С нас было довольно того, что мы видели. Мы вернулись в казарму. Свет повсюду был уже выключен. Какой-то малый допевал песенку «Кабанон». Это действовало освежающе...

Я не решался писать об этом «выходе», но в конечном-то счете во время войны, когда никто не заботится о том, чтобы чем-то занять стольких мужчин, оторванных от своих семей, от привычного дела, случается и такое.

Прочитал сегодня статью в «Тан». Газета крупных промышленников анализирует последствия событий в Финляндии. «Возникает двоякая опасность: во-первых, усиление коммунистической пропаганды и, во-вторых, упадок духа, почти с фатальной неизбежностью порождаемый политикой бездействия... Компартия, которая легально больше не существует, действует тем не менее куда более активно, чем это многие себе представляют... Кроме того, необходимо бороться с унынием, а

оно может наступить в результате нашего явного провала в Скандинавских странах, на левом фланге нашего боевого фронта».

17 марта

Второе воскресенье в Гренобле.

Нашей маленькой группой — три коммуниста — мы поднялись сегодня на вершину Жалла. Подышали свежим воздухом, а на обратном пути посетили Дворец правосудия, где полюбовались старинными потолками с их изумительной деревянной скульптурой XV века.

Во время прогулки каждый из нас поделился с остальными тем, что слышал в казарме. Одни считают, что война продлится еще долго, другие — что она может кончиться так же внезапно, как в Финляндии. В этом смысле совершенно очевидна вредоносная роль прессы: позавчера один капрал, имея в виду профинляндскую кампанию в печати, прямо сказал своим солдатам: «Да, здорово они морочили нам голову: по-ихнему, выходило, что русские каждый день теряли по сорок танков и сорок самолетов!»

Вечером читал «Эвр». Крупными буквами напечатано: «Что такое военное правительство? Председатель и министры». Понимать надо в том смысле, что именно этого нам и не хватает. В политических кругах явное беспокойство: шестьдесят сенаторов воздержались от голосования вотума доверия правительству. Поговаривают о предстоящей смене кабинета, и на парламентском горизонте явно собирается гроза.

18 марта

Ровно в полдень мы на грузовике выехали из Гренобля на наше новое место — Ворец, маленький населенный пункт, всего две тысячи жителей, в восемнадцати километрах от Гренобля. Третья рота, в которую я зачислен, расквартирована в бывшем помещении текстильной фабрики, пустующем с 1936 года. Во вторую

половину дня мы были свободны и смогли осмотреть городок, раскинувшийся по горному склону. Общий вид очень симпатичный, и люди приветливые, гостеприимные. Здесь расположены три роты, всего четыреста человек, но вскоре должно прибыть пополнение.

Газеты печатают статью из «Эндепанданс бельж», по мнению которой «немецкому влиянию в Прибалтике за пределами Мемеля отныне положен конец. Установилось совсем иное соотношение сил. Московский договор — это последний отголосок капитуляции Германии перед кремлевскими руководителями в августе 1939 года». Сообщают также, что завтра состоится закрытое заседание палаты.

19 марта

Командир роты лейтенант Бурбуссон назначил меня кладовщиком на склад, который размещен в одной из бывших фабричных пристроек, где мы спим.

Сегодня лейтенант заходил ко мне. Образцовым порядком на складе я заслужил его доверие. Теперь склад полностью в моем распоряжении. Слово за слово разговор перешел на политику: «Меня не интересуют убеждения моих солдат, — сказал он. — Я уверен, что каждая партия желает счастья для большинства; идеал у всех одинаков, разногласия возникают тогда, когда речь заходит о средствах его достижения. — Потом он добавил: — Люблю людей настоящих, с характером, и не терплю подхалимов».

Бурбуссон работал столяром в Воклюзе. Кто он — радикал или социалист, как большинство в этом департаменте? Во всяком случае, наверняка либеральный республиканец. И он, безусловно, совершенно другой тип офицера, не то что командир 2-го саперного полка в Лавале, бывший следователь и приверженец «Аксьон франсэз».

Репрессии продолжают. Новые аресты в пригороде: арестованы бывший секретарь секции ФКП в Ле-валлуа Альбер Юссон, около двадцати молодых коммунистов и членов Союза французских девушек в Обервилье.

20 марта

Здесь, в Воре́пе, строгая дисциплина, потому что считается, что мы на переднем крае. В одном из домов, откуда выехали жители, установлен пост военной полиции; введено круглосуточное патрулирование. После девяти вечера все кафе закрыты.

Сегодня продолжал инвентаризацию склада и завел книгу приема и выдачи, из которой сразу видно, что имеется на складе.

Из газет узнал, что в Москве ратифицирован мирный договор между СССР и Финляндией. Узнал также об аресте тридцати трех коммунистов в Туре, Вильжю́нфе, Альфорвиле, Л'Э-ле-Роз и Монбельяре.

21 марта

В 3-й роте около ста человек — выходцы с севера, востока и с юга. Люди все очень разные, но отношения между ними самые братские, и до сих пор не было ни единой ссоры. Солдаты, назначенные в качестве поваров, почтарей, писарей, подобраны Бурбуссоном с учетом их способностей, а не просто «по благу». Да и они не считают себя «министрами», как это было кое с кем в Лавале. Командир роты знает своих подчиненных и умеет каждого поставить на соответствующее место.

В сегодняшних газетах вычитал много интересного, и у меня есть время остановиться на этом подробно.

После вчерашнего закрытого заседания палаты, на котором стоял вопрос о вотуме доверия правительству, кабинет Даладьё получил всего 239 голосов. 300 депутатов от голосования воздержались, и правительство подало в отставку.

Отвечая в сенате на запрос Ребе́ля, министр внутренних дел Сарро огласил список «трофеев»:

«Правительство распустило 300 муниципальных советов, 2778 коммунистических избранников лишены своих мандатов, применены различные санкции в отношении 443 служащих и чиновников, закрыты газеты и типографии, распущено 650 профсоюзов, вынесено 8 тысяч приговоров. Такова работа, проделанная правительством.

И к сожалению, — добавил он, — несмотря на все эти репрессивные меры, коммунизм не ликвидирован».

Вчера началось слушание дела сорока четырех депутатов-коммунистов. Из отчета в «Эпок» и «Эвр» видно, что обвиняемые и их защитники явно возобладали над обвинителями. Зеваэс и Виллар потребовали вызова в суд Даладье, Эррио, Боннэ и Кэя. Последние, сославшись на закон 1812 года, запрещающий министрам давать показания в суде, отказались от явки. Тогда Виллар разоблачил нападки, которым вопреки презумпции невиновности подвергаются подсудимые, как беспрецедентное для Франции посягательство исполнительной власти на власть судебную, и добавил: «При этом следует также иметь в виду, что Эдуард Даладье в качестве председателя партии радикал-социалистов с 1935 года участвовал вместе с коммунистами в Народном объединении и до сентября 1939 года, по всей видимости, не считал принадлежность компартии к III Интернационалу (устав и программу которого, принятые в 1928 году, он не мог не знать) препятствием для сотрудничества с ними не только в национальной жизни и парламенте, но даже во французском правительстве, куда коммунисты были приглашены наряду с господином Даладье».

Что касается обвиняемых, то по поводу допроса с целью установления их личности «Эпок» пишет следующее:

«Они горячо выступают против обвинителей, которые отказываются чем-либо мотивировать свои обвинения. Барель, Демюзуа, Рено Жан, Флоримон Бонт, Пети, Ларепп, Фажон (в форме старшего сержанта), Корнавэн, Мартель по очереди встают и выражают свое возмущение. Некоторые из них обладают незаурядным ораторским талантом и умеют выступать перед аудиторией, ибо не раз это делали на многочисленных народных митингах. Все они настаивают на своем патриотизме: они ветераны войны, сыновья многих из них находятся сейчас на фронте. Как же после этого осмеливаются обвинять их в измене? Таков лейтмотив речей, в которых они излагают свое кредо и вместе с тем клеймят политику Даладье и Боннэ. Они говорят о Мюнхене, преданной Чехословакии, о советско-германском договоре о ненападении...»

Эта цитата из «Эпок» подтверждается отчетом в «Эвр»:

«Выступают Рено Жан, Флоримон Бонт, Демюзуа, Кост и другие; они подчеркивают, что являются французскими патриотами, ветеранами прошлой войны; один даже говорит о том, что отец его сражался в 1870 году под командованием генерала Фадерба, а сам он участник сражения на Марне, боев за Кран, за форт Помпель, что сыновья его находятся на передовой. Все они горячо, резко и энергично протестуют против того, что в их отсутствие Даладьё с парламентской трибуны называл их предателями. На Фажоне военная форма. Он заявляет: «Я старший сержант. Моя обязанность учить солдат служению своему отечеству. Между тем они в любой газете могут прочитать, что я являюсь предателем. Впрочем, это не так страшно, ибо не только солдаты, но и офицеры после нескольких недель общения со мной уже не верят в подобную клевету. Но нам, господа, необходимо объясниться с вами — нашими обвинителями. Вот почему я присоединяюсь к требованию моих товарищей, чтобы в суд в качестве свидетелей были вызваны Эдуард Даладьё и Жорж Боннэ». Однако трибунал вторично выносит решение о невозможности выслушать показания этих высокопоставленных особ».

Ясное дело: судьи просто боятся, что в Париже произойдет то же самое, что было в Лейпциге, где обвиняемый коммунист Димитров привел в полнейшее замешательство и совершенно подавил своего обвинителя гитлеровца Геринга.

О суде над депутатами-коммунистами мы говорили вчера на складе; наша маленькая группа решила, что, пока идет процесс, каждый из нас будет ежедневно покупать две разные газеты, с тем чтобы по вечерам мы могли бы сообща обсудить обстановку, а на другой день разъяснить ее тем из унтер-офицеров и солдат, которых мы лучше знаем.

22 марта

Поль Рейно сформировал новый кабинет, в нем на три министра и на одиннадцать статс-секретарей больше, чем в прошлом. За бортом остались несколько

радикалов, в том числе Жорж Боннэ. Социалисты получают три министерских портфеля и три портфеля статс-секретаря. Пресса представляет новый кабинет как «правительство национального единства».

Наиболее интересный отчет о втором дне процесса напечатала Мадлена Жакоб из «Эвр». Зеваэс и Виллар категорически возражали против того, чтобы суд продолжался при закрытых дверях. Зеваэс подробно доказывал, что «ни закон, ни юриспруденция, ни история не оправдывают этого. Вы требуете закрытого процесса, потому что боитесь отклика, какой могут иметь некоторые из сделанных здесь заявлений, боитесь, как бы это судилище не превратилось для подсудимых в трибуну. Неужели вас настолько пугает коммунистическая программа, что вы готовы отступить перед своей же собственной затеей? Закрытый процесс — это свидетельство вашего собственного бессилия что-либо доказать, закрытый процесс — это банкротство обвинения».

Марсель Виллар выступил не менее энергично:

«Процесс при закрытых дверях был бы весьма удобен — сформулировать общественные лозунги и принципы общественной морали еще недостаточно. Эти тридцать французских граждан, тридцать депутатов, представляющих миллионы избирателей, то есть четверть миллиона французов, находятся в изоляции уже более полугода. Судить их при закрытых дверях — значит идти наперекор самому духу республиканской конституции. Даже в эпоху монархии, даже в годы Империи политические процессы проводились открыто. Только у Гитлера вы найдете правосудие с кляпом во рту. Лейпцигский процесс о поджоге рейхстага и тот проходил публично, и Димитров имел возможность обвинять своих обвинителей».

Но как убедительно подчеркивает Мадлена Жакоб, из отчета которой цензура вымарала шестьдесят пять строк, «создается явное впечатление, что все его [Виллара. — Ф. Г.] ссылки на историю ничуть не изменяют окончательного решения военного трибунала».

Сразу же после того, как двери суда были закрыты, уже на третьем заседании, произошел острый инцидент. В копии письма на имя Эррио — оно фигурирует в качестве одного из документов обвинения — оказалась опущенной одна важная фраза, а кроме того, в копии

вместо точки с запятой в двух случаях в конце фразы стоит восклицательный знак, что, по мнению защиты, лишает этот документ характера письма и придает ему характер манифеста. Защита заявляет ходатайства, но они автоматически отклоняются. Карикатура на правосудие или, вернее, классовый суд, для которого все средства хороши; машина осуждения или, по смелой характеристике Мадлены Жакоб, «суды, созданные наспех в интересах войны».

Но зато какую силу представляют обвиняемые! Лишенные своих депутатских полномочий, не имея газет, подвергаясь систематической травле в печати и по радио, находясь в тюрьме как уголовные преступники, они не дрогнули. Более того, ни Даладье, ни Бонне не осмелились встретиться с ними лицом к лицу, и по приказу правительства их не решаются судить открыто.

Наша маленькая коммунистическая группа гордится своими товарищами. Вчера мы пустили по рукам четыре номера «Эвр». По сравнению с мужеством заключенных это немного, но каждый делает то, что в его силах.

23 марта

Перед отъездом из Лавалья нам говорили, что мы едем строить дорогу в окрестностях Гренобля. Прошло уже почти две недели, но ничего еще не начиналось. Каждый занимается чем попало, некоторые ходят собирать валежник.

Единственное, что можно вычитать в сегодняшних газетах о процессе, — это то, что защита выступила против передачи правительству некоторых документов судебного следствия. Но все происходит при закрытых дверях, а это благоприятствует произволу, нарушению закона, всевозможным злоупотреблениям.

Кабинет Поля Рейно встречен палатой весьма прохладно: 258 голосов — за, 147 — против, 111 — воздержались. Отчет о дебатах оставляет гнетущее впечатление — какая-то демонстрация мелочных интересов, взаимной ненависти, соперничества. И это военный кабинет!

В который уже раз я уличаю некоторые газеты во лжи! В течение нескольких дней они говорили о «попытках Берлина вовлечь Москву в трехсторонний

германо-итало-русский договор» и изображали этот договор как «военный союз между тремя странами». Сегодня пластинку сменили: речь уже идет просто о гарантиях, предоставленных тремя странами Румынии. Эти писаки в очередной раз оклеветали Советский Союз и надеются, что их клевете кто-то поверит.

24 марта

Сегодня пасхальное воскресенье, погода стоит великолепная. Вчетвером мы решили подняться на вершину Шалё, высота которой 1000 метров. В девять утра отправились, получив в качестве «сухого пайка» четыре роскошных антрекота (наши повара — симпатичнейшие марсельцы, всегда готовы чем можно услужить). В четверть первого мы были у цели нашего путешествия. Потом собирали хворост, жарили на костре антрекоты (устроили себе королевский завтрак!), осмотрели старинный монастырь, ныне пустующий, и около четырех часов дня спустились вниз, опьяненные солнцем и воздухом, довольные, словно вырвавшиеся на волю школьники.

Прежде чем вернуться в часть, купили газеты: процесс по-прежнему идет при закрытых дверях. «Эвр» пишет, что трибунал отказал обвиняемым в выдаче бумаги, карандашей и «Журналь оффисьель».

Анри де Кериллис в «Эпок» публикует открытое письмо Полю Рейно. Говоря о том, что правые депутаты проголосовали против нового кабинета, он клеймит «низменные интересы, интриги и расчеты, которые сразу же всплыли на поверхность».

Но куда они ведут Францию?

25 марта

Сегодня мы с Пари прошлись по берегу Изеры до местечка Вореи. По дороге делились друг с другом своими довоенными воспоминаниями: оба мы в ту пору работали в обществе «Друзья СССР» в интересах укрепления франко-советской дружбы. Обменялись мы также мнениями по поводу проходящего сейчас про-

цесса, нынешнего положения, настроений в роте. Поначалу, когда мы прибыли в Гренобль, нас порадовала хорошая организация дела, но постепенно бездействие начинает дурно сказываться на тех, кто не находит в себе энергии противостоять ему, кто не любит ни физической нагрузки, ни чтения, ни дружеских дискуссий. Чуждые какого-либо высокомерия по отношению к нашим товарищам по роте, мы тем не менее пришли к выводу, что быть коммунистом — это уже само по себе большое богатство.

О процессе в газетах всего несколько строк. Сказано, что были допрошены Феликс Брен и Гастон Корнавэн, причем последний давал свои показания с девяти тридцати до двенадцати часов дня¹.

26 марта

Склад переезжает на новое место: с фабрики его переводят в помещение бывшего магазина на главной улице Ворепа. Для большей надежности лейтенант просит меня ночевать при складе. В течение дня солдаты курсировали между старым и новым помещением. Заметив это переселение, одна старушка, живущая по соседству, предложила мне кровать с матрасом. Благодаря этой доброй женщине сегодня я буду спать на настоящей постели. Для солдата это не пустяк!

Де Кериллис пишет в «Эпок»:

«Во Франции, между прочим, существует небольшая категория парламентариев, журналистов и политиков, которые пытались заставить Даладье объявить войну России, а теперь хотят заставить сделать это Поля Рейно...»

27 марта

Целый день ушел на размещение имущества и составление подробной ведомости.

¹ В дневник я заносил только те сведения о процессе, которые мог почерпнуть из текущей прессы. Подробный рассказ о нем читатель найдет в книге Флоримона Бонта «Дорога чести» и в книге Марселя Виллара «Защита обвиняет» (Marcel Willard, La défense accuse).

Де Кериллис в «Эпок» резко обрушивается на противников кабинета Поля Рейно, которых немало и в парламенте и в прессе:

«И это в критический момент, когда по всей новой зоне Европы слышится оглушительный треск... Безумие! Безумие! Очередное безумие! Ибо те же круги, которые ослабляют страну внутренними распрями, хотят ввергнуть ее еще и в безграничную по масштабам внешнюю авантюру, хотят, не будучи вынужденными к этому, вовлечь ее в войну против 80 миллионов русских. Но ради кого же они так стараются? Вчера они шли против Даладье в ногу с Фланденом, в ногу с единодушными членами бывшего франко-германского комитета...»

Ради кого они стараются? Да ради Гитлера, черт побери, происки их ясны нам уже давным-давно...

Совсем в ином отношении любопытна и статья в «Эвр»:

«Рабочие, по-видимому, безразлично относятся к назначению делегатов из их же собственной среды. Если до войны делегатов избирали, то теперь они назначаются из числа членов профсоюза, а последние составляют меньшинство. Рабочий, видимо, предпочитает улаживать свои дела самостоятельно. Отношения между начальниками и исполнителями эволюционируют в сторону «системы Д», при которой они приобретают характер личных взаимоотношений. На это не приходилось бы сетовать, если бы отношения эти были пронизаны духом взаимного доверия, подлинной честностью и сердечностью. Однако чтобы такая «сердечность» могла существовать, необходим иной моральный климат, а не тот, что царит теперь...»

Какой поток признаний! Впрочем, это легко понять: трудящиеся питают доверие к делегатам, которых выбирают они сами, а не к тем, которые назначаются правительством... Когда подлинных профсоюзных деятелей снимают с постов, преследуют, бросают в тюрьмы, когда профсоюзы распускают только за то, что они не подымали вместе со всей сворой антикоммунистов и антисоветчиков, тогда возникает пустота... и тот моральный климат, на который жалуется «Эвр»!

Седьмое заседание суда над депутатами. О том, что там происходит, абсолютно ничего не известно — секретность соблюдается очень строго.

28 марта

Неподалеку от склада, в бистро, где я после завтрака пил отвратительный кофе, сидели двое рабочих. Один из них рассказывал про какого-то коммуниста из Ворепа, рабочего цементного завода, отца девяти детей, которого недавно арестовали; семья страшно бедствует. Узнав адрес, я вечером после ужина пошел их навещать.

Живут они чуть в стороне от поселка. Я без труда отыскал бедную хижину, сложенную из серого камня, перед которой возились шестеро ребятишек. Меня встретила энергичная с виду женщина. После того как я представился и показал ей свое депутатское удостоверение, она рассказала, при каких обстоятельствах арестовали ее мужа. А дело было так. Он заявил в кафе: «Коммунисты живы, и все в этом убедятся после войны». Кто-то донес, его арестовали, а реакционно настроенный мэр дал против него соответствующие показания. На прошлой неделе гренобльский трибунал приговорил его к четырем месяцам тюремного заключения; если бы не большая семья, приговор был бы еще более суровым.

Госпожа Матэ, обеспокоенная судьбой детей, обратилась к мэру с письмом, но этот негодяй ей даже не ответил. Многие жители Ворепа слышали от него: «Помощь со стороны коммуны? Нет уж, извините! Пусть коммунисты сами кормят коммунистическое отродье!»

В префектуре ей повезло немногим больше: там ей выдали кое-какое пособие, но далеко не достаточное, чтобы прокормить, одеть и обуть девять ребятишек. Старший, пятнадцатилетний, работает на соседней ферме, где его кормят, другой уже два года находится в пансионате; остается семь ртов. Младшему десять месяцев, он часто болеет, остальные шесть выглядят здоровенькими и чистыми. Несмотря на нужду, мать за ними следит.

Я сказал этой мужественной женщине, что коммунисты всегда приходят на помощь друг другу. Но так как деньгами я помочь не могу, я предложил ежедневно приносить ей два котелка супа и овощи — на кухне всегда могут «сэкономить», — а также горбушки хлеба из тех, что остаются на столах. Кроме того, она может каждый день посылать своего тринадцатилетнего сына в другую роту, где Парри, работающий поваром, сумеет для них кое-что выкроить.

Возвращаясь уже в сумерках, я по дороге вспомнил один давнишний случай. Было это в 1928 году. За статью, напечатанную мною в «Авангарде», меня приговорили к шести месяцам тюремного заключения, которое я отбывал в тюрьме «Лоос», около Лилля. И вот однажды я получаю письмо от коллектива рабочих и работниц одного одесского завода, членов МОПРа. Письмо было написано очень неправильным французским языком, но оно дышало таким участием, что запомнилось мне навсегда. Это был луч солнца, проникший в мою холодную камеру. То, что я ощутил в тот день, я постарался вечером дать почувствовать и другим. Ибо я убежден — и убеждение это крепнет во мне, — что мы обязаны не только ясно разбираться в событиях и нести свет нашего понимания другим (сказал же Анри Барбюс: «Кем бы ни был коммунист по своей профессии, он, кроме того, обязан быть еще и учителем»), но, насколько это возможно — не нахожу нужного слова! — сеять вокруг себя также и счастье.

Сегодня в газетах много примечательного.

В «Эвр» Марсель Деа¹ излагает причины враждебного отношения значительной части палаты к кабинету Поля Рейно:

«Одной из причин раздражения против правительства Даладье была затянувшаяся неопределенность его

¹ Меньше чем через три месяца после появления этой статьи Деа стал явным гитлеровским агентом. В оккупированном Париже он создал фашистскую партию «Национальное народное объединение». В 1941 г. вместе с Лавалем и Дорно организовал легион французских добровольцев для борьбы против Советского Союза в рядах гитлеровского вермахта. На одном из сборищ этих наемников в Версале Деа был ранен стрелявшим в него патриотом Полем Колеттом. Укрывшись после разгрома нацистов в Италии, Деа прятался в каком-то монастыре, где лет десять назад и окончилась его жалкая жизнь.

позиции по отношению к Советской России. Невозможно было оказать помощь Финляндии и уж тем более нанести удар в направлении Кавказа, пощадив при этом Россию. Завтра, когда речь пойдет о Балканах, та же неопределенность рискует парализовать все. По логике вещей г-на де Кериллиса следовало бы завтра же направить послом в Москву. Большинство палаты не одобряет и не одобрит такой политики...»

Уж не для того ли, чтобы угодить Деа и компании, французское правительство потребовало отозвать советского посла в Париже Сурица, когда агентство ТАСС сообщило, что по случаю подписания советско-финляндского договора он направил Сталину телеграмму? В телеграмме говорилось, что благодаря мудрости Советского правительства и доблести воинов Красной Армии планы английских и французских поджигателей войны, стремившихся разжечь очаг войны на северо-востоке Европы, снова провалились; что Советский Союз остается непреодолимой твердыней, о которую и впредь будут разбиваться коварные замыслы врагов социализма и трудящихся всего мира.

Французское правительство отказалось передать эту телеграмму, сочтя, что автор ее позволил себе вмешаться во внутренние дела Франции. Советское правительство ответило, что оно не видит никаких оснований для подобных претензий, но, поскольку французское правительство фактически ставит вопрос о недоверии Сурицу, правительство СССР сообщает, что Суриц освобожден от обязанностей посла Советского Союза во Франции.

29 марта

Сегодня первый раз отнес еду семье Матэ. Это далеко от казармы — сорок минут ходу туда и обратно, но зато до чего же приятно накормить изголодавшихся ребятнишек! Вечером снова был у них вместе с Парп. Хотя мы всячески возражали, г-жа Матэ все-таки послала старшего мальчишку за бутылкой вина, чтобы нас угостить. Она просила нас каждую неделю приносить ей в стирку наше белье. Да, простые люди всегда сумеют друг с другом договориться.

О закрытом суде над нашими депутатами в газетах ничего нет. Сообщается о состоявшемся в Лондоне заседании Верховного межсоюзнического совета, на котором Великобритания и Франция приняли решения: 1) усилить блокаду и расширить ее географические границы; 2) взять на себя обязательство не заключать сепаратного мира.

Де Керплис в «Эпок» продолжает давать отпор тем, «кто до такой степени утратил национальное чувство, что Россию, которая непосредственно с нами не воюет, ненавидит больше, нежели Германию, которая угрожает нам гибелью». Он является противником войны с Россией по трем причинам:

«1. Наши великие союзники англичане не хотят ни рвать с Россией, ни тем более вступать с ней в войну, пока не будут к этому принуждены, ибо в случае войны они неизбежно приняли бы на себя главный удар, учитывая значительную мощь русского подводного флота, огромные азиатские территории, где англичане практически являются соседями русских.

2. Другие наши союзники, турки, встали на сторону Франции и Англии в войне против Германии, обусловив это тем, что, если Париж и Лондон не будут к этому вынуждены, они не выступят против России, с которой турки совсем еще недавно находились в тесном единстве. Если русские на них нападут, они тоже будут защищаться, однако ошибаются турки или нет, но пока что они не усматривают для себя такой угрозы и делают из этого выводы, с которыми нам следует всячески считаться.

3. Французская дипломатия не хочет сблизить немцев с русскими в большей степени, чем это уже имеет место...

Итак, что же происходит? А происходит то, что почти все национальные партии, все газеты, все депутаты (и это не лишне повторить), знающие причины, по которым наше правительство отстаивает «политику объективности», восстают против такой политики. Аргументы, связанные с Англией? Они над ними смеются. Аргументы, связанные с Турцией? То же самое. Смеются они и над военными и над дипломатическими соображениями. Когда им говорят, что их кампания на руку Гитлеру, что она служит очевидным дополне-

нием кампании, проводившейся против франко-советского пакта Абецем, Фердоннэ и всей немецкой агентурой до и после начала войны, они все равно смеются. С легким сердцем они продолжают упорствовать. И тех редких людей, которые проявляют независимость и не хотят быть заодно с ними, открыто обвиняют в симпатиях к коммунизму, в том, что они изменники и продались Москве, а Бюно-Варилла ¹ требует для них фонарей и виселиц...»

Я не знаю, когда и как закончится война, не знаю, увижу ли я ее конец, но считаю необходимым отметить на будущее этот обвинительный акт против крупной буржуазии нашей страны; вынесенный одним из ее же представителей. Когда все будет кончено, об этом придется вспомнить.

30 марта

Снова выпал снег и резко похолодало. В казарме скучища дикая,

31 марта

Второе воскресенье в Вореппе. Скверная погода сменялась солнышком, но горные тропинки еще слишком сырые, так что на прогулку, как в прошлый раз, не пойдешь. Мы шатались по деревушкам и коротали время за игрой в шашки и карты.

1 апреля

На процессе наших депутатов обвиняемые потребовали явки в суд Жоржа Боннэ, который уже не может прикрываться званием министра, ибо таковым больше не является. Он представил врачебное свидетельство (ему выдали его, конечно, из любезности), которое «судьи» поспешили принять. Полковник Лорио и майор

¹ Через три месяца Бюно-Варилла и его журнал «Матэн», подобно Марселю Деа, публично разоблачили себя в качестве агентов Гитлера.

Брюзен произнесли свои обвинительные речи. Затем слово было предоставлено защите. Двое обвиняемых, Бешар и Вазей, отмежевались от своих товарищей.

Эжен Блен, мобилизованный для работы на одном из заводов в Кламаре, приговорен военным трибуналом к трем годам лишения свободы и тысяче франков штрафа за то, что в беседе с товарищами «в радужных красках описывал жизнь в Советском Союзе и допустил антифранцузские высказывания».

2 апреля

В газетах сообщается, что совет кабинета вынес решение о принятии новых репрессивных мер против коммунистов.

В статье о падении правительства Даладье депутат от Па-де-Кале Изоре (радикал) пишет:

«Невозможно оспаривать тот факт, что в течение многих недель плелись всевозможные интриги, строились бесчисленные комбинации, предпринимались различные маневры, с тем чтобы подготовить почву для падения кабинета Даладье. Эти действия велись с разных сторон, и нам пришлось их парировать даже в нашей собственной группе. Некоторые депутаты, выступившие с трибуны, доказали, что сказать им нечего, разве что они могут цинично предложить самих себя в качестве министров завтрашнему главе правительства. И мы действительно увидели их имена в списке членов нового кабинета!»

И это в то время, когда честных людей сажают на скамью подсудимых только потому, что они коммунисты, да еще судят при закрытых дверях!

3 апреля

Вчера Изоре сетовал на происки против кабинета радикала Даладье. Сегодня эти происки ведутся против кабинета Поля Рейно.

Оправившись от «болезни», помешавшей ему два дня назад явиться в суд, где идет процесс над депутатами-коммунистами, Жорж Бонне начал атаку против

нового правительства внутри группы радикалов. Вместе с еще одним «выбывшим», экс-министром авиации Ги Ля Шамбром, Боннэ был делегирован к Даладье-выразить ему недовольство радикалов. Когда миллионы людей находятся в армии, эти ничтожные политики разыгрывают перед страной свою жалкую комедию!

Италия призывает из запаса военно-морского флота десять возрастных контингентов.

Позавчера, выступая в Верховном Совете СССР, Молотов подтвердил намерение Советского Союза не вступать в войну и последовательно придерживаться политики нейтралитета.

В сегодняшнем номере «Эпок» де Кериллис комментирует это выступление:

«Приходится констатировать, что все акции Советов в Прибалтике, унижительное для Гитлера изгнание немцев из Таллина и Риги, захват Выборга и Ханко свидетельствуют об очевидном и бесспорном желании воспользоваться тем, что Германия увязла в войне на Западе, и добиться против нее огромных стратегических преимуществ».

Газеты сообщают, что на процессе депутатов-коммунистов закончился допрос свидетелей. Подробности не приводятся¹.

4 апреля

Вчера на процессе депутатов защитительную речь, которая продолжалась пять часов, произнес Марсель

¹ В книге «Дорога чести» Флоримон Бонт воздаст должное исключительно мужеству свидетелей защиты: члена палаты лордов Воррингтона, простых людей из народа, выдающихся представителей интеллигенции, профессоров Поля Ланжевена и Анри Валлона, философа Рене Моблана, писателя Жака-Ришара Блока, таких ветеранов ФКП, как уже интернированный в лагере Байе Даниэль Рену. Наш высокоуважаемый Марсель Кашен тоже дал свои показания. «В знак благодарности, — пишет Флоримон Бонт, — мы встали и торжественным молчанием приветствовали присутствие у судебного барьера семидесятилетнего члена партии, ученика Жюлье Гада, чьи слова, взгляд, самая манера держаться были исполнены прямооты и неподкупности».

Виллар, а Франсуа Бийу выступил с защитой от имени своих товарищей. После четырехчасового совещания «трибунал вынес приговор».

Девять обвиняемых, находящихся «в бегах», заочно приговорены к пяти годам тюремного заключения, денежному штрафу в размере пяти тысяч франков и лишению гражданских и политических прав. Это Катла, Жак Дюкло, Дютийель, Мюмуссо, Перп, Раметт, Ригаль, Торез и Тийон. Флоримону Бонту, как подписавшему письмо к Эррио, вынесен такой же приговор.

Двадцать шесть других обвиняемых — Барель, Бартолини, Бенуа, Берлиоз, Бийу, Корнавэн, Кристофоль, Коссонно, Кост, Круаза, Демюзуа, Бонт, Гау, Греза, Ларепп, Жорж Леви, Лозерэ, Мартель, Мидоль, Моке, Мюсмо, Пети, Праше, Про, Роше, Тушар — также приговорены к пяти годам тюремного заключения, денежному штрафу в размере пяти тысяч франков и лишению гражданских и политических прав.

Что касается остальных восьми обвиняемых — Бешара, Пеша (он же Парсаль), Вазея, Филиппо, Брена, Дадю, Жана Дюкло, Рено Жана, — то суд принял во внимание смягчающие обстоятельства (в отношении первых четырех — что они отмежевались от своих товарищей, в отношении других — что они являются инвалидами войны) и приговорил их к четырем годам условно, денежному штрафу в размере четырех тысяч франков и поражению в правах. Они избежали тюрьмы, но будут интернированы в концентрационном лагере¹.

Таков скандальный приговор, опубликованный в сегодняшних газетах. Таков исход классового суда, проведенного в условиях строжайшей секретности, в результате чего избранники народа на годы брошены в тюрьму только за то, что остались верны своим убеждениям. Этого мы никогда не забудем.

¹ Такой же приговор был вынесен Фажону, до этого остававшемуся на свободе и продолжавшему носить сержантскую форму; полиция немедленно арестовала его. — *Прим. ред.*

5 апреля

Немецкий промышленник Тиссен, в течение многих лет финансировавший фашистское движение, сбежал из Германии во Францию и находится на свободе; концентрационные лагеря, в которые брошено столько немецких антифашистов, искавших убежища в нашей стране, предназначены не для торговца оружием.

Политический кризис продолжается. На заседании парламентской группы «неосоциалистов» (отколовшиеся социалисты) Марке¹ резко критиковал Поля Рейно. Группа решила требовать включения в состав правительства своего представителя. Тщательная дозировка в распределении портфелей, закулисная возня, домогательства — читать обо всем этом просто противно.

6 апреля

В роте по-прежнему ничего нового. Строительство пресловутой дороги, ради которой нас сюда послали, так и не началось. Офицеры и унтер-офицеры ежедневно ломают себе голову, чем бы занять людей. Дежурства, наряды, прогулки. На складе у меня полнейший порядок, и делать мне почти нечего. Если бы не чтение газет, не переписка с Андрэа, с ее братьями, мобилизованными в армию, и десятком товарищей, с которыми я не теряю связи, время тянулось бы бесконечно. В полдень я обычно запираю склад и отношу пищу семье Матэ. Один день ничем не отличается от другого, так что повторяться просто нет надобности. Как в сводках генерального штаба в течение дней, недель, месяцев: «на фронте ничего существенного не произошло».

В газетах объявлено, что на подпись президенту республики непрерывно поступают новые приказы и распоряжения, направленные против коммунистов. Будут караться смертной казнью «лица, которые в определенных случаях сознательно занимались подготовкой, поставкой или хранением пропагандистских материалов III Коммунистического Интернационала

¹ Марке — депутат и мэр Бордо, через несколько месяцев стал министром в правительстве Петэна и коллаборационистом.

в целях их последующего распространения». У подозреваемых могут быть в ночное время произведены обыски. И наконец, концентрационные лагеря, созданные в Парижском районе, переводятся в Северную Африку.

Марсель Деа продолжает верно служить Гитлеру, когда пишет в «Эвр»:

«Я не вижу никаких оснований для того, чтобы проявлять снисхождение к Советской России, относиться к ней с каким-либо уважением или доверием».

Газеты сообщают об аресте девятнадцати коммунистов района Пари-Нор, в числе которых бывший секретарь секции ФКП заводов «Рено» в Бийанкуре Фернан Бартеlemi и бывший секретарь секции в Обервилье Рауль Госсе¹.

Чтобы ограничить потребление мяса, в течение трех дней мясные лавки будут закрыты.

7 апреля

Объявлено, что выдача угля по карточкам будет производиться с 1 мая до 1 июня.

Пьер Семар и Раймон Турнемен, бывший генеральный секретарь и бывший казначей Федерации железнодорожников (ВКТ), приговорены к трем годам тюремного заключения, денежному штрафу в две тысячи франков и лишению всех прав. Бывший профсоюзный деятель Жариньон не постеснялся дать против них показания.

8 апреля

Уже несколько дней непрерывно идет мелкий понижающий дождь, и от этого наша казарма кажется еще более мрачной.

Лорд Галифакс и Поль Рейно позавчера вручили послам Скандинавских стран в Париже и Лондоне ноты, в которых ставят их в известность о новых мерах, принятых союзниками в целях укрепления блокады.

¹ Рауль Госсе расстрелян в Шатобриане 15 декабря 1941 г. Жена его была арестована за участие в Сопротивлении и скончалась в тюрьме в Ренне; его сын умер через несколько лет после возвращения из изгнания.

Это вызвало в Норвегии и Швеции оживленную реакцию.

Согласно заявлению, сделанному в парламенте министром иностранных дел Норвегии, «через Нарвик в Англию проходит сейчас значительно больше шведской руды, чем в Германию... Торговые суда союзников пользуются правом свободного плавания в норвежских водах по меньшей мере в равной степени с Германией...»

Любопытная полемика между Леоном Блюмом и де Кериллисом. Лидер социалистической партии писал в английском еженедельнике «Спектейтор»: «За последние полгода союз Сталина с Гитлером непрерывно упрочивался». Де Кериллис придерживается диаметрально противоположного мнения и обосновывает его в «Эпоке» следующим образом:

«Ошибку, которую допускает Леон Блюм в финском вопросе, допускают девять десятых французов... Чего добивается Сталин? Он хотел обезопасить Ленинград и Кронштадт и овладеть последними ключевыми позициями на Балтике. Против кого была направлена эта операция? Против Франции и Англии? Нет, против Германии. Не понимать этого могут только люди, не знакомые с ее историей и географией, закрывающие глаза на самые очевидные факты политической действительности. Но для наших дипломатов, наших военных, для иностранных дипломатов все это было ясно как день. И мне кажется невероятным, что наш парламент ничего в этом не понял, что в этом ничего не поняла почти вся наша пресса. Им следовало бы уразуметь, что, помимо чисто военных соображений, которые побуждали нас не оголять своего фронта и не посылать наших солдат сражаться в Финляндию, Франция и Англия должны были подавить свои великодушные чувства и оставаться в стороне от вооруженного конфликта...»

9 апреля

Союзники информировали Норвегию о том, что вдоль ее побережья они установили минные заграждения. Норвегия заявила протест и потребовала, чтобы

эти заграждения были сняты, а военные корабли, ведущие наблюдение за ее побережьем, отведены. Франция и Англия решили не реагировать. Около Кристиансунна торпедирован немецкий транспорт с войсками: 150 человек погибло, 100 ранено. Эскадра немецких военных кораблей вышла из портов и направляется к Южной Норвегии. В норвежских водах ожидается морское сражение.

Полицией арестован Анри Жанен — бывший мэр города Вильнев-Сен-Жорж, Андре Карре — бывший секретарь секции ФКП в Сен-Дени, Фор — бывший секретарь секции в Обервилье. Кроме того, произведено семнадцать арестов в западном районе Парижа. Арестованы также четверо рабочих из Валансьенна (департамент Нор), обеспечивавших перевозку листовок из Бельгии во Францию.

10 апреля

На «моем» складе имеется довольно много конского снаряжения. И вот несколько дней назад команде из пяти человек поручили почистить его и привести в порядок. Сегодня утром между ребятами зашел разговор о причинах нынешней войны. Послушать их было очень любопытно. Все сошлись на том, что во всем виноват Гитлер. Однако один добавил при этом: «Да, но накопить такую силищу позволили ему Франция и Англия. Они рассчитывали, что он нападет на Россию. Об этом говорилось в каждой речи, вот Гитлер этим и воспользовался, чтобы прибрать к рукам Австрию и Чехословакию». Все согласились.

Только тут в разговор вмешался и я. Взяв свои газетные вырезки, я показал им, что война ведется не против гитлеровской Германии. Врага видят в лице Советского Союза... а мы, французские коммунисты...

Они стали спрашивать, почему меня не произвели в офицеры, почему лишили депутатского мандата. Интересовало их и то, как жили депутаты-коммунисты до войны. Когда я сказал им, что две трети нашего парламентского жалованья мы вносили в партийную кассу, мои собеседники были поражены. Ясно, что они слышали об этом впервые,

В печати сообщается, что на блокаду норвежских территориальных вод союзниками немцы ответили вторжением в Данию, которую они оккупировали без единого выстрела, а также высадкой десантов в норвежских портах. Правительство Норвегии покинуло Осло — город, находящийся уже в руках гитлеровских войск.

Как всегда, когда дела плохи, ищут козлов отпущения: совет министров вынес решение «принять жесточайшие меры против коммунистов». Министр юстиции Сероль провел декрет, согласно которому «любые действия, имеющие целью нанести ущерб национальной обороне, приравняются к государственной измене и караются смертной казнью». Расплывчатость такой формулы открывает простор для самых произвольных толкований. Одобрены также новые меры против служащих-коммунистов.

11 апреля

Множество телеграмм, публикуемых газетами, как мне кажется, можно резюмировать следующим образом:

1. Немецкие войска оккупируют Осло, Берген, Тронхейм и Нарвик.

2. Норвежское правительство решило противодействовать германскому вторжению.

3. В развернувшихся ожесточенных морских сражениях британский флот имеет численное превосходство.

Поль Рейно заявил в сенате: «Путь к железной руде отныне для Германии закрыт».

И непрекращающиеся репрессии. За коммунистическую пропаганду военный трибунал Лиона приговорил: Луи Сестье, бывшего секретаря общества «Друзья СССР» (департамент Рона), к трем годам тюрьмы и денежному штрафу в размере тысячи франков; Альфреда Парюжетти — заочно — к пяти годам тюремного заключения и штрафу в размере трех тысяч франков; Марселя Метраля к одному году тюремного заключения и штрафу в размере ста франков. Еще десять активистов получили суровые наказания, но условно (в их числе товарищ Кастильони, которая входила в состав возглавляемой мной делегации, посетившей в мае 1935 года Советский Союз).

Правительство сумело оценить услуги, оказанные ему послушными военными судьями: так, майор Брюзен, комиссар правительства на процессе наших депутатов, получил чин подполковника, а следователь Третьего трибунала капитан Марша произведен в майоры. Все отпуска временно отменены.

12 апреля

Король Норвегии отклонил условия Германии, между тем в Осло создано правительство, готовое сотрудничать с Гитлером.

Поль Рейно сообщил в палате, что из 22 кораблей, потопленных во время сражения в норвежских водах, 4 союзнических и 18 немецких.

Голландия принимает дополнительные меры для своей обороны.

13 апреля

Газеты — у нас в казарме их читают очень немногие — в эти последние недели раскупаются просто нарасхват. Каждый день ко мне на склад приходят унтер-офицеры и солдаты узнать мое мнение о событиях в Норвегии. Отвечать на их вопросы довольно трудно: публикуемые сведения весьма противоречивы либо, как, например, сегодня, просто недостаточны.

Прочитал о том, что в Бельгии арестованы Марта Дерюмо, которую хорошо знают текстильщики департамента Нор, и жена Артюра Раметта¹. Никаких подробностей не сообщается.

14 апреля

Сведения из газет: 1) английский флот одержал крупную победу в фьорде Нарвика — потоплено 7 немецких эсминцев, 3 английских эсминца получили лег-

¹ Они печатали в Бельгии листовки нашей партии и переправляли их во Францию. Впоследствии Марта Дерюмо была отправлена в концентрационный лагерь Равенсбрюк.

кие повреждения; 2) итальянская печать все более открыто становится на сторону Германии.

Де Кериллис признается в «Эпоке», что правительство попустительствует гитлеровским агентам во Франции. Он пишет:

«Во Франции существует гигантская организация, находящаяся на содержании у Гитлера. И это настолько очевидно, что однажды Даладье даже воскликнул, что Гитлер ищет у нас такого человека, как Зейсс-Инкварт¹, то есть, иными словами, он считает, что условия уже достаточно созрели, чтобы такого найти, а Альбер Сарро сказал, что «повозки уже готовы». Такая организация существует, и на этом я буду настаивать. Но она защищается с несравненной ловкостью. Защитой ей служит обширная сеть невольных пособников, глухой барьер скептицизма и безразличия: «Т-с-с-с! Тише! Об этом говорить запрещено!» А кто говорит, тот «фантазер», «ненормальный», «сумасшедший», «раскольник»! Кто обнаруживает признаки измены, тот сам изменник. Его поносят, ему не дают житья. А результат таков, что в итоге восьми месяцев войны удары заступом нанесены по московской твердыне и ни единого — по твердыне гитлеровской. Нужна катастрофа, настоящая катастрофа, чтобы мы наконец поверили в существование этой работающей на полную мощность немецкой машины, чтобы мы решились ее сломать, чтобы мы покончили с нашими большими и маленькими квислингами².

Кстати, о «московской твердыне»: де Кериллис не свободен от того самого вульгарного антикоммунизма,

¹ Зейсс-Инкварт в 1938 г. по требованию Гитлера был назначен министром внутренних дел в австрийском правительстве Шушнига. Он помог Гитлеру присоединить свою страну к Германии. Главарь нацистов отблагодарил его, назначив после вторжения немецких войск в Австрию канцлером этой страны, а затем представителем фюрера в оккупированной Польше (1939—1940 гг.) и Голландии (1940—1944 гг.). Отличался жестокими репрессиями. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни.

² В то время Квислинг проводил в Норвегии такую же прогитлеровскую политику, какую вели Дорио и Деа во Франции. Когда Норвегия была оккупирована, Гитлер поставил Квислинга во главе норвежского коллаборационистского правительства. После освобождения Норвегии этот предатель был осужден и казнен в Осло в 1945 г.

который делает из нас «агентов Москвы», и я отнюдь не забываю, что в январе он голосовал за лишение депутатов-коммунистов их полномочий. Но в его статьях я считаю необходимым отметить признание той безнаказанности, какой пользуются у нас агенты Гитлера, хотя с гитлеровской Германией мы находимся (по крайней мере формально) в состоянии войны.

15 апреля

Ход событий ускоряется. Сообщают, что союзникам удалось установить новое минное заграждение, которое закрывает доступ в Балтийское море и препятствует сообщению между Германией и Швецией. В одной из своих передач для солдат итальянское радио объявило, что «Италия готовится к войне».

Растет тревога в нейтральных странах: Румыния усиливает наблюдение вдоль Дуная, Швеция приводит в негодность свои аэродромы, Голландия вводит осадное положение в новых районах.

16 апреля

Газеты сообщают, что английские солдаты, высадившиеся в Норвегии, вновь взяли Нарвик, оккупированный гитлеровцами, и что норвежская армия продолжает сопротивляться немецкому вторжению, которое развивается в направлении шведской границы.

Леон Жуо выступил в Нанте с неслыханной по своей злобности антикоммунистической речью. «Агенты III Интернационала, — сказал он, — являются предателями рабочего класса и своей страны». «Эвр» в полном восторге. Грустно читать такое в момент, когда мы с тревогой следим за событиями в Норвегии!

17 апреля

По данным, которые Поль Рейно огласил в сенате, в течение недели выведено из строя 30 процентов немецких линкоров, потоплено 20 процентов крейсеров и 25 процентов торпедоносцев, 15 процентов торпедонос-

цев повреждено; потоплено, повреждено или захвачено торговых судов общим тоннажем 78 тысяч тонн.

Агентство ТАСС категорически опровергло версию о какой бы то ни было помощи, которую Россия якобы оказала Германии при захвате Нарвика гитлеровскими войсками. Несколько дней назад эту очередную ложь распространяли все газеты; сегодня только две из них мелким шрифтом напечатали советское опровержение.

В Париже, Руане, Тулоне, в департаментах Луаре и Пюи-де-Дом арестовано 54 коммуниста, в их числе Сюзанна Жиро, ее сын Леон Деполье, бывший секретарь профсоюза энергетиков Парижского района, многие активисты Парижской компании по распределению электроэнергии, бывший секретарь коммунистической секции в Пюи-де-Дом Ги Перилу, генеральный советник в Руане Люсьен Валле.

18 апреля

Между союзническими и норвежскими войсками установлен контакт. Белградское правительство обеспокоено большим наплывом в Югославию немецких «туристов»; такое количество приезжих в это время года действительно может вызвать подозрение.

19 апреля

По сообщениям печати, в районе Осло продолжают ожесточенные бои. Судя по тому, что Швеция, Бельгия, Голландия, Швейцария, Югославия и Румыния усиливают меры по обеспечению своей безопасности, повсюду царит большая тревога.

Газеты «Эпок» и «Ордр» продолжают вести кампанию против гитлеровских пропсов во Франции. Так, директор «Ордр» Эмиль Бюрэ выражает удивление по поводу странных статей, публикуемых профессором Монтандоном, швейцарцем, натурализовавшимся во Франции, в итальянском журнале антисемитского толка «Дифеза делла раса».

«Допустим, — пишет Бюрэ, — что какой-нибудь коммунист, преподаватель одного из наших учебных

заведений, напечатал бы в «Правде» или «Известиях» статью в защиту своих взглядов и расхвалил бы в ней советский строй. Вся наша правая и крайне правая пресса тут же потребовала бы его увольнения и ареста».

Разумеется! Потому что правые видят в этой войне лишь средство защиты привилегий магнатов тяжелой промышленности, угольных королей, монополистов текстильной промышленности и т. п. и пытаются уничтожить коммунистическое движение, ибо только оно настоящему внушает им страх. Репрессии против стольких наших товарищей проводятся под флагом «национальной обороны», а это весьма удобно. Судя по последнему письму Андрэа, полицейскими комиссарами и префектурами Парижа арестовано 10 тысяч коммунистов, некоторые из них даже подвергались пыткам. Тысячи избранных-коммунистов отныне лишены права открыть рот. Профсоюзы обезглавлены, так как их лишили лучших руководителей. Повсюду рыщут шпики.

Кто может упрекнуть рабочих-коммунистов хотя бы в одном акте саботажа на предприятиях? Насколько мне известно, таковых не было. А если бы они действительно были, вся пресса воспользовалась бы этим для разжигания еще более оголтелой антикоммунистической кампании. Рабочие-коммунисты хотели только сохранить за собой право думать по-своему, свободно критиковать обрушившуюся против них прессу, право симпатизировать Советской России, право верить в пролетарский интернационализм...¹

¹ Спустя несколько дней после Мюнхена Эмиль Бюрэ писал в «Ордр»: «Некоторые финансовые и промышленные круги, движимые классовым духом и алчностью, вели в условиях нашей демократии пораженческую игру». Эту «пораженческую игру» предприниматели вели со времен Народного фронта. В брошюре, изданной в августе 1938 г., профсоюзы, входящие в ВКТ, осуждали саботаж. В ней говорилось, что на одном авиационном заводе в предместье Парижа «имеются новые, современные машины, которые работают всего по два-три часа в день»; на другом заводе, «после того как он с 1935 по июнь 1937 г. изготовил 55 приборов, производство было приостановлено почти на целый год»; еще на одном заводе «нет дюралюминия. Но это просто скандально, ибо известно, что имеющаяся во Франции в изобилии бокситовая руда ежедневно вывозится в Германию...» Так вот, чтобы замаскировать этот саботаж, угодничающая перед Гитлером пресса ополчилась против рабочих, которые разоблачали ее еще в 1937 и 1938 гг.

Между тем прогитлеровски настроенные элементы действительно являются агентами врага, агентами тем более опасными, что они ловко маскируются. Они не хотят войны против Германии, потому что не хотят ослаблять Гитлера, а завтра, быть может, и Муссолини. Они за войну против Советского Союза. Это было ясно во время советско-финляндского конфликта. Они готовы пойти на мир с Гитлером, если он решит повернуть оружие против Советского Союза. Они также за физическое истребление коммунистов.

Читая в свое время о Парижской Коммуне, я, помнится, был поражен тем, что правительство Тьера, укrywшееся в Версале, попросило пруссаков вернуть ему часть французских солдат и офицеров, взятых ими в плен во время войны 1870 года. Прусские оккупанты согласились, бывшие пленные осадили Париж и учинили там резню, истребив тысячи коммунаров. Я убежден, что в известных условиях гитлеровская агентура не прочь повторить этот опыт. Если бы во Франции появилась новая Коммуна, они были бы готовы призвать на помощь фашистов и чернорубашечников¹.

Сегодня они неприкосновенны, потому что принадлежат к господствующим классам и их прислужникам. Никаких мер против Абеца и Фердоннэ. Никакого расследования деятельности франко-германского комитета: неприкосновенность! Она распространяется и на сторонников Муссолини. Вы выражаете симпатию Советскому Союзу, который отнюдь не является союзником Германии? Вам пять лет тюрьмы, как вашим депутатам, или, пишет Андреа, ссылка в африканское

¹ Когда я писал эти строки, я никак не подозревал, что через два месяца те самые люди, которые думали и кричали «Лучше Гитлер, чем Народный фронт!», будут радоваться поражению Франции. В гнетущей тишине попорченной страны они не задумываясь пошли на сотрудничество с оккупантами. Мне попала статья Владимира д'Ормессона в «Фигаро», типично буржуазной газете, от 3 сентября 1941 г.: «С бывшими руководителями бывшей Французской коммунистической партии, пытавшимися вызвать волнения в ряде особенно уязвимых районов страны, следует обращаться с беспощадной жестокостью. Это предатели, и притом самые отвратительные из всех, какие когда-либо существовали».

Через месяц это пожелание оказалось превзойденным с лихвой: за двое суток в Шатобриане, Нанте, Мон-Валерье и Бордо эсэсовцы уничтожили сто французских патриотов.

пекло. Вы выражаете симпатию Муссолини, союзнику Гитлера? Это остается безнаказанным.

20 апреля

Из сегодняшних газет: по всей Голландии объявлено осадное положение, в прогитлеровских кругах произведены обыски. Бывший югославский премьер-министр, видный герmanoфил Стоядинович арестован, у него взята подписка о невыезде. Немецкие войска в Норвегии, видимо, продвигаются в направлении Осло. Палата 504 голосами при 17 воздержавшихся одобрила политику кабинета Поля Рейно; против никто не голосовал.

Де Кериллис пишет в «Эпок»:

«Да, Германия провела у нас работу и располагает здесь своими людьми [далее две строки изъяты цензурой. — Ф. Г]. Нечего ждать того часа, когда прольется кровь солдат и произойдет катастрофа, чтобы выкорчевать измену, на которую Даладье и Сарро столько раз вполне обоснованно указывали, *но так ни разу и ненесли ей прямого удара*¹.

Наряду с этим военный трибунал приговорил семь молодых коммунистов из Булонь-Бийанкура к различным мерам наказания: от одного года до пяти лет тюремного заключения, от ста до десяти тысяч франков штрафа и до пяти лет поражения в гражданских и политических правах. За распространение листовок тот же трибунал приговорил имевшего отсрочку от призыва в армию специалиста Анри Дюшателя к пяти годам тюремного заключения, денежному штрафу в сумме пять тысяч франков и к пяти годам поражения в гражданских и политических правах.

Депутат и мэр города Пюто, социалист Жорж Бартеми выбрал «Матэн» — самую прогитлеровскую из парижских газет, чтобы присоединить свой голос к хору антикоммунистов:

«Необходимость борьбы с коммунизмом отныне признается всеми. Причем борьбы беспощадной, а не только

¹ Я выделил эти слова в подтверждение того, что записал вчера: гитлеровские агенты во Франции пользуются неприкосновенностью.

от случая к случаю и в ограниченных пределах, какой она была до сих пор. Недостаточность мер, принятых перед лицом внутренней угрозы, объясняется вовсе не пробелами в нашем законодательстве: предусмотренные законом строгие санкции дают возможность трибуналам сурово карать тех, кто подвергся аресту. Но наша полиция, несмотря на все усилия, чаще всего ловит лишь статистов, в отдельных случаях мелких «начальников» и почти никогда — подлинных вожakov. Такое положение необходимо исправить».

Сказать, что меня удивила эта тирада, значило бы сказать неправду: я еще помню призыв к убийству коммунистов, с которым Бартеlemi обратился в январе к палате депутатов. Но сегодня я хотел бы занести в дневник мои мысли по поводу поведения солдат-социалистов. Двое из них были со мною в Лавале. Один, по фамилии Дюбрюль, раньше служил по ведомству путей сообщения в Витри-ле-Франсуа. Славный человек, который, надо сказать, вяло отстаивал политику своей партии. Второй — его фамилии я не могу припомнить — преподаватель откуда-то из Седана, отличный малый, стопроцентный сторонник единого Народного фронта с коммунистами.

Здесь я знаком с двумя социалистами. Первый — это рабочий, мастер Свар. Здоровяк фламандец, коренастый и крепкий, настоящий работяга, однако резкий и заносчивый. До войны он был секретарем социалистической группы в одном из районов Рубе, где работал в сфере коммунального обслуживания. Недели две назад из-за проливного дождя все торчали в помещении, нас собралось человек двенадцать, и в казарме завязался разговор. Кроме Свара, никто не одобрял того, что депутатов-коммунистов лишили их мандатов. Его аргументация: «Гитлер и Сталин — это одно и то же. Я их валю в одну кучу!» Раздались возгласы возмущения, все возражали. Не будучи в силах спорить, Свар сказал: «Больше разговаривать я не желаю. Я был социалистом и останусь им». Продолжать было бесполезно.

Второй — это некий Ремуа. Славный, общительный человек, умеющий спорить спокойно и даже как-то деликатно. Сегодня показал ему статью Бартеlemi. «Как не стыдно! Так писать может только фашист», — возмутился он.

Словом, социалист социалисту рознь. Большинство рядовых членов этой партии не назовешь последовательными антикоммунистами, и, если они с первого раза не согласны с нами, доказывать им надо спокойно, без раздражения.

21 апреля

Четвертое воскресенье в Вореппе. Уже несколько дней стоит весенняя погода, и мы решили подняться на пик Бельвю (900 метров). Утром нас собралось восемь человек: я, мой помощник по складу Гесс; лотарингец из Тьонвиля, упрямый детина, толстяк, килограммов сто весом; сержант хозяйственной части Оржерэ, нотный издатель из Лиона, человек образованный, спортсмен, отличный товарищ; капрал Кюртена, тоже лионец, книгочей, любитель вкусно поесть и побродить на свежем воздухе; сапер Идело, ординарец нашего лейтенанта, одинокий человек, которого опекает добряк Оржерэ, настолько же маленький и хрупкий, насколько огромен и толст лотарингец; девятнадцатилетний парнишка из Вореппа, вступивший добровольцем на пять лет в танковые войска в Марокко и заканчивающий завтра свой месячный отпуск; эльзасец Тото, содержатель кафе, куда мы частенько ходим по вечерам, участник прошлой войны, которую, как вспоминает он, считали «последней».

Повара нас побаловали — выдали десяток бифштексов и холодную закуску. Мы наполнили фляги вином — и в путь. Склон, по которому мы шли, лежал еще в тени, так что подниматься было легко. Первая остановка — старый замок, настоящее орлиное гнездо, густо поросшая кустарником скала, над которой сохранились остатки толстых каменных стен и глубокая пещера. У наших ног лежала долина, а из тумана постепенно вырисовывались поля и строения.

В девять часов — легкий завтрак: булка, крутое яйцо, стакан белого вина. Показалось солнце, но ненадолго. Продолжая восхождение, мы вошли в лес. По дороге, еще покрытой прошлогодними листьями, ступаешь, как по мягкому ковру. Воздух чист и прозрачен словно ключевая вода. Абсолютная тишина, лишь

изредка нарушаемая стуком чьей-нибудь задевшей за камень металлической трости. Выйдя из леса, мы оказались на широкой дороге, усеянной большими камнями, они были влажны и как бы дымились под горячими лучами солнца.

Было ровно одиннадцать, когда мы вышли на открытое плато; ближе к нам стояли монастырь и примыкающая к нему ферма. Посидели немного у подножия не слишком красивой статуи работы Лакордэра. Остановка была короткой, ибо до вершины нам оставалось еще с полчаса ходу. Там уж мы решили хорошенько отдохнуть.

Пик Бельвю действительно очень красив; под ним на расстоянии 900 метров лежит долина реки Изер; с одной стороны виден Гренобль, с другой — Вуарон. Вореп кажется совсем крохотным, проходящий поезд похож отсюда на ползущую гусеницу, дорога Лион — Гренобль тянется ниточкой, а человек едва заметен, совсем как булавочная головка. Растянувшись во весь рост у самого края пропасти и позабыв обо всем на свете, мы любовались этой величественной панорамой, пока один из лионцев не напомнил, что пора бы и закусить. Через полчаса мы вернулись на плато. Сложили костер, из проволоки сплели решетку и поджарили на ней бифштексы. Завтрак прошел очень весело. Отдохнув, около трех часов дня мы пустились в обратный путь, пьяные от солнца и свежего воздуха, с букетами подснежников, опустевшими флягами, счастливые, как школьники на капикулах, сожалея лишь о товарищах, которые, испугавшись подъема в гору, торчали теперь где-нибудь в душном кафе.

Прежде чем идти к себе на склад, я купил местную газету. Французские части высадились в Норвегии, где на различных участках идут ожесточенные бои между норвежскими и германскими войсками.

Югославия приняла решение направить в Москву делегацию для переговоров с целью заключить торговое соглашение.

Уже за полночь, а я еще пишу, хотя усталость после нашего сегодняшнего похода дает себя знать. За эти шесть месяцев я не раз спрашивал себя: есть ли смысл тратить время на дневниковые записи? И все-таки продолжаю.

22 апреля

Страшная катастрофа привела в волнение Ворепа: сегодня в полдень шедшая из Лиона автоцистерна с мазутом при выезде из населенного пункта врезалась в скалу. Мазут загорелся. Два шофера, охваченные пламенем, выбросились из машины в ров. Солпаты из моей роты, тут же прибывшие к месту происшествия, подобрали несчастных и немедленно доставили их в гребнобльский госпиталь. Они были еще живы, но мало надежды на то, что их удастся спасти.

Каждый чем мог старался оказать помощь пострадавшим, локализовать пожар, обеспечить порядок и нормальное движение. Французы хотя и индивидуалисты, но в подобных обстоятельствах способны на чудеса: оперативность, инициатива, полная самоотдача.

В сегодняшних сообщениях указывается, что севернее Осло норвежские войска были вынуждены отойти. Прочитал также о вчерашних «достижениях» парижских военных трибуналов: Франсуа Николон, Эмильен Лабарр и Анри Прост за хранение листовок получили по четыре года тюремного заключения и оштрафованы на триста франков каждый; за такое же преступление итальянец Октавио Бансано получил пять лет тюрьмы, Арман Тио «за пропаганду лозунгов III Интернационала» приговорен к двум годам тюремного заключения, штрафу в пять тысяч франков и к пяти годам поражения в гражданских и политических правах.

23 апреля

Оба шофера скончались сегодня ночью в тяжких мучениях. Ко всему еще печальная подробность: один из них неделю назад получил освобождение от призыва в армию.

Английские войска, высадившиеся в Норвегии, соединились с норвежскими частями.

В газетах сообщается об аресте семидесяти четырех профсоюзных активистов, готовивших выпуск гектографированного издания газеты «Буа дез юзин». В их числе Рене Пуаро — бывший секретарь профсоюза металлистов Парижского района, Жан Кодомье, Рене

Кастанье, Марсель Мюнье, Шарль Никола — активный деятель профсоюза металлистов, Фурнье — работник профсоюза железнодорожников, Рене Перруо — бывший секретарь профсоюзного объединения химической промышленности, Сажетт — из профсоюза строительных рабочих, Рюш — из профсоюза служащих, и большое число железнодорожников из Нантера¹.

24 апреля

Кроме статьи де Кериллиса, ничего примечательного. Он пишет:

«Со стороны русских у Германии все новые и новые разочарования. — И директор «Эпок» разъясняет: — После окончания финской войны позиция СССР... меняется на глазах. Даже итальянские газеты отметили характер манифестации в Ханко (Финляндия), где русские взорвали памятник, поставленный в честь немца фон дер Гольца. А к тому еще отказ Кремля войти в «стальной пакт», и строительство оборонительных укреплений в русской Польше и Литве, и отказ Молотова вмешаться в скандинавские события и направить советский флот из Мурманска в Нарвик, дабы упредить англичан и французов, и упорное нежелание атаковать Швецию в спину, и подписание советско-югославского торгового договора, и внезапное появление лондонских и парижских военных сводок на первой странице московских газет...»

25 апреля

Парижский булочник Марсель Эрво и его жена, урожденная Алис Жюйо, за «коммунистическую пропаганду» приговорены Вторым военным трибуналом Парижа к пяти годам тюремного заключения и штрафу в пять тысяч франков.

¹ Рене Перруо был расстрелян нацистами в Шатобриане 15 декабря 1941 г. Пуаро и Мюнье восстановили ячейки ФКП и народные комитеты на предприятиях и в годы оккупации стали активными руководителями движения Сопротивления на местах.

26 апреля

Возобновлены отпуска, и первые пять человек из нашей роты, чисто выбритые и спяющие, уже отправились в путь. После пяти месяцев разлуки они вновь повидают своих жен и детей, на несколько дней вернуться к нормальной жизни. Отпуск! Сколько надежд, сколько радости сулит это слово!

В английском коммюнике указывается, что союзнические силы в Норвегии были вынуждены оставить позиции, которые они занимали в районе Лиллехаммер.

Вот еще одна выдержка из прессы:

«В результате полицейского расследования шестьдесят три рабочих котельных мастерских одного завода, выполнявшего заказы министерства национальной обороны, изобличены в том, что они активно занимались коммунистической пропагандой; их дела были переданы следователю Третьего военного трибунала Парижа. Пятьдесят три из них взяты под стражу».

Шестьдесят три рабочих на одном только предприятии! Возможно ли более убедительное доказательство полного провала кампании ненависти и клеветы, которая вот уже восемь месяцев ведется против Французской коммунистической партии!

27 апреля

Сегодня получил от Андраа письмо, куда менее оптимистичное, чем обычно. Материальные трудности, лишения сказываются на ее здоровье, и настроение у нее снижлв. Наши сбережения иссякли, целый месяц ей приходится жить на триста шестьдесят франков военного пособия, из которых она еще что-то выкраивает и раз в две недели посылает мне. Мы условились, что она сходит в палату и попросит, чтобы ей выплатили деньги, которые причитались мне в качестве депутатского жалованья. Эти несколько тысяч франков были бы весьма кстати, поскольку она уже несколько месяцев тщетно пытается найти работу.

В палате тянут с этим делом. Тамошние чиновники, безусловно, получили соответствующие указания. Поэтому я обратился к председателю палаты Эдуарду Эррио с письмом, которое начинаю так: «Я пишу вам не

для того, чтобы обсуждать вопрос о лишении меня депутатских полномочий. Спор этот будет решен после войны рабочими, если, конечно, меня не убьют на фронте. А пока что с меня довольно моего убеждения в том, что я не являюсь ни изменником родины, ни иностранным агентом, с меня довольно моего безупречного отношения к службе...» И я прошу дать указание, чтобы моей жене выплатили причитающиеся мне деньги.

Возымеет ли действие это письмо? Будущее покажет.

Читал в «Эвр», что в Норвегии начались бои за Тронхейм. Третий военный трибунал Парижа заседает теперь ежедневно и судит коммунистов. Вчера пятеро из них (в том числе две женщины) получили от одного года до пяти лет тюрьмы за распространение подпольного издания «Юманите». Среди них бывший секретарь партийной ячейки Монтрей-су-Буа Андре Сурдо.

Коммюнике, опубликованное бюро Союза профсоюзов Парижского района (оно было создано вместо незаконно арестованных и преследуемых товарищей), весьма красноречиво. Вот главное из него:

«В течение ряда месяцев некоторые профсоюзные деятели подвергаются полицейским преследованиям. Зачастую они выражаются в отправке в концентрационные лагеря или же в высылке. Эти преследования объясняются либо желанием отдельных лиц совершенно упразднить профсоюзную работу на своих предприятиях, либо основываются на доносах, которые, будучи по видимости анонимными, на самом деле исходят, безусловно, от сталинских агентов. Бюро Союза профсоюзов Парижского района всегда защищало активистов, преследуемых без каких-либо к тому оснований».

Нужны ли еще комментарии? Тут есть все: признание, что существуют концентрационные лагеря и что достаточно анонимного доноса, чтобы человека туда бросили, и отвратительный поклеп на коммунистов, выдаваемых за доносчиков.

28 апреля

Что делать в воскресный день, когда из-за капризной погоды — то проливной дождь, то яркое солнце — нельзя отправиться на прогулку в горы?

Как я это делаю ежедневно уже целый месяц, в двенадцать часов понес еду своей «побочной семье», но задержался там дольше обычного. Разумеется, главное — обеспечить детей обедом и ужином. Но ведь можно и по-другому оказать внимание ребятишкам, лишившимся отца: можно поиграть с ними, рассказать им забавные истории. Сегодня я не отказал себе в этом удовольствии и провел несколько приятных часов. Матэ была счастлива видеть, что щечки у ее детей порозовели, и для нее, в ее тяжком повседневном существовании, это тоже было праздником...

Пришел к себе на склад, почитал газеты, и это вернуло меня к мрачной действительности.

У меня впечатление, что в Норвегии дела идут не совсем гладко, потому что газеты несколько попритихли с победными коммюнике, которые печатались в начале операций. Читал я и о том, что итальянская печать все активнее выступает в пользу Германии. Не готовится ли Муссолини вступить в войну на стороне Гитлера? Однако что меня более всего возмутило, так это заявление Фернана Лорана и Владимира д'Ормессона в «Жур». Эти мерзавцы осмелились сказать: «Нет сомнения, что в течение нескольких лет Германия еще в большей степени, чем СССР, стояла за спиной Французской коммунистической партии, то есть за спиной ее действительных руководителей. Она их подкармливала. Она оказывала им поддержку».

Нет, реакция неисправима! Перед войной 1914 года она обвиняла Жореса в том, что он «немецкий агент», и вложила оружие в руки того, кто стал его убийцей, как раз перед самым началом военных действий. Она же преследует нас сегодня своей звериной ненавистью. Кто переживет нынешнюю войну, не должен этого забывать!

29 апреля

Моих друзей по роте, как правило, куда больше занимают всякие мелочи казарменной жизни, нежели военные операции. Разве что речь идет о событиях выдающихся. К примеру, подписание договора между Советским Союзом и Германией, свидание Гитлера и Мус-

солини на Бреннере вызвало много разговоров и прогнозов о скором окончании войны. Оживился интерес и в связи с началом операций в Норвегии; этому способствовал безмятежный оптимизм газет с их сенсационными заголовками: «Германские войска в мышеловке», «Английские минные поля в Балтийском море не позволяют Германии снабжать свои войска, высадившиеся в Норвегии» и т. п. Кое-кто считал уже, что немцы обращены в бегство, окружены, взяты в плен. А сегодня — холодный душ. Многие говорят: «Похоже, что нас просто надули». Более чем когда-либо прессу обвиняют в «засорении мозгов».

30 апреля

«Эвр» публикует заявление Пижинье, бывшего депутата и мэра Малакофа. Этот бывший коммунист говорит, что надо набраться мужества и отречься от Советского Союза и Коммунистического Интернационала. Пижинье был одним из первых, кто изменил нашему идеалу, и, по правде сказать, слова его меня не удивляют. Я всегда замечал у него левацкие, анархистские замашки. Помню, как однажды в Сен-Дени он явился на один из наших митингов во время избирательной кампании 1936 года. Вместо того чтобы выдвинуть против правительства убедительные доводы, он уснастил свою длинную речь резкостями, даже бранью — фасад, за которым, на мой взгляд, всегда скрывается пустота или недостаток коммунистического воспитания, что для парламентария-коммуниста весьма серьезный минус. Пижинье принадлежит к числу тех, кто считает, что их большой практический опыт дает им право перестать учиться, а между тем о своем теоретическом росте мы должны заботиться систематически и непрерывно. Кто не движется вперед, тот отстает. И это полностью относится к Пижинье.

Помню также, сколько бесплодных усилий было затрачено членами общества «Друзья СССР» сектора в Ванв-Малакофе, чтобы убедить Пижинье в необходимости создать у себя в городе отделение нашего общества. Он с этим не желал согласиться и отказывался помогать товарищам. Во время одного нашего разговора

в палате я старался убедить его, что, знакомя людей с Советским Союзом, мы тем самым показываем им, что наш идеал не утопия, поскольку он осуществляется на одной шестой части земного шара, а для коммунистов это источник их веры в будущее. Он оборвал меня: «Обстановку в Малакофе я знаю лучше тебя». Ясно, что такому вельможе учиться незачем. И то, что он уступил под натиском враждебной пропаганды, меня не удивляет.

В связи с его отступничеством я думаю о молодых людях, с которыми встретился в Сен-Дени прошлой зимой во время отпуска: они прошли всего лишь начальную партийную школу, но зато какая высокая сознательность, какое мужество! Этого недоставало бывшему депутату Малакофа. Да, честь и слава В. И. Ленину за то, что он создал революционную партию нового типа! Без нашей партии у коммунистов не было бы той уверенности в победе, какая живет в них вопреки всему тому, что пишут и делают против нас¹.

¹ В связи с этой записью о Пижинье хотелось бы подчеркнуть, что задним числом я ничего в своем дневнике не менял. Я исправил лишь отдельные неудачные фразы, но чувства, в свое время в них выраженные, остались в неприкосновенности — это было необходимо, чтобы дневник не утратил ценности документа. Зато теперь по нему можно уточнить наше отношение к фактам отступничества в нашей парламентской группе. Отступничество это проявлялось по-разному: были негодяи, которые перешли на службу к буржуазии и выступили против своих прежних товарищей; были люди неустойчивые, оставившие нас из страха перед завтрашним днем, перед материальными трудностями, но в то же время не присоединившиеся к хору антикоммунистов; другие не понимали истинных причин заключения советско-германского договора, но в период оккупации кое-кто из них участвовал в Соппротивлении и в известной мере осознал ранее совершенную ошибку. В то время мы были непримиримы ко всем тем, кто нас оставил, особенно если это были депутаты парламента, и мы не делали между ними различия, тем паче что огромная масса членов партии оставалась единой и вела борьбу с исключительной самоотверженностью. Такая твердость диктовалась обстановкой. Главное состояло в том, чтобы сохранить партию, которая не знала бы иной цели, кроме служения своему народу. И партия должна была жить в каждом из своих членов, чтобы просвещать обманутый народ, чтобы уберечь его от отчаяния и указать путь спасения преданной Франции. Любое отступничество использовалось против нашей партии, чтобы попытаться ослабить ее, и фактически оказывало услугу врагам нашей страны.

1 мая

Встав утром, я спел «Интернационал» — пел вполголоса, для себя: я это сделал в честь Дня международной солидарности трудящихся. Многим товарищам, которые мне сегодня встретились, я пожимал руку, говоря: «И все-таки с праздником! Да здравствует 1 Мая!» В глазах у людей светился огонек надежды.

В полдень, как обычно, отнес еду для семьи Матэ, а ребятишкам — немного шоколада.

Вечером мы с Пари отправились в кафе «Каскад» послушать передачу Московского радио. Хозяйка устроила нас в кухне, чтобы укрыть от любопытных взглядов. Передачу всячески глушили, но главное мне все-таки удалось разобрать. Во-первых, заявление Ворошилова о том, что Советский Союз намерен и впредь проводить политику мира, и еще очень волнующий рассказ какой-то польской писательницы: «Подготовка ко дню 1 Мая на освобожденной украинской земле».

Весь день у меня было хорошее настроение — никаких мрачных мыслей. Напротив, даже какой-то душевный подъем. Врагу не так-то легко подавить чувства, которыми охвачены наши сердца.

Газеты сообщают об ожесточенных атаках немцев в Норвегии и об аресте в Париже членов центра по распространению коммунистических листовок, которым руководил Марсель Витте — один из бывших руководителей «Авангарда». Вместе с ним арестованы Сюзанна Вигуру, Жозеф Латрей, Морис Берлемон, бывший боец Интернациональных бригад Жорж Болоре и Бланш Сомвиль; все они предстанут перед судом военного трибунала.

2 мая

Главная тема сегодняшних разговоров в роте — выплата денежного содержания. Считается, что мы находимся в прифронтовой зоне, и мне выдали максимум того, что может получать солдат 2-го класса, то есть на две недели 12 франков и 4 пачки табаку.

В то же время унтер-офицерам выдали приблизительно 120—130 франков, иными словами, в десять раз

больше, чем рядовым солдатам. И вот целый день шли горячие дебаты по поводу того, почему столь велика разница между жалованьем солдата и сержанта, при том что уровень общей и военной подготовки у них почти одинаков.

Думаю, что правительство сделало это для того, чтобы как-то задобрить унтер-офицеров, которые живут бок о бок с солдатами и служат связующим звеном между ними и офицерами. Все солдаты считают себя обиженными и находят, что жалованье у них очень низкое.

В Норвегии после ожесточенных боев союзники эвакуировались из Домбоса, и южная часть страны, по-видимому, вот-вот окажется в руках гитлеровских армий.

Всякий раз, как мы терпим неудачу, правительство пытается отвести от себя гнев народа. Этим, конечно, объясняется то, что сегодня на первых полосах под крупными заголовками публикуется сообщение «Ажанс Радио», согласно которому «Морис Торез находится в Германии, в Великом герцогстве Баденском, и имеются точные сведения о деятельности, которой он там занимается в полном согласии с гитлеровским правительством и под его защитой». Однако от опубликования этих «точных сведений» почему-то воздерживаются¹.

Не случайно, что те же изолгавшиеся газеты одновременно печатают антикоммунистический «манифест», подписанный двадцатью одним бывшим депутатом, в числе которых Життон, Девез, Капрон, Фурье, Вала, Пижинье, сенатор Кламаю, муниципальный советник Парижа Виталь Гэман.

3 мая

Союзные войска в Норвегии, действовавшие южнее Тронхейма, снова погрузились на суда.

Впервые статья 76 Уголовного кодекса, предусматривающая смертную казнь, применена к арестованным несколько дней назад шести молодым коммунистам.

¹ Причина, впрочем, вполне понятна: и на этот раз речь идет о бессовестной клевете.

Кроме того, пять распространителей листовок, арестованных 27 января в Клиши, приговорены Третьим военным трибуналом Парижа к четырем годам тюрьмы, денежному штрафу в сто франков и пяти годам лишения гражданских и политических прав. Четвертый военный трибунал приговорил Луи Кузерна, специалиста, пользовавшегося отсрочкой от призыва в армию, к трем годам тюремного заключения, денежному штрафу в триста франков и пяти годам поражения в правах. Второй военный трибунал за попытку восстановить коммунистическую ячейку приговорил Жозефа Рено из Иври, имевшего отсрочку от военной службы, и Алину Монен к пяти годам тюрьмы и штрафу в сто франков условно: первого — учитывая его «безукоризненное поведение во время прошлой войны», вторую — как мать пятерых детей. В генеральном совете департамента Сена состоялись дебаты по поводу «коммунистических происков». Префект заявил, что с начала войны полиция арестовала 2170 человек и что в бывших коммунистических муниципалитетах многие лица отстранены от должности или уволены.

В сообщении министра почт и телеграфа говорится, что на 1 января остаток вкладов в сберегательные кассы превысил сумму взятых вкладов на один миллиард франков. Так что отнюдь не для всех война дело скверное. Впрочем, мы, солдаты, получающие в день двадцать су, нисколько в этом и не сомневались.

4 мая

Газеты публикуют сообщение о «неудаче франко-английских операций в Норвегии»; при этом подчеркивается, что «в обеих странах царит большое возбуждение».

Де Кериллис в «Эпок» пишет о том, что «русская проблема выходит на первый план». И он перечисляет, по каким причинам:

1. В Софии Народное собрание одобрило болгаро-советское соглашение, и один из депутатов большинства выразил удовлетворение по поводу того, что правительство Болгарии восстановило дипломатические отношения с Советским Союзом.

2. Югославия продолжает экономические переговоры с СССР. По сообщению агентства Гавас, «под видом экономических переговоров Москва, безусловно, стремится к политическому соглашению, чтобы оказать давление на Италию».

3. Венгрия, по-видимому, в свою очередь склонна начать экономические переговоры с Советским Союзом.

4. Советский Союз, должно быть, поставил Германию в известность о том, что враждебные действия против Швеции он будет рассматривать как недружественный акт и не потерпит оккупации Аландских островов Германией.

Насколько же мы были правы, не поддаваясь тем, кто хотел втянуть нас в антисоветскую кампанию! Однако наша прозорливость не помеха для разгула репрессий. Так, арестовано еще двадцать семь наших товарищей в Домбале (департамент Мерт и Мозель), в Лонгви, в Нанси (среди них Тувенэн, бывший секретарь районной организации ФКП), в Лютзелузе, в Лионе (в их числе Марселлен, бывший мэр Во-ан-Велен), в Марселе, Дижоне, Сен-Назере и Бурже.

Сто двадцать пять коммунистов — некоторые из наших депутатов, осужденных на апрельском процессе, генеральные советники, мэры, профсоюзные руководители — сосланы в Вандею, на остров Иль-д'Йе, и будут заключены в форт Пьер-Леве (в их числе, как сообщают газеты, Рено Жан, Жан Дюкло, Филиппо, Ракамон), а восемьдесят других сосланы на остров Нуармуте, также в Вандее.

5 мая

Сегодня прошел слух, будто наш дорожно-строительный батальон расформирован. Стало быть, работы на дороге Гренобль — Лион, начатые с трехнедельным опозданием, будут вовсе прекращены.

В газетах сообщается, что с 11 мая солдаты призыва 1912 и 1913 годов освобождаются от службы и будут распущены по домам. Этим солдатам из резерва 2-й очереди по 47—48 лет. Зачем же надо было их мобилизовывать полгода назад, когда по обеим сторонам Рейна царило полное спокойствие, а сотни тысяч более

молодых мужчин не находил себе дела? Зачем освобождать их сегодня, когда газеты пишут, что Бельгия и Голландия предпринимают меры по усилению своей безопасности? Право же, постичь смысл решений нашего генерального штаба чрезвычайно трудно!

В лице коммунистов по-прежнему продолжают видеть врагов. Министр информации Фроссар принял решение два раза в неделю передавать по радио серию бесед на тему «о предательстве со стороны коммунистических лидеров».

6 мая

Ничего существенного.

7 мая

В Норвегии, в районе Нарвика, продолжаются бои.

8 мая

В палате общин большие дебаты по вопросу о ведении войны. Кабинет Чемберлена подвергается суровой критике со стороны лидеров оппозиции.

9 мая

Доверие Чемберлену в палате общин выразили только 250 депутатов, а 200 других в доверии ему отказали.

Газеты сообщают, что Голландия значительно усиливает свою оборону и что «приняты меры для отражения любой попытки вторжения в Англию с моря и с воздуха». Три недели назад те же самые газеты писали, что в Норвегии «блокирована половина германского флота», что «Германия попала в мышеловку» и т. п. И вот сегодня речь идет уже о том, что Германия способна вторгнуться в Англию с воздуха и с моря. Понять ничего нельзя.

В генеральном совете департамента Сена префект полиции Ланжерон «подвел итоги репрессиям за коммунистическую деятельность: арестован 2241 человек, запрещено 67 газет, распущен 321 профсоюз, закрыто 200 постоянно действующих партийных и профсоюзных пунктов, 666 избранных представителей лишены своих полномочий, арестовано 116 работников коммунальных служб, имена 1337 активистов сообщены военным властям, 673 человека исключены из списков лиц, пользующихся отсрочкой от военной службы, и отправлены в армию». При этом Ланжерон добавил: «На одном небольшом предприятии в пригороде Парижа, где имеется 425 рабочих, обезврежено 224 коммуниста»¹.

10 мая

Ничего существенного.

11 мая

Утренние газеты сообщают, что вчера в 5 часов 45 минут утра немецкие войска вторглись в Бельгию, Голландию и Люксембург; Гитлер взял на себя верховное главнокомандование. Германская авиация подвергла бомбардировке Антверпен, Амстердам, аэродром Брон около Лиона и другие французские города. В Швейцарии объявлена всеобщая мобилизация.

Ко мне на склад зашел лейтенант Бурбуссон поговорить о новостях и сообщил, что в ближайшее время меня переводят в роту водоснабжения. Сам он назначен в моторизованную часть, которая вскоре отправляется на фронт. На его вопрос, есть ли желающие ехать добровольно, готовность изъявили шесть саперов. Бур-

¹ Спустя пять недель гитлеровские войска вошли в Париж, и Ланжерон предоставил свой аппарат, который проводил антикоммунистические репрессии, в распоряжение оккупантов. По его приказу французская полиция 5 октября 1940 г. арестовала в Париже и его пригородах триста коммунистов; они составили первую партию интернированных в лагере Энкур (департамент Сена и Уаза), большинство из них через год были расстреляны в Шатобране.

буссон расстроен тем, что ни один унтер-офицер, в том числе и из тех, кто совсем недавно получил звание, не последовал их примеру. Он даже позволил себе резкости по отношению к своим подчиненным.

— Они очень горды своими блестящими тряпицами и в воскресенье будут щеголять в них на главной площади Ворепа, но отправиться туда, где стреляют, охотников не нашлось.

— Не их и не ваша вина, что они так настроены, — сказал я. — В этом виновато правительство.

Лейтенант Бурбуссон спросил меня, что именно я имею в виду. Я рассказал о решении министра информации дважды в неделю проводить по радио антикоммунистические беседы. Показал ему вчерашнюю газету со «списком трофеев» парижского префекта.

— Моральное состояние играет на войне очень важную роль, — сказал я. — Прежде всего необходимо точно определить, кто противник и какую опасность представляет он для страны. Девять месяцев Советский Союз и коммунистов изображали врагами Франции. Наоборот, ни в печати, ни по радио ничего не делалось, чтобы показать, что же представляют собой Гитлер, его теории, фашистские зверства в Германии и Италии, кровавые репрессии Франко против испанских республиканцев.

Только один пример: во Франции проживают беженцы из всех этих стран. Никто не предложил им публично поделиться своими воспоминаниями, дабы укрепить антифашистские чувства в нашем народе. Мало того, что этого не было сделано, было еще предоставлено широкое поле деятельности для «пятой колонны», прислуживающей Гитлеру¹.

У меня такое впечатление, что многие люди даже понятия не имеют, что же представляет собой фашизм в действительности. И виноваты в этом не они, а правительство...

¹ Дело обстояло даже хуже, чем я думал. Флоримон Бонт в своей последней книге «Немецкие антифашисты во французском Сопротивлении» («Les antifascistes allemands dans la Résistance française», Paris, 1969) показывает, что многие немецкие эмигранты были тогда арестованы и спустя несколько месяцев после разгрома Франции переданы вишистскими властями в руки гестапо.

Тут Бурбуссон меня перебил и поделился тем, как был он обескуражен, ознакомившись с моим личным делом, где я представлен «опасным подстрекателем».

— Вы могли убедиться, что я не придаю значения вашим политическим убеждениям, и я об этом не жалею. Склад у вас содержится образцово, вы показали себя человеком, который любит порядок.

«Человек, любящий порядок». При этой характеристике я не мог сдержать улыбку.

Разумеется, строго по секрету лейтенант сообщил мне, что из штаба пришел запрос по поводу моих ежедневных визитов в «какую-то коммунистическую семью». Я объяснил ему, в чем дело, и он с возмущением воскликнул:

— Нас считают шпиками! Но какой же негодяй мог на вас донести?

Затем Бурбуссон сказал, что война действительно началась, и я поделился с ним моими опасениями.

— Не знаю, как в других местах, — сказал я, — но что касается нас, то все мы тут либо саперы-подрывники, либо понтонеры. В Меце, где я проходил действительную службу, нас обучали нашей военной специальности. Но с тех пор прошло почти двадцать лет, и я уже все забыл. Мои товарищи и офицеры, видимо, тоже. Между тем за девять месяцев, что я в армии, нас ничему не учили. Если завтра нам придется восстанавливать разрушенный мост, все от начала до конца придется осваивать заново. И это относится не только к саперным работам, но к военной подготовке вообще. В Лавале за полгода занятия с винтовкой и противогазом проводились всего один раз... Я не говорю, что надо заниматься с утра до ночи, но если бы нас тренировали раза два в неделю, мы получили бы минимум того, что необходимо в бою... и не так скучали бы в своей казарме.

Лейтенант ответил, что он вполне разделяет мои опасения и уже неоднократно обращал на это внимание вышестоящих начальников.

— Ничего, однако, не изменилось, — заключил он с раздражением.

Я счел необходимым подробно записать этот разговор. Кто знает, что нас ждет впереди? Мой дневник

будет свидетельствовать, что такие офицеры, как Бурбуссон, не поддались яду антикоммунистической пропаганды и вели себя, как подобает французским офицерам¹.

¹ К сожалению, фактом остается и то, что были офицеры, отравленные чтением фашистской прессы, куда более озабоченные своими личными удобствами, чем боевой подготовкой вверенных им подразделений. Таких жалких «руководителей» было немало. Но было бы неправильно всех валить в одну кучу. О многочисленных боевых подвигах, совершенных в июне 1940 г., написано мало работ. Среди них можно назвать книгу офицера Пьера Ордони «Пять дней Туля» (P. Ordoni, Cinq jours de Toul). 227-й пехотный полк, полк резервистов, которым командовал Ордони, невзирая на ожесточенную бомбардировку, длившуюся с 18 по 22 июня 1940 г., до конца защищал Туль. Выдающиеся подвиги были совершены французскими летчиками и т.д. Все это еще недостаточно известно.

Глава VII

РАЗГРОМ

12 мая

Сегодня воскресенье, троицын день. Ярко светит солнце.

По сообщению ставки главного командования, в результате вчерашних воздушных налетов на Францию среди гражданского населения убито более ста человек.

Гитлеровские войска ведут мощное наступление в Голландии, широко используя авиацию и парашютные десанты; они захватили города Арнем и Маастрихт. Под ударом находится и Бельгия. Союзники посылают на фронт большое количество войск.

Английский премьер Чемберлен, тот, что по возвращении из Мюнхена размахивал на аэродроме бумажкой, где значилось, что он, Даладье, Гитлер и Муссолини «обеспечили мир для целого поколения», ушел в отставку. Его место занял Уинстон Черчилль.

Утром узнал, что в составе группы из одиннадцати человек завтра отбываю в пресловутую роту водоснабжения, которая, по одним сведениям, находится в Боне, в районе Кот-д'Ор, а по другим — в Северной Африке.

Когда я с моим преемником производил инвентаризацию склада и собирал свои вещи, я заметил на шоссе необычное оживление: со стороны Лиона подходили военно-санитарные автобусы, которые двигались в сторону Гренобля, а оттуда шли машины, до отказа наполненные людьми и багажом, — это были жители Гренобля, эвакуировавшиеся в Лион.

Неделю назад я встретился здесь с товарищем Лантери, и в прошлый четверг мы условились, что пойдем

к г-же Матэ, которая пригласила нас в троицын день к себе на ужин. Сперва мы всячески отказывались, дабы не вводить ее в расход. «Да что вы, — сказала она, — я вас угощу грибами, которые сама собирала». Условились, что мы захватим с собой чего-нибудь сладкого и бутылку вина. Когда в десять вечера мы явились, нас ждала печальная новость. Встретил нас старший из детей, Вильям, что работает на ферме. Мальчишка был крайне взволнован. «Маме сегодня сделалось плохо, она харкала кровью, — рассказал он. — Мы вызвали доктора, и он отправил ее в гренобльскую больницу. Он же устроил в больницу моих братьев и сестер. Я буду ухаживать за собакой, за голубями и кроликами. С фермы я могу днем прибегать домой, ведь это же совсем близко...»

Славный маленький Вильям! Уже который день он встает в четыре часа утра и порой работает до десяти вечера. На ферме его кормят и платят немного денег. В свои пятнадцать лет мальчик уже вынужден взять на себя заботы о семье. Он несет их мужественно и с чувством ответственности.

Мы были очень огорчены, что не могли попрощаться с г-жой Матэ и ее детьми. Вильям им передаст, что мы заходили перед отъездом¹.

13 мая

В восемь часов утра грузовик увез нас из Ворепа. Спустя полчаса мы были в Гренобле, на сборном пункте 4-го саперного полка; отделение личного состава направило нас в казарму Бон, где находились склады материальной части, превращенные теперь в пункт временного расквартирования. Здесь нам предстоит провести двое суток до отправки в роту водоснабжения.

Что делать в такой погожий, солнечный день? Вместе с одним товарищем — он сам из Ронка, местечка в департаменте Нор, поблизости от моего родного города, — мы вышли побродить по набережной Изеры. Тут прогуливались влюбленные парочки.

¹ С тех пор об этой семье я ничего не слышал.

Газеты сообщают, что на участке между Северной Голландией и Сааром идут ожесточенные бои. Сломив бельгийскую оборону, гитлеровские армии форсировали канал Альберта; премьер-министр Бельгии заявляет тем не менее, что положение восстановлено. Бельгийское правительство производит аресты депутатов-коммунистов. Муссолини совещается со своим генералитетом; в Риме проходят антибританские выступления.

14 мая

В газетах сообщается, что гитлеровские войска продолжают ожесточенный натиск на голландские и бельгийские оборонительные линии южнее Тирлемона. Люксембург полностью оккупирован. Бельгийские беженцы толпами прибывают в Париж.

Стоит жаркая, сухая погода. Мы включены в группу по борьбе с парашютными десантами и должны быть в постоянной боевой готовности. Целый день присутствуем при отправке отрядов, сформированных из молодых солдат. Прислушиваюсь к разговорам: все прогнозы сходятся на том, что война закончится к зиме.

15 мая

Нам сообщили, что завтра в четыре часа утра мы отправляемся по-прежнему в неизвестном направлении. Не остается ничего другого, как слоняться целый день в расположении части, где царит большое оживление: одни прибывают, другие уезжают куда-то. На газеты набрасываются с жадностью.

Голландские войска на севере и на востоке прекратили сопротивление. По словам министра иностранных дел Голландии, ее армия насчитывала 400 тысяч человек; 100 тысяч убито¹. Германские войска заняли

¹ Я записал то, что читал тогда в газетах, не имея, разумеется, возможности проверить достоверность цифр и фактов, которые в них сообщались.

Лонгви и Седан. В коммюнике сообщается, что ожесточенное сражение развернулось на реке Маас. Особенно упорные бои идут в районе Седана и южнее Намюра.

16 мая

Навьюченные как верблюды, в составе группы из тринадцати человек в четыре утра мы отправились на гренобльский вокзал, где в пять часов сели в поезд, который через три часа доставил нас в Ливрон (департамент Дром). Обычная процедура: регистрация в канцелярии, после чего идем в расположение роты. Во вторую половину дня с каждым из нас в отдельности побеседовал капитан. Он долго смотрел мне в лицо, слушал мои ответы и вдруг спросил:

— Вы придерживаетесь своих прежних взглядов?

— Не понимаю, капитан, какое это имеет отношение к моей службе? — отпарировал я.

— Все понятно, можете идти! — грубо оборвал он разговор.

По словам «старичков», живется здесь вполне сносно: служба нетрудная, дисциплина терпимая, кормят прилично, от фронта далеко. Удивительно, что меня направили в такое место!

Вместе с товарищем из Ронка мы осмотрели Ливрон; благодаря присутствию здесь 4-го пехотного полка колоннальных войск в городке очень оживленно.

Газеты пишут, что от Намюра до Седана идут ожесточеннейшие бои. Южнее Седана немецкие войска укрепились на левом берегу Мааса, где ведутся яростные контратаки. В Бельгии бои идут на подступах ко второй оборонительной линии Антверпен — Лувен. Королева Голландии вместе с голландским правительством эмигрировала в Англию.

Как бы это ни казалось невероятным, но даже в момент, когда Франции угрожает вторжение, военные трибуналы продолжают «бить по своим». Так, Третий военный трибунал приговорил вчера к пяти годам тюремного заключения, пяти тысячам франков штрафа и пяти годам поражения в правах муниципальных советников Парижа Леона Фро и Рене Ле

Галя¹, мэра Мезон-Альфора Вассара, мэра Монтрея Супе, а также Рене Морье, Вая, Боннена и машинистку-стенографистку Маргерит Риго; к четырем годам тюрьмы приговорен Элуа Лану, к двум годам — Дюпуа и Оменье, к одному году — Эстев и Генен; в отношении Анри Ледюка вынесен оправдательный приговор. Вассар и Супе отмежевались от компартии.

Во всех коммунах создаются отряды обороны из местного населения.

17 мая

Мы здесь не засиделись: из прибывших вчера тринадцати саперов шесть, в том числе и я, завтра утром будут отправлены в форт Модан, на итальянскую границу.

Двое ребят из моей команды изрядные пьяницы; еще в Вореппе они получили две недели карцера за пьянство, но это их не исправило. Третий сказал нам вчера, что он савояр, действительную военную службу проходил в Сирии; он тоже любитель выпить и вчера вечером опять изрядно набрался. Четвертый, по фамилии Патейрон, — родом из Эперне, бывший каменщик, ныне владелец бакалейной лавчонки. И, наконец, пятый — рыботорговец из Марсея.

Теперь я понял смысл вчерашнего разговора с командиром роты: он решил, что от таких людей лучше избавиться, и отправил нас подальше...

В газетах сообщается, что все немецкие атаки между Антверпеном и Намюром отбиты и что форты Льежа продолжают оказывать сопротивление. На реке Маас произошли кровопролитные бои. Шалон-сюр-Марн, Витри, Аррас подверглись ожесточенным бомбардировкам. Сообщается, что президент Рузвельт призвал Италию не вступать в войну.

18 мая

В семь утра грузовичок доставил нас в Валанс. Здесь мы сели в поезд на Гренобль и уже в третий раз

¹ Спустя два года нацпсты явились за ними в тюрьму «Клерво», чтобы расстрелять их.

за эту неделю проехали Ворепп (ну и организация!). Монмелпан... Сен-Жан-де-Морьен... Сен-Мишель... По мере того как мы поднимались вверх, зеленая долина, по которой мы ехали, оставив Гренобль, сменялась все более голыми горами. Домикши из серого камня, говорящие о бедности их обитателей, высохшая земля, суровый ландшафт...

В Модан прибыли в три часа дня. У вокзала уже ждал грузовичок, который довез нас до казармы. Воздух довольно прохладный — высота 1000 метров над уровнем моря, а вчера, рассказывает шофер, даже выпал снег. Многие жители выехали из города, и он напоминает, скорее, военный лагерь; преобладают альпийские стрелки. До Италии всего несколько километров.

В казарме 71-го горнострелкового батальона нам встретилось десятка три солдат старших возрастов из запаса второй очереди, прибывших сюда совсем недавно. Они объяснили нам, в чем заключается их работа: отыскание источников воды и прокладка водопровода. Оказывается, командование узнало, что одна из здешних казарм снабжается водой, поступающей с итальянского склона горы, и оно опасается, как бы в случае итало-французского конфликта фашистские войска не отравили источник. Все очень удивляются, что все это обнаружилось только теперь...

Лейтенант, который командует нашим отрядом, вечером сообщил нам, что немцы достигли департамента Эна и что, поскольку положение серьезное, завтра, в воскресенье, нам придется поработать. На возражение одного из саперов он ответил весьма резко. Вообще он производит впечатление человека раздражительного и вспыльчивого, который даже и не пытается в чем-то убедить своих подчиненных.

Первый вечер в Модане прошел неудачно: прибывший с нами пьяница до часу ночи никак не унимался, двое других с восторгом принимали его гнусные, сальные шутки.

19 мая

Первый день на месте работ. Добирались туда пешком два часа. Под палящим солнцем кирками пробивали

скалу, рыли каменистый грунт, проросший корнями. Проработав часа три, два часа снова шли пешком на обед в казарму. Все вконец измотались, и о том, чтобы шагать еще четыре часа после обеда, не было и речи: мы заслужили отдых, и нас назначили во внутренний наряд.

Парижские газеты сюда не доставляются. Новости узнаем только по радио. Бои идут между Самброй и севернее Ретеля. Бельгийский штаб сообщает, что его войска отошли на новые позиции.

20 мая

Сегодня утром опять отправились на работу, однако после обеда полпути нас провезли на машине, а вечером она прибыла на то же самое место, чтобы доставить нас в часть. Работа тяжелая, не говоря уже о том, что четыре раза в день по два часа приходится шагать пешком!

Днем стало известно о назначении Вейгана. Эта новость была встречена одобрительно, но всех интересует причина отставки Гамелена.

Вечером вместе с Патейроном зашли в кафе. Мы слушали на кухне радио, когда к нам подошел какой-то солдат в форме альпийского стрелка и с понимающим видом сказал:

— Офицеры объяснили нам, что мосты через Маас не были взорваны, потому что охранявшие их солдаты-коммунисты не выполнили приказа. На захваченных территориях коммунисты помогают бошам, служат им проводниками...

Я тотчас оборвал этого жалкого субъекта:

— Либо тебе и впрямь все это наплели офицеры, чтобы свалить на солдат вину генералов, либо ты сам придумал эту ложь, чтобы натравить одних солдат на других, и тогда ты негодяй и раскольник!

Бледный от злости, он не нашел, что ответить, разом опрокинул свой стакан, расплатился и улизнул. Я спросил у хозяйки, знает ли она этого типа. «Не знаю, — ответила она, — должно быть, из отряда, прибывшего сегодня днем».

21 мая

Между половиной двенадцатого и двенадцатью ночью объявляли воздушную тревогу, но мы не заметили ни одного самолета, и наши зенитки не открывали огня.

Проработав целый день, вечером пришли в кафе послушать радио. Здесь лучше слышен Милан, чем французские радиостанции. С изумлением узнали, что немецкие войска достигли Амьена и Арраса, что генерал Жпро и штаб 9-й армии захвачены в плен.

Со вчерашнего дня настроение моих товарищей сильно изменилось: еще вчера, узнав о назначении Вейгана, они были полны надежд, а сегодня — во власти самого мрачного пессимизма — они уже видят гитлеровские войска в Париже. Я им напомнил, что в 1914 году немцы подошли к самой столице, но были отброшены победой на Марне. Разубедить их мне не удалось... Ведь эта война так не похожа на прошлую.

После передач на французском языке из Милана слушали швейцарскую радиостанцию. Во французском коммюнике говорится о стратегическом отходе войск в Бельгии и об отражении мощной немецкой атаки в районе Монмеди, на западном фланге «линии Мажино». И затем сразу же: «Совет министров принял новый, более быстрый порядок рассмотрения дел, касающихся преступлений против государственной безопасности. Введены карточки на сахар...»

Нет, мне это не приснилось: немцы действительно находятся в Аррасе и Амьене, а правительство занято преследованиями — разумеется, коммунистов — и карточками на сахар! До чего же все это грустно...

22 мая

Сегодня в районе работ дважды объявлялась воздушная тревога, но самолетов мы не видели.

Читал в газете «Пти дофинуа»: Поль Рейно заявил в сенате о том, что немцы форсировали Маас в результате наших собственных просчетов:

1. Эту реку ошибочно считали трудно преодолимой преградой.

2. Армия генерала Корапа, оборонявшая Маас, состояла из плохо обученных дивизий, укомплектованных неопытным командным составом.

3. Половина пехотных дивизий этой армии вышла к Маасу уж после начала немецкого наступления.

4. Другие ошибки (к примеру, не были взорваны мосты).

Премьер-министр говорил о «разгроме, о полной дезорганизации армии Корапа». Он подтвердил, что Аррас и Амьен заняты противником, и наконец признал, что «наша классическая концепция ведения войны натолкнулась на совершенно новую концепцию».

23 мая

На работах мне достается тяжело. Дурные вести влияют на настроение, да и работа идет без всякого плана. Впечатление такое, что наш лейтенант ничего в этом деле не смыслит. Под палящим солнцем нас заставляют бесцельно переносить с места на место груды камня и земли. Мы с Патеироном уже совершенно без сил, сегодня даже не пошли слушать радио, хотя очень хотелось узнать последние новости. Ничего не поделишь, узнаем завтра утром. У меня одно желание: спать, спать, чтобы забыться. Никогда я не был так разбит — физически и морально.

24 мая

В казарме невообразимая суматоха. Солдаты со всем имуществом перебираются выше в горы — решено усилить оборону фортков. Только наш небольшой отряд остается здесь. Мы получили указание спать не раздеваясь, вещи держать наготове, чтобы по первому сигналу сняться с места.

По сообщению радио немцы форсировали Шельду в районе Оденарда и прорвали фронт между Аррасом и Бапомом. Упорные бои в районе Булонь-сюр-Мер.

Распорядок дня все тот же: утром и после обеда — на земляных работах. Много разговоров о войне — либо в машине по дороге на работу, либо вечерами в казарме. Ежедневно ходим в кафе слушать французское и швейцарское радио. На обратном пути обсуждаем новости.

У многих вера в победу подорвана. «Если нам не помогут американцы, мы пропали», — говорят одни. Другие ругают газеты: «Нам много месяцев подряд внушали, что немцев можно сломить блокадой. Но все это ерунда, Гитлер слишком силен». А кое-кто прямо говорит об измене генералов. Растерянность полнейшая.

Мои соседи по комнате точно не представляют, как складывались события, которые привели нас к нынешнему положению. Вечером попытался им это разъяснить. Они уразумели простую стратегическую истину, что Германию можно победить лишь в том случае, если вынудить ее сражаться одновременно на два фронта — на Западе и на Востоке. В этом смысле мюнхенский сговор явился преступлением против Франции, потому что он отдавал врагу нашего союзника Чехословакию. Другое преступление состояло в том, что были отклонены советские предложения об организации коллективной безопасности. Я разъяснил им также, что преследование коммунистов и разнузданная антисоветская кампания, развязанная в самом начале войны, не способствовали созданию в нашей стране атмосферы единства, столь необходимой для оказания отпора захватчику. Мои слушатели задали много вопросов, и так мы проговорили почти три часа. Впервые за всю неделю, что мы в Модане, в комнате царила иная атмосфера: не слышно было обычных глупых и скабрёзных историй, все глубже задумались над тем, что происходит, и стали лучше понимать, кто виноват в той трагедии, которую переживает наша страна.

Я изменил свое слишком поспешное, слишком поверхностное мнение о четырех товарищах, любителях спиртного: они не остались безучастны к общему разговору. Попенял я на себя и за то, что за последние два дня поддался унынию: ему не может быть места, когда столько добросовестных людей введено в заблуждение

и наш долг разъяснить им правду. Думал я и о Габриэле Перри и о «Юманите», которых нам уже давно так не достаёт! Если бы не наши газеты, если бы не такие четкие, такие убедительные международные обзоры Габриэля, моя сегодняшняя беседа была бы невозможна. Словом, я заснул с тем же чувством удовлетворения, какое испытывал до войны после какого-нибудь собрания, когда на лицах его участников я читал, что они понимают и одобряют нас. Это чувство дано испытать только коммунисту, даже если, как сегодня, кажется, что все вокруг рушится¹.

26 мая

С утра — на работе, после обеда — отдых. С почтой пришло наконец письмо от Андрэа. Она очень тревожится за своих родных и каждый день ходит на Северный вокзал встречать поезда с беженцами, которые целыми эшелонами прибывают из Бельгии и из пограничных французских департаментов. Пока все безрезультатно. Боюсь, если немецкое вторжение продолжится, родители Андрэа окажутся отрезанными на время войны...

На пятый день «битвы во Фландрии», как говорится в военных сводках, ожесточенные бои идут в районе между Камбре и Валансьенном. Мы продолжаем удерживать Кале и Булонь. В Бельгии англичане снова отошли. Гитлеровские армии используют, по-видимому, самолеты-сирены и свистящие бомбы.

В Москву выехала английская торговая делегация. Если бы это было на полгода раньше!

Депутат от Лавалья Феликс Пра погиб на фронте.

27 мая

В департаменте Нор немцы продолжают наступление и, по сообщениям радио, после упорных уличных боев заняли Булонь.

¹ Арагон в своем романе «Коммунисты» пишет, что как раз в этот день, 25 мая, министр авиации в правительстве Рейно обратился к Советскому правительству с просьбой немедленно предоставить Франции боевые самолеты. Через несколько часов Москва сообщила, что она ждет французских представителей для переговоров. Последние прибыли лишь 22 июня, после подписания перемирия.

Трагедия, постигшая нашу страну, сопровождается бесчисленными личными драмами. И тут мне хочется записать то, что я слышал от Патейрона. Он мне рассказывает о себе каждый вечер по дороге из кафе, так что его историю я запомнил наизусть.

Патейрон — маленький кругленький человек с румяной физиономией и торчащими усиками. Отец его — из Лимузена, мать — уроженка департамента Марна. Женат он уже пятнадцать лет, у него десятилетняя дочь, Мишлина. Патейрон жил в Дизи — маленьком местечке, насчитывающем три тысячи жителей, в двадцати километрах от Реймса. По профессии каменщик, он не мог найти работу и вынужден был оставить свое ремесло. Собрав по крохам небольшую сумму денег и кое-что взяв в долг, Патейрон за семь месяцев до начала войны открыл в Мажанта, предместье Эперне, небольшое кафе с бакалейной торговлей при нем. Дела у него шли неплохо. Его заведение посещали в основном железнодорожники, а так как оно находилось напротив церкви, то заходили сюда и люди после погребальной церемонии. Патейрон рассказывал, что от похорон по церковному обряду он имел больше, чем от светских похорон. «Видишь ли, во время богослужения люди неверующие приходили посидеть в кафе», — объяснил он мне. Я понял также, что Патейрон умел уживаться с людьми. Его предшественник охотно клал денежки в свою кассу, но очень туго из нее вынимал, а Патейрон, напротив, когда требовалось, мог и угостить кого следовало. Дело, совсем было захиревшее, стало процветать, и через год он мог уже полностью выплатить 20 тысяч франков отступного. Война не нанесла ущерба его доходам — кафе всегда посещали военные, которых в этих краях было множество. Короче говоря, бывшему каменщику из Дизи будущее рисовалось в радужных красках, и он мечтал о выгодной партии для своей Мишлины...

Вот уже двенадцать дней Патейрон встревожен, хотя и старается не показывать вида. Во время работы он, как всегда, находчив, балагурит, и от него здорово достается марсельскому рыботорговцу. Ко всеобщему удовольствию, Патейрону не так-то легко заткнуть рот. Но две недели не иметь писем из дому и сидеть без гроша в кармане, в конце концов, не очень весело. Не

один раз я угощал его табаком, а вечером в кафе платил за его вино. Пате́йрон принимал это неохотно: он из тех людей, которые не любят одалживаться. Впрочем, он ничего и не был мне должен, потому что я тоже сидел порой без денег и тогда он тратился на меня. Однако такой уж у него характер, говорил он, а в сорок лет меняться поздно.

Вчера в шесть вечера, после возвращения с работы, как обычно, раздавали письма. Наконец-то получил письмо и мой приятель. Сидя на койке, Пате́йрон вдруг воскликнул: «Мой дом разрушен!» И, еле сдерживая рыдания, он прочитал нам письмо от своей жены. «Каждый день, — писала она, — немецкие самолеты бомбят станцию Эперне. Одна бомба упала на шоссе, как раз против нашего дома. От него остались только стены: ни окон, ни дверей — ничего больше нет. Мы сидели в подвале и потому остались живы. Мэр сказал, чтобы я подсчитала стоимость ущерба, но я не знаю, как это делается. Мы переехали к твоим родителям. Потрясенная происшедшим, Мишлина заболела. Когда мы слышим теперь шум самолета, мы не находим себе места...»

Сдерживая слезы, Пате́йрон продолжал читать; погруженные в тяжелые раздумья, товарищи молча обступили его. Когда он кончил, все были в растерянности, не зная, чем помочь его горю. Тогда я сказал:

— Послушай, старина, ведь главное, что жена и дочка живы. А убытки, которые ты понес, тебе возместят после войны.

— Это, конечно, верно, но пока-то я разорен...

Как товарищи его ни уговаривали, какие ни приводили доводы, утешить его было невозможно. Вся его жизнь, все надежды были связаны с этим маленьким кафе...

Днем Пате́йрон пошел к лейтенанту и попросил отпуск на три дня, чтобы съездить домой и определить на месте причиненный ущерб. Однако инструкциями такие отпуска не предусмотрены, и ему было отказано. В полном отчаянии Пате́йрон даже не брал сегодня в руки лопаты. Он рассказывал о своей беде каждому, кто его слушал. Целый день он бродил как потерянный. Вечером, чтобы его немного отвлечь, я повел его в кафе. Но и здесь — в который уже раз! — он всем и каждому го-

ворил о своем несчастье. Он возмущен, что ему не дают отпуска. Отвлечь его невозможно. Вернувшись в казарму, он написал длинное письмо жене и посоветовал ей переехать к ее родителям в Лимузен. «Когда я увидел, что дело принимает плохой оборот, я ей уже десять раз писал об этом, но она не решается уезжать. На этот раз я объяснил ей, что она должна это сделать. Плохо будет, если она не послушается...»

Весельчак и заводила Патеирои становится невыносим...

28 мая

Во Фландрии после упорных боев немцы вышли к Менену, у самой французской границы. Наши войска отошли в район Валансьенна.

Вчера с десяти вечера до двадцати минут первого ночи заседал совет министров, а утром, в половине девятого, Поль Рейно объявил, что бельгийский король капитулировал. Это известие быстро дошло и до нас. Настроение у всех подавленное.

29 мая

Утром получил письмо от Андреа: «С ужасом я узнала о том, что Амьен и Аррас оккупированы. Последнее письмо от родных датировано одиннадцатым мая, а пришло оно девятнадцатого. Сообщают подробности о событиях десятого мая. Ренет пишет, что у них было одиннадцать воздушных налетов, во время последнего над городом пролетело двадцать пять немецких бомбардировщиков. Стоял адский шум, и отец — ведь ему уже семьдесят три года! — больше не решается выходить из дому. Мама, к счастью, не из робкого десятка и, как всегда, держится молодцом... Но кто знает, что там произошло после этого письма! Каждую минуту жду, что они вот-вот появятся. На улице расспрашиваю водителей автомашин с номером департамента Нор. Ежедневно часами просиживаю на вокзале в надежде кого-нибудь встретить и хоть что-то разузнать. Написала сестрам, чтобы приезжали сюда, и здесь мы все решим. И я жду, жду и жду... Да, как ни храбрись, времена наступили прескверные...»

30 мая

Измена короля Бельгии Леопольда и капитуляция трехсоттысячной бельгийской армии ставит в тяжелое положение англо-французские войска на севере. С упорными боями они отходят к побережью. Газета «Пти дофинуа» указывает, что на бельгийского короля сильное влияние оказали советы генерала Ван Оверстратена и депутата-социалиста Анри Де Мана.

В Норвегии союзники заняли Нарвик.

31 мая

Команда из двенадцати человек отправляется завтра в Бур-Сен-Морис, в районе Шамбери. В эту команду попал и Патейрон: для него это еще одно огорчение.

Войска на севере отходят в укрепленный район Дюнкерка. Сэр Стаффорд Крипс назначен послом в Москву, где недавно подписано соглашение между Югославией и Советским Союзом.

1 июня

В ближайшие дни, сообщает «Пти дофинуа», Муссолини выступит с важным заявлением по вопросу о международном положении и позиции его страны. Итальянская печать становится все более агрессивной, и «Пти дофинуа» добавляет, что вступление Италии в войну ожидается еще до конца будущей недели.

2 июня

Вот уже несколько дней, как у меня на ногах появились большие нарывы, так что сегодня утром пришлось обратиться к врачу.

Без четверти девять — сирена. Хватаю каску, противогаз и бегу в траншею, вырытую около казармы. Застаю там двух солдат. Просидели целый час, обсуждали главную проблему дня: как поведет себя Италия. Раз-

дался сигнал отбоя. Прошел еще час. Вдруг шум самолета. Смотрим в небо — ни единого облачка. Над нашими головами пронесется трехмоторный бомбардировщик. Трах-тах-тах... Треск пулеметов. Сомнения нет — самолет со свастикой. Прижимаемся к земле. Самолет, не сбросив ни единой бомбы, пытается набрать высоту, но, видимо, безуспешно и улетает в сторону Италии. Чуть позже, придя в казарму, узнаем что, когда самолет пролетал над нами, он был уже подбит и потом разбился в нескольких километрах за Моданом.

В одиннадцать часов врач решил отправить меня в госпиталь. «У вас может начаться гангрена», — сказал он.

Вечером пришло письмо от Андрэа. Как и все эти полгода, она сообщает новости о депутатах-коммунистах. Она встретила Титину Лозерэ, жену депутата XI округа Парижа. Та показала ей извещение от финансового инспектора о том, что муж ее должен уплатить штраф — два миллиона франков. Это общая сумма штрафа, которую обязали выплатить совместно всех наших товарищей, но она заносится в счет каждого из осужденных. Предварительно инспектор вычел из штрафа 495 тысяч франков, то есть общую сумму, внесенную ими в свое время в пенсионную кассу. Отсюда следует, что правительство не остановится перед тем, чтобы покрыть часть штрафа за счет конфискации взносов, сделанных депутатами-коммунистами в пенсионный фонд. Еще одна подлость, только и всего.

Андрэа пишет, что депутаты, осужденные условно, отправлены на Иль-д'Йе. Остальных в субботу, 18-го числа, в полночь внезапно перевели из тюрьмы «Сантэ»: десять человек отправили в Пуатье, десять — в Анжер и десять — в Лимож¹.

3 июня

Госпиталь расположен неподалеку от казармы. Делать здесь абсолютно нечего — остается только писать

¹ В действительности, как пишет Флоримон Бонт в книге «Дорога чести», девять депутатов-коммунистов были переведены в Пуатье, восемь — в Анжер и девять — в Нпор (а не в Лимож).

да читать. В Модане я успевал заносить в свой дневник лишь беглые, короткие записи. Теперь можно будет привести их в порядок. После отъезда из Гренобля я запустил и свою переписку.

Днем получил письмо от Робера Помье¹. На нем дата: 28 мая. «Благодарю за твое письмо от 20-го. Читал его при весьма печальных обстоятельствах. Из Эльзаса, где мы находились на отдыхе, нас за сорок восемь часов перебросили на север, в район боевых действий. Попали мы в самое пекло с задачей задержать мощное немецкое наступление. То, что мне довелось увидеть, дорогой Фернан, просто невероятно. Самое страшное — это самолеты, которые с пикирования ведут пулеметный огонь, и артиллерийские обстрелы. Пока что я цел и невредим, но сколько людей погибло! Все мы измотались вконец и сейчас, когда я пишу тебе, бомбы падают рядом с нашими позициями, меньше чем в трехстах метрах. Братски тебя обнимаю...»

Вечером читал «Человека из Лондона» Жоржа Сименона. Уж нет ли тут связи с происходящими событиями? Я от этой вещи не в восторге. С удовольствием почитал бы Виктора Гюго или Золя — не все их вещи я знаю. Но в здешней библиотеке эти книги отсутствуют.

4 июня

«Пти дофинуа» сообщает, что многочисленные немецкие эскадрильи бомбили Париж и Парижский район: сброшено более тысячи бомб. Из двухсот жертв сорок пять убитых. Американский посол спасся чудом. Газета сообщает также, что англо-французские части во Фландрии продолжают эвакуироваться через Дюнкерк, подвергающийся сильным бомбардировкам. Из-под удара гитлеровских армий удалось вывести 300 тысяч человек. В эвакуации участвовало более двух тысяч судов.

¹ В течение всего периода «странной войны» я старался не терять связи с сотрудниками общества «Друзья СССР», мобилизованными в армию. К их числу принадлежал и Робер Помье. 22 июня во время боев, которые вела его часть, отступая из района Арденн до Сен-Дье, он попал в плен, в 1943 г. бежал из Германии.

Сегодня читал «Ночной хоровод» Сема. Это серия новелл, написанных в разное время и иллюстрированных самим автором. Отдельные новеллы, вроде «Подпольного дансинга» (1920), «Аргентинского танго» (1910), мне понравились. Прочитал еще «Парижские сказки» Леона Фраппе. Та же наблюдательность, та же любовь к детям, что так мне симпатичны в его книге «Детский сад». Многие сказки яркие и занимательны, и это очень отвлекает от мрачных раздумий.

5 июня

По данным газет, последствия фашистских авиационных налетов на Париж куда более серьезны, чем сообщалось вчера. Общее количество жертв составляет 906 человек, из них 254 убитых. В качестве ответной меры французская и английская авиация бомбила Мюнхен, Франкфурт и объекты в Рурской области. Последние сухопутные и морские подразделения, оборонявшие Дюнкерк, эвакуированы в Англию.

Сообщается, что Советский Союз торопит Прибалтийские государства с укреплением их обороны.

Утром у меня повысилась температура. Это встревожило сестру, но врач ее успокоил.

Получил сегодня письмо от Дельфоса, отличного товарища, который первым в Лавале пришел ко мне поговорить, как должен вести себя в наших условиях коммунист. Дельфос пишет:

«С 11 мая не получаю писем от своих. Я начинаю думать, что они не успели эвакуироваться. Лихорадочное ожидание вестей о дорогих тебе людях ужасно, но, следуя твоему совету, постараюсь не падать духом и сохранять выдержку. Веру в будущее, будущее нашей прекрасной Франции, в ее более счастливую жизнь, которую построят люди, достойные называться людьми, я не утратил и не утрачу никогда...»

6 июня

Немцы начали новое мощное наступление на фронте шириной более двухсот километров — от Северного моря до Эны. «Их атаки были отражены», — пишет «Пти

дофинуа». Но можно ли этому верить? Во время воздушных налетов немецкой авиации на юго-восточные районы 25 человек убито и 75 ранено. Авиация союзников вновь совершила налеты на Мангейм, Людвигсхафен, Ульм, Мюнхен, где подожгла химический завод «Бадиш анилин».

Даладье, де Монзи и Сарро вышли из правительства. Почему? Загадка.

В центре и на юге нашей страны насчитывается уже более 5 миллионов беженцев, в том числе 3 миллиона французов из северных и восточных департаментов и Парижского района, 2 миллиона бельгийцев, 70 тысяч люксембуржцев, 50 тысяч голландцев.

7 июня

На фронте от Северного моря до Шмен-де-Дам бушует сражение. Гитлеровским армиям, которые ввели в бой более двух тысяч танков, удалось продвинуться на обоих флангах. Авиация наносит массированные удары как по передовым позициям, так и по тылам.

«Пти дофинуа» сообщает, что «коммунист Оноре Карлаван, мясоторговец из Пейменада (департамент Приморские Альпы), вчера приговорен к десяти годам тюрьмы и штрафу в десять тысяч франков за пораженческую пропаганду». «Пораженческая пропаганда» — лихо сказано!

Большинство солдат здесь, в госпитале, предсказывают победу Гитлера. Свои прогнозы они основывают — увы! — на неоспоримых фактах: немецкие армии повсюду удерживают инициативу в своих руках и за несколько недель полностью овладели Северной и Восточной Францией.

8 июня

По всему фронту продолжают упорные бои. В наступлении принимают участие 40 немецких дивизий. В сводке генерального штаба сообщается: «Наши передовые части отошли в полном порядке... уничтожено 400 вражеских танков». Воздушное сражение тоже не

утихает; за сутки французские самолеты сбросили в немецких тылах более 100 тонн бомбового груза, а английская авиация бомбила склады горючего в Гамбурге и Киле.

Вот как объясняет «Пти дофинуа» «реорганизацию правительства»:

«Итальянская пресса указывает, что г-н Даладье не вошел в состав нового кабинета в связи с его непримиримой позицией в отношении Италии. Визит Лаваля президенту республики также рассматривается как показательный с этой точки зрения, и один римский журналист задает вопрос, не остается ли г-н Пьер Лаваль в резерве на случай очередной пертурбации, которая раньше или позже, когда созреет соответствующее решение, может произойти. Таким образом, итальянские дела явились, по-видимому, определяющим фактором в последней реорганизации правительства, которая может иметь для Франции далеко идущие последствия».

9 июня

На фронте от Северного моря до Эны продолжают бои. Немецкие бронетанковые части достигли Форж-лез-О в районе Дьеппа. На Сомме семь гитлеровских бронетанковых дивизий, введенных в бой два дня назад, получили в качестве подкрепления двадцать свежих дивизий, в результате чего наши войска вынуждены были отойти на новые рубежи. Восточнее Уазы противник укрепился на южных высотах Эны. Эта фраза из коммюнике умышленно сформулирована так туманно, чтобы трудно было понять, где же в действительности находятся немецкие войска. Вражеская авиация бомбила железнодорожные станции в окрестностях Парижа.

Врач сказал мне сегодня: «Вот вы и поправились. Завтра вас выпишем!» А днем ко мне явился сержант и сообщил, что пришел приказ снова направить меня в роту водоснабжения. Такой же приказ получил и льеонец Крике. Обоим нам предстоит вернуться в Ливрон, хотя строительные работы еще не закончены. Пути начальства неисповедимы!..

10 июня

В полдень мой попутчик ждал меня в вестибюле госпиталя. Хорошо, что мне пришло в голову посмотреть выданные ему документы: среди них не было посадочного талона. Сержанта Депланка едва не хватил удар. Со всех ног он помчался в канцелярию, вернулся назад, и мы трое сели в госпитальную машину, которая подвезла нас полпути до вокзала. Жара стояла невыносимая. Красные и потные — багаж у нас был тяжелый, — мы прибыли на станцию Модан вовремя, тем более что поезд из Италии на час опоздал. Несколько пассажиров сошло.

В половине четвертого мы были в Монмелиане. Пересадки на гренобльский поезд пришлось ждать три часа. Мы устроили свои вещи и отправились за газетами. В них сообщалось, что немецкие колонны приближаются к Руану.

В станционном буфете, куда мы зашли съесть взятый с собой завтрак, мы услышали по радио ошеломляющую новость: Италия объявила войну Франции и Англии, военные действия начинаются в полночь... Только этого удара в спину нам и не хватало!

11 июня

В шесть часов выехали из Гренобля. Поезд на Валанс переполнен солдатами, и каждый высказывает свое мнение по поводу решения Муссолини. Некоторые говорят, что итальянцы плохие вояки, другие вообще плохо о них отзываются, в том числе и об эмигрантах-антифашистах, нашедших себе убежище у нас в стране.

Стоянка в Валансе двадцать минут. Состав с женщинами и детьми, эвакуированными из Парижского района, подходит к станции одновременно с нашим поездом. Схожу на платформу. Из окон вагона выглядывают заспанные рожицы истинно парижских ребятшек. Это дети рабочих парижской компании электроснабжения. Они серьезны и сосредоточенны, во всем слушаются своих наставников. Бегу из купе в купе, спрашиваю, нет ли кого из Сен-Дени. Никого нет. Почему вдруг эта внезапная надежда встретить Андрэа

в эшелоне с беженцами? Ведь это же бессмысленно! И я едва успеваю вскочить в свой поезд.

В девять часов прибываем в Ливрон. Перед самой станцией, в нескольких метрах от железнодорожного полотна, замечаем воронки от немецких бомб. Подробности нам рассказали в казарме: в прошлую субботу немецкие самолеты бомбили станцию. Были разрушены пути и телефонные линии. В воскресенье от роты водоснабжения выделили команду для восстановительных работ. В половине десятого, когда солдаты, перебрасываясь шутками, собирали осколки — «будешь торговать ими в качестве сувениров», — неожиданно раздался грохот моторов и посыпались бомбы. Старший капрал Фонтанье и один сапер были убиты на месте. Сигнальная сирена не действовала.

Фонтанье находился в Ливроне с самого начала войны. Жена его, живущая в Лионе, приезжала к нему каждый месяц. Она могла надеяться, что здесь, далеко от немецкой границы, ее муж до конца войны будет в безопасности. И вот она вдова...

Придя в канцелярию, узнаем, что нам переменяли части назначения: мой приятель Крике переведен в полк тяжелой артиллерии, где-то в департаменте Верхние Альпы, а меня назначили в 440-й саперный батальон в Жексе (департамент Эн) на швейцарской границе. Отбываем завтра утром.

Встретился я с Б., вместе с которым мы служили в дорожно-строительном батальоне в Вореппе. Четыре дня он находился при штабе в Валансе. Шестидесять-семьдесят человек, которые там служат, — почти сплошь молодые люди «с деньгой». Большинство из них питается в ресторане, а многие даже приезжают на работу в автомобиле. «Послушать только, какие у них взгляды! А уж как они поносят русских и коммунистов!..» — с негодованием говорит Б.

Крике вообще считает, что вся эта штабная братия, окопавшаяся в Ливроне, — либо предприниматели, либо крупные коммерсанты. И начинает перечислять... «Ну, а киркой да лопатой всегда ворочают одни и те же!» — заключает он.

Люди, которым это на руку, только и говорят о двух солдатах, убитых на прошлой неделе, давая понять, что здесь не менее опасно, чем на фронте.

Днем ходил в прачечную кое-что постирать. Одна женщина из местных рассказала мне, что уже пятый месяц не получает писем от мужа, который служит на севере солдатом.

В пять часов вечера, после ужина, Шарле — семья его живет в Ронке, департамент Нор, — рассказал мне, что ему ничего не известно о судьбе родных, оставшихся в оккупированном районе.

Жара спала, и Шарле предложил мне сходить набрать вишен: «Завтра в поезде они будут тебе очень кстати». В полотняных штанах и тапочках на босу ногу мы поднялись в самую верхнюю часть Ливрона. До чего же приятно скинуть с себя шинель и куртку, насквозь пропитанные потом и пылью!

Из-за отсутствия рабочих рук урожай в садах не убран. Вишневые деревья сгибаются под тяжестью спелых плодов. Каждый из нас набрал по полной сумке вишен, да и на месте мы наелись вдоволь.

Солнце клонится к закату, воздух чист и прозрачен, вокруг тишина. Глазу открывается чудесная панорама Ливрона с его фруктовыми садами и зелеными рощами. Но ни эта мирная картина, ни этот безмятежный покой не могут заставить нас забыть о трагедии, постигшей нашу родину. На обратном пути я не удержался и сказал, обращаясь к Шарле:

— Прошел еще один день, и тысячи таких же парней, как мы, навсегда простились с жизнью...

На это мой спутник глубокомысленно ответил:

— Остается только одно: жить сегодняшним днем и меньше думать о будущем.

12 июня

Взяв свои вещи, мы с Крикe снова направились на вокзал, к поезду на Валанс.

Стоянка четыре часа. Перекусили в военной столовой в компании двух новобранцев. Один из них, эльзасец, трижды повторил мне на своем диалекте, что Селеста — замечательный город.

В Лионе расстался с Крикe. Шесть часов ожидания. В газетном киоске купил «Ясность» Анри Барбюса в дешевой фламмарноновской серии.

Парижские поезда доставляют толпы беженцев; люди мечутся по платформе, окликают друг друга. Поставив в уголке свои вещи, я помог какой-то молодой женщине перенести ее багаж с одной платформы на другую. Удивительное совпадение: она оказалась из Сен-Дени и даже живет со мной на одной улице! Мы не были знакомы. Она направляется в Бордо, куда эвакуировалось ее предприятие. «Газет нет уже два дня, а немцы в Шантильи», — замечает она. С трудом пробравшись по загроможденному тюками и переполненному людьми коридору, она еле втискивается в вагон. Я вернулся на свою платформу, к которой уже подошел другой состав. Из вагона вышел пожилой мужчина в черном вечернем костюме, белой сорочке и... шлепанцах. Дама с тремя нарядно разодетыми детьми. Толстая женщина с поломанным зонтиком в руке. Белобрысые и голубоглазые молодые фламандцы, о чем-то беседующие на своем языке. Какие-то парижанки в летних шляпках, скромно, но элегантно одетые. Семейство с маленькой собачонкой.

Сидя на своем ранце, я с грустью смотрю на этих несчастных людей, на эти печальные картины исхода. При виде совершенно растерянной женщины с тремя малышами у меня сжалось сердце. Но человек ко всему привыкает... Взяв свой ранец, я покидаю платформу — печальный символ поруганной Франции.

Поезд на Амберье подходит к перрону. Я занял место почти в пустом вагоне. Усевшись, открыл банку рыбных консервов в винном соусе, но сделал это так неудачно, что соус пролился; всю дорогу потом в купе пахло рыбой. Рядом, забившись в уголок, сидит женщина с бледным как мел лицом. «Бомбы мне не страшны, — объясняет она, — но жить рядом с бошами я не в силах. Вот и решила перебраться к брату в Амберье, он железнодорожник». Сидящая напротив дама одобряет такое решение. Угощаю их ливронскими вишнями, делюсь своими воспоминаниями о немецкой оккупации в период прошлой войны.

Поезд останавливается на каждой станции. Входят новые пассажиры, в основном юноши и девушки. С беззаботностью молодости они громко и весело шутят. Для этих шестнадцати-семнадцатилетних ребят война представляется чем-то вроде не слишком опасного вида

спорта. Однако очень быстро они переходят совсем на другие темы и начинают рассказывать друг другу о своих домашних и служебных делах.

В Амберье мне указали военную столовую, где я с дороги поел. Потом побрился и пошел в комнату отдыха. Там я, не раздеваясь, сразу лег спать на покрытый грязным покрывалом матрас, положив под голову вместо подушки свою куртку и шинель.

13 июня

Какая отвратительная ночь! В два часа проснулся от холода: промасленная бумага, которой было заклеено окно, оказалась прорванной, а в дощатом потолке зияли огромные щели. Я ворочался с боку на бок, но так и не мог уснуть. В четыре часа утра встал и направился к вокзалу. Вчера тут было довольно спокойно, а сегодня полно гражданских.

Вскоре нас собралось четверо военных, ожидавших поезда из Лиона. Вошли в вагон. Две девушки, спавшие на деревянной скамейке, проснулись. Одна из них тотчас вынула из сумочки целый набор туалетных принадлежностей, накрасила губы, подвела брови и ресницы, напудрилась, другая же просто умылась в туалете. Оказалось, они сестры, беженцы из Парижа. На другой скамье под умиленными взглядами своих мамаш спали трое ребятшек.

Завязывается разговор. Парижанки рассказывают, что в столице выходит теперь одна-единственная газетка, которую совместно выпускают три бывших газетных издательства. «На моей улице, — говорит одна, — не осталось ни единой лавки: молочник, бакалейщик, аптекарь, мясник — все уехали». «А поглядеть только, что делается на дорогах! — добавляет ее сестра. — Все бегут, женщины везут детские коляски, молодые люди тянут за собой тележки. Люди уходят куда угодно, только бы подальше от Парижа!» Вдруг одна из мамаш восклицает: «Целый месяц я не имею писем от мужа. И кто мог ждать такого от Даладье и Гамелена. А мы в них так верили! Они предали нас». И она раздражается рыданиями.

Никто не проронил ни слова. Все молчали, погруженные в свои думы, свои заботы. Так продолжалось до Бельгарда. Тут все ринулись к выходу. Кто-то свалил мой ранец, стоявший в проходе. Люди ступали по нему, не обращая внимания.

В Бельгарде мне предстоит ждать поезда четыре часа. Поев, зашел в комнату для военнослужащих, а потом занялся своим дневником, как я это делаю всегда, когда выпадает свободная минута.

В десять часов уехал в Жекс, куда прибыл через час. Комендант станции, капитан, проверил мои документы, но указать, где расположен штаб 440-го саперного батальона, моей новой части, не мог. Какой-то мужчина в штатском говорит, что он находится там-то, и любезно провожает меня до середины пути. Чуть дальше, когда я уже подымался в гору, навстречу мне попались два жандарма: «Не туда идешь, КП батальона переехал вчера за двадцать километров отсюда». Пройти пешком двадцать километров в гору с моей поклажей мне не под силу. К счастью, какие-то два солдата, направлявшиеся в столовую, вывели меня из затруднения: «Пошли с нами, там встретишь ребят из 440-го батальона».

Но тут новая неудача: «Четвертая рота? Не знаем, мы из второй. Оставь свои вещи и езжай машиной, которая привозит нам пищу». Спустя полчаса шофер мне объяснил: «Машина четвертой роты приходит ежедневно около четырех часов. Я обедаю с ребятами из этой роты, обычно они останавливаются в таком-то кафе...»

Снова беру свои вещи и пускаюсь на поиски названного кафе. Мне повезло: там я встретил шофера, посыльного, каптенармуса. «Клади сюда свое барахло и дожидайся нас!»

Часа через три они вернулись. Вместе с другими солдатами, которые ехали в 4-ю роту и здесь назначили место встречи, я кое-как устроился в автофургоне на груде мешков и бочек. Поехали. Моросил дождь. Кое-где вдоль дороги попадались дома. Ландшафт изменился — вокруг одни ели. Под нами раскинулась широкая долина. Поднимаемся все выше и выше. У каждой гостиницы или шале остановка; солдаты забегают узнать, есть ли почта для отправки, предлагают газеты. Дорога все время идет в гору. Я дремлю, внезапно просыпаюсь

на крутых поворотах. Жителей не видать — лес, дорога и больше ничего. С винтовкой на плече проезжают республиканские гвардейцы, производящие осмотр местности.

В некоторых местах дорога частично перекрыта проволочными заграждениями, сваленными деревьями. И все время этот несносный дождь. Но вот наконец-то мы прибыли. Несколько домиков, новенький деревянный барак, столовая и в пятидесяти метрах — Швейцария.

Из канцелярии меня ведут в один из домов, где я застаю семь солдат. Знакомимся, и мне показывают мою койку. Обедаю со своими новыми товарищами. Тут я узнаю, что немцы приближаются к Парижу, что союзники оставили Нарвик и ушли с норвежской территории. На итальянской границе, наоборот, все тихо — там не сделано ни единого выстрела.

После обеда лег отдохнуть — настолько измотали меня эти трое суток, проведенные в пути. В ушах все еще звучали рассказы парижских беженцев, голова была свинцовой, глаза болели от ослепительного солнца.

14 июня

Вчера сдал в канцелярию справку, выданную мне при выписке из госпиталя, в которой врач указал: «Освобождается от несения службы на четыре дня». Стало быть, сегодня я свободен и потому встал поздно, в девять часов, выспавшись и хорошо отдохнув.

Более внимательно рассмотрел помещение: просторная комната с тремя рядами коек, большой стол, около него две скамьи, натопленная печь, умывальник. Свет падает через большое окно, выходящее на швейцарский склон горы. Трое солдат, простоявших в карауле без перерыва с девяти вечера до семи утра, храпят на своих койках; их вымокшие шинели сохнут над печкой.

Выхожу во двор. По-прежнему моросит надоедливый редкий дождь. Справа и слева домики, где живут солдаты. Чуть ниже — особняк, тоже деревянный, в нем помещается ротная кухня. Там же живет командир роты, по словам моих новых товарищей, славный ма-

лый, архитектор из Межева. Еще дальше — большой барак. Это кафе и солдатский клуб.

Рядом — Швейцария; полуметровой высоты стена, сложенная из старого камня, обозначает границу. Кое-где, теряясь в соснах, стена тянется до самого горизонта. Позвякивая колокольчиками, по той стороне проходит стадо коров; трое отдыхающих солдат, видно, из крестьян, подходят к стене и ласково гладят животных.

Таким предстало передо мною местечко под названием Табаньоз в департаменте Юра. По обеим сторонам дороги взад-вперед ходят часовые, расставлены рогатки. Около кафе беседуют таможенник и два республиканских гвардейца.

Вечером, когда пришли газеты, мы узнали, что Париж, объявленный открытым городом, не будут оборонять¹, и прочитали обращение Поля Рейно к американцам. У меня впечатление, что мы на грани катастрофы. Мои товарищи по комнате, савойские крестьяне, тоже это чувствуют. Они в растерянности и пытаются найти какое-нибудь решение. Один говорит: «Их надо впустить в Париж, а когда они войдут, тут их и окружить да взять в плен!» Другой: «Вот упились бы они до одурения, как в четырнадцатом, тогда уж им крышка!» Третий, с надеждой в голосе: «К счастью, прибывают американские самолеты». Входит парень, сменившийся с поста, и сообщает: «Республиканские гвардейцы — а эти-то уж всегда все знают — сказали, что солдаты и офицеры из передовых немецких отрядов уже разъезжают в метро...» Капрал, молодой горец, отвечает на это: «Вот они и есть настоящие пораженцы. Их бы и

¹ По поводу объявления Парижа открытым городом в «Истории Французской коммунистической партии» сказано, что в начале июня Бенуа Фрашон от имени руководства ФКП поручил Жоржу Политцеру передать правительству предложения по организации обороны столицы. В них повторялись — с некоторыми уточнениями — предложения, выдвинутые в подпольном номере «Юманите» от 17 мая 1940 г. Речь шла о том, чтобы удалить из правительства пораженцев и предателей, отменить чрезвычайные меры против коммунистической партии и распущенных профсоюзов, обезвредить фашистских агентов, привлечь широкие народные массы и использовать их инициативу для оказания отпора гитлеровскому вторжению. Разумеется, эти предложения во внимание приняты не были.

надо арестовывать. Вообще-то я в чудеса не верю, но все-таки надеюсь, что произойдет нечто непредвиденное и победа Гитлера сорвется».

Время обеда. Мясо дали — не прожужешь, и все начинают ругать этих «лодырей-поваров, которые любят поспать, а заниматься готовкой им некогда».

После обеда ребята зовут меня поглядеть на коров. Я иду с ними к пограничной степе. «Славная скотина», — восхищается один. «Такая стоит тысячи три, не меньше», — говорит второй. Третий вслух рассуждает: «А они тебе скажут: сто франков за корову, это десять или двадцать марок, и ты ничего не сможешь возразить... — Потом он спохватывается: — К счастью, до этого еще не дошло...»

Я предлагаю им сходить в клуб и выпить по стаканчику красного. Администратор клуба подсчитывает выручку: «Сколько же я сегодня наторговал! Видать, от плохих новостей людей па вино потянуло!»

15 июня

Всю ночь в нашем районе не прекращалась тревога — товарищи не сомкнули глаз. Они вернулись вымокшие и совершенно разбитые. Отдохнули часа два и отправились на оборонительные работы: надо было перенести рогатки на другое место и т. п. Я пошел вместе с ними. Все встревожены, цепляются за малейшую надежду. Надеются даже на то, что «русские ударят по немцам с тыла». Ходят самые различные слухи. Днем, например, поговаривали, что швейцарцы готовы пропустить немцев через свою территорию. Мои товарищи-солдаты, доверчивые и простодушные крестьяне, готовы поверить в самую невероятную ложь¹. Не очень убежденный сам, я все-таки пытаюсь внушить им, что не все еще потеряно, и это их немного успокаивает. Они прислушиваются ко мне как к «парижанину», а то, что я, имея освобождение врача, пошел тем не

¹ Теперь уже точно известно, что гитлеровские агенты во Франции имели своих людей, обычно членов фашистских организаций, специально проникавших в среду беженцев и распространявших всевозможные слухи, чтобы посеять панику или усугубить ее.

менее вместе со всеми на оборонительные работы, еще более укрепило мой авторитет.

До нас доносится артиллерийская стрельба, но стреляют, видимо, где-то далеко.

16 июня

По дороге Табаньоз — Коль-де-ля-Фосий в день проходит обычно всего несколько машин. Сегодня с утра их стало гораздо больше. Во многих автомобилях, набитых вещами, за рулем сидят офицеры, едущие вместе со своими семьями. Наш капитан — своих солдат он называет на «ты» и охотно выпивает с ними — понял, что на его подчиненных это зрелище производит гнетущее впечатление, хотя они невзирая на усталость не отказываются ни от какой работы. Капитан безуспешно пытается убедить нас в том, что эти офицеры «выполняют какое-то задание», но они, мол, не могли отказать беженцам и посадили их в свои машины.

А число беженцев растет: детишки на деревенских повозках, мужчины и женщины на велосипедах, измученные долгими часами пути. Капитан проявил великолепную инициативу: приказал раздавать желающим кофе и горячую пищу. Правда, запасы продовольствия у нас иссякают.

Одна женщина, проезжавшая в автомашине, рассказала, что войска «линии Мажино», которым угрожало окружение, оставили свои позиции, а немцы взяли Безансон.

Какое грустное воскресенье!

17 июня

С двенадцати до трех ночи простоял в карауле — охранял заминированный участок дороги. Погода холодная, небо покрыто тучами, идет дождь. Тишину нарушает лишь позвякивание колокольчиков: по другую сторону границы мирно пасутся коровы. Через каждые пять минут издали слышны оружейные выстрелы, похожие на далекий, приглушенный гром.

Спал с половины четвертого до половины седьмого, потом меня разбудили, и я снова дежурил без перерыва до семи часов вечера.

Несколько месяцев здесь стояла небольшая противотанковая пушка, и солдаты из 220-го саперного батальона научились из нее стрелять; сегодня пушку перевезли вглубь, поближе к Жексу. Вместо нее установили три ручных пулемета. Нас здесь всего сорок человек, и мы должны оборонять дорогу против передовых частей противника. «Такими малыми силами?» — недоумевают мои товарищи. Оптимисты уверяют, что в течение дня наверняка подойдет резерв. Но если нам предстоит оборонять эту позицию, тогда зачем увезли пушку? Закрадывается мысль: уж не собираются ли пожертвовать нашей небольшой группой, чтобы попытаться задержать немецкое наступление?..

А пока что на дороге разыгрывается подлинная трагедия.

С утра до вечера идут санитарные машины, тяжелые грузовики, всевозможные автомобили, мотоциклы, велосипеды. Едут люди в штатском, но попадаются также солдаты и офицеры с осунувшимися, изможденными бессонницей лицами. Невероятная сутолока, а ко всему еще мелкий, морозящий дождь... В то же время некоторые подразделения проследовали в относительном порядке — командиры их не бросили своих людей на произвол судьбы и не потеряли управления над ними, но это редкие проблески чего-то отрадного на фоне, в общем, удручающей картины.

Наши повара, эти «неисправимые лодыри», как их называли еще три дня назад, из кожи вон лезут, лишь бы обеспечить беженцев горячей пищей, хотя бы самых изголодавшихся, ибо накормить всех — увы! — невозможно.

Здесь, в Табаньоце, нет ни электричества, ни радио. Мы чувствуем себя отрезанными от всего мира и жаждем новостей. Среди дня кто-то сказал, что «группа военных захватила власть и запросила у Гитлера его условий мира». К вечеру какой-то мужчина, направлявшийся в автомашине в соседнее местечко, дал нам номер «Пти дофинуа». В последних сообщениях там говорилось, что Поль Рейно ушел в отставку и маршал Петэн сформировал правительство из высокопо-

ставленных военных, куда вошел и военный министр Вейган. Председатель сената Жаннелей и председатель палаты Эррио якобы оставили свои посты.

Я задумываюсь над тем, что же все это означает. Военная диктатура, как мне кажется, может преследовать две цели: она будет добиваться от Гитлера возможно менее тяжелых условий мира (отсюда в правительстве Фланден и Жорж Бонне) и постарается подавить в стране малейшее республиканское движение, малейшее недовольство, всякую свободу. Я думаю также, что подобная диктатура означает соглашение с Гитлером для войны против Советского Союза. Бесспорным мне кажется то, что гонения на коммунистов примут еще более суровые формы, и произойдет это очень скоро.

Пока что мои товарищи придерживаются другого мнения. Некоторые даже радуются тому, что к власти пришли «твердые люди». «Политиканство и бесконечные речи — вот что нас погубило», — замечает один. «Сорокачасовая рабочая неделя!» — добавляет другой. Молодые говорят: «Перемирие — это ужасно». Люди постарше им возражают: «А какого черта и дальше губить людей, раз уж все равно все потеряно?» Один солдат, из крестьян, человек неразговорчивый, заявляет просто: «Для меня все едино — как гнул спину на своем клочке, так и буду гнуть». Да, помимо всего, это сказалось и на человеческом сознании.

18 июня

В полдень пришел приказ: эвакуировать Табаньоз, оставив только двадцать пять человек во главе с сержантом для прикрытия взвода подрывников, которые в последний момент должны будут взорвать дорогу.

Свалившись без сил, я проспал всего два часа. Меня разбудили, плеснув в лицо холодной воды: «Давай, Гренье, поднимайся, через час снимаемся!»

Надев ранцы и с винтовкой за плечами шагаем вниз по дороге, к Жексу. Дождь перестал. Ночь тихая и звездная. Кто-то запекает шуточную песенку про саперов. Никто не поддерживает. Каждый занят тем, чтобы поудобнее приспособить свой ранец, всех

гнетет мысль о близящемся поражении. Через час разговоры затихают, а вскоре прекращаются вовсе. Тишину нарушает лишь шум наших шагов, тяжелых шагов навьюченных людей, и команды: «Правее!» Это солдаты, поставленные в хвост колонны, предупреждают о том, что сзади нас автомашины или велосипеды. Проезжает много гражданских. Республиканских гвардейцев и жандармов не видно — они исчезли.

Три часа. Четыре. Пять. Мы шагаем, словно автоматы. Колонна растягивается все больше и больше: многие устали и отстают; люди спят на ходу, спотыкаются, падают и поднимаются вновь, проснувшись от внезапного падения.

Подъем на Коль-де-ля-Фосий был мучительным. Мы повстречались с колонной мотоциклистов, направлявшихся в сторону Табаньоза: они остановились у обочины дороги, чтобы оказать помощь одному из шоферов, которого задело автомашиной; бедняга стонет; товарищи перевязывают ему окровавленную руку. Чуть подалее — попавший в аварию грузовик; у дороги, закутавшись в плащи, молча сидят марокканские солдаты и ждут, когда шофер устранит неисправность.

До вершины мы добрались уже на рассвете. Саперы-подрывники ждут, чтобы взорвать дорогу: это должно задержать продвижение вражеских колонн на Жекс. Мы встретили и другие подразделения 440-го батальона, ожидающие приказа отходить. Во время пятнадцатиминутной стоянки какой-то солдат предлагает мне випа. Оказывается, люди предприимчивые уже успели совершить набег на подвал какого-то дома, брошенного хозяевами. И вот винные бутылки опорожняются одна за другой.

После короткой остановки снова на марше. Погода портится. Вскоре начался проливной дождь. Шагаем среди потоков воды. Наконец в семь часов на поляне, окруженной низким лесочком, большой привал. Позже, днем, когда дождь прекратился, внизу под собою мы увидели Жекс, а вдали, на горизонте, — Женевское озеро. Пока же мы растянулись на мокрой траве и почти все крепко уснули. Привал продолжался до вечера, прерываемый абсолютно бессмысленными построениями. И вдруг приказ: «Всем перейти в укры-

тие!» Мы мчимся в лес. Через час еще приказ: «Немцы в трех километрах. Всем на позицию!» Унтер-офицеры расставляют нас между деревьями, лицом к дороге из Коль-де-ля-Фосий на Жекс. Многие солдаты даже не умеют зарядить винтовку, так что один помогает другому. Поднимается ветер, порывы его гнут деревья и кусты. Семь часов вечера. Перед нами, всего в нескольких метрах, та самая дорога, по которой должны прийти немцы. Тревожная, напряженная тишина тяжким гнетом нависла над ничтожной горсткой людей... Уже почти совсем темно. Рядом со мной с винтовкой в руках молча стоит солдат. Он фермер из департамента Эн; за рыжий цвет волос и медно-красные усы товарищи прозвали его Рыжиком.

— Ну как дела, старина? — обращаюсь я к нему.

— Могли бы быть и получше. У меня жена, две дочери, есть скотина, шестнадцать голов. Вот я и думаю...

— Не тужи, дорогой, все будет в порядке!

— Пожалуй, что немцы теперь уже в наших краях, и, если они заберут мой скот, мы пропали!

— А почему ты думаешь, что они уже там? Но пусть даже ты останешься без своих коров, ведь главное, чтобы жена и дети были живы и здоровы. Если, на худой конец, придется начинать сначала, ну что ж, засучишь рукава, поднатужишься! Основное — это не терять мужества, тогда все преодолеешь. Живой человек всегда должен надеяться на лучшее.

— Кто знает, может, ты и прав!..

Ветер усиливается. Тут к нам присоединяется еще один парень. В темноте видна лишь его высокая фигура. Подходим ближе друг к другу, потому что из-за ветра ничего не слышно. «Ей-богу же, нам конец! — уверяет вновь пришедший. — Что могут сделать каких-нибудь сорок человек? Очередная подлость командования, только и всего!» — «Нас продали, продали, продали!» — отвечает Рыжик, и я соглашаюсь с ним.

В это время на дороге слышится шум мотора. В чем там дело?.. Винтовки наготове, ждем сигнала открыть огонь. Сигнала нет. Оказалось, что это наш мотоциклист, он сошел с мотоцикла и направляется к нам. Хорошо, мы не выстрелили...⁵

Снова воцаряется тишина. Минуты тянутся, как часы. Наконец прибегает унтер-офицер: «Взять с собой ранцы и все имущество. На дороге стоят грузовики. Занимайте места быстро и без шума».

В крошечной тьме выходим из рощи. Около меня кто-то, оступившись, проваливается в яму. «Черт бы драл эту войну! Отсюда, того гляди, и ног не унесешь!» Ему помогают вылезти...

В одну машину кидаем свои ранцы и винтовки, в другую, тесно прижавшись друг к другу, усаживаемся сами. Вдруг между сержантом и несколькими солдатами завязывается ожесточенный спор. Обнаружилось, что забыли собаку. Унтер-офицер приказывает ее найти. Никто не идет, и тогда один из солдат не выдерживает: «Видать, дошло уже до того, что готовы и людей погубить, лишь бы найти какую-то паршивую собачонку!»

Грузовик трогается с места. Почти полночь. Ветер утих. На небе ярко сияют звезды. В природе царит покой, ей нет дела до человеческих невзгод...

19 июня

Ехали почти всю ночь. Пересекли спящий Жекс. В темноте даже невозможно было разобрать, эвакуирован ли этот маленький городишко. Двигались по дороге Коллонж — Фор-л'Экюз, потому что ехать на Бельгард небезопасно — город уже занят немцами. Около часа ночи остановились в открытом поле в ожидании отряда, который должен взорвать дорогу на Коль-де-ля-Фосий. Сотни таможенников и республиканских гвардейцев бегут от захватчиков — кто пешком, кто на велосипеде.

Между нашим капитаном и одним из таможенников произошла неприятная стычка: капитан узнал таможенника из Табаньоза, алжирца по национальности, и назвал его обидным для алжирца прозвищем. Тот крикнул: «А ну-ка повтори!» И прежде чем капитан успел ответить, алжирец ударил его по физиономии. Капитан никак не отреагировал. На этом дело и кончилось.

Через три часа подошел грузовик с командой подрывников, и мы двинулись дальше. Было уже светло, когда мы переправились через Рону, из департамента

Эн в Верхнюю Савойю. Утро провели в поле между Вюльбаном и Шеврие. Одни уснули прямо на траве, другие умудрились даже привести себя в порядок, сбрили выросшую за неделю щетину, а кое-кто выпил по бутылочке «перно», добытого прошлой ночью, и, разумеется, опьянел. Жаркое солнце, усталость после бессонных ночей и немного вина — этого оказалось достаточно. Среди пьяных был сержант Беркем, кюре одного из лионских приходов, выпивоха и заядлый курильщик.

В полдень, в самый зной, нам было приказано немедленно построиться в затылок друг другу у выхода из Шеврие, на горной дороге, которая спускается к Кларафону, а затем идет на Аннеси и с которой виден Фор-л'Экюз на противоположном берегу Роны. Выбегавшие из своих домов жители недоумевали, почему такая поспешность. Едва мы, обливаясь потом, прибыли в указанное место, как был отдан уже совсем другой приказ. Возвращаемся обратно в поселок, сворачиваем направо, идем полем, спускаемся к дороге, идущей параллельно той, на которой мы только что были и которая из Коллонжа через мост Карно ведет в Сен-Жюльен.

Вместе с капралом и еще одним солдатом дежурил на берегу ручья, неподалеку от переезда. Если бы появились немцы, что могли бы мы сделать с тремя нашими винтовками? Загадка. А пока что рядом, на соседней поляне, крестьянин с сыном косили траву. Дежурили с двух часов дня до восьми вечера. С наступлением темноты подъехал посыльный и передал, что можно возвращаться в поселок. Там мы наспех поели и с наслаждением заночевали на сеновале. Эта благодатная куча сена останется в моей памяти как самая роскошная постель.

20 июня

Отдых оказался недолгим. В два часа ночи сержант уже поднял меня и вместе с еще одним солдатом послал в караул на главную улицу Шеврие. Смысл этого дежурства абсолютно непонятен. Мой напарник улегся под деревом и проспал всю ночь. До шести утра я в полном одиночестве, с винтовкой на плече, расхаживал по участку, не встретив ни одной живой души. К утру

поселок проснулся: женщины молча несли в сыроварню бидоны с молоком.

В восемь утра нас сменили. Мы выпили горячего кофе и по стопке вина — нас угостил один здешний фермер, ветеран прошлой войны. Он не мог прийти в себя от мысли, что за каких-нибудь шесть недель немцы дошли аж до этих мест, и выражается весьма категорически: «Ясно, что тут вина офицеров, но если офицеры предадут солдат, солдаты должны их расстреливать! — И он заключает: — В общем-то, я же не француз, а савояр».

Только мы вернулись в расположение части, как влетел совершенно обезумевший лейтенант: «Все, кто свободен, — в ружье!» — и схватил пилу и топор. Через пять минут мы под проливным дождем отправляемся на пост. Еще с двумя солдатами нас поставили позади фермы, где сходятся две дороги, обрамленные живой изгородью, из-за которой уже за десять метров никого не увидишь, кто бы ни подошел. Я сказал об этом своим товарищам. «Этот лейтенант совсем тронутый!» — замечает один из них, чуть ли не засыпая на ходу. Под проливным дождем простояли здесь два часа.

Внезапно опять появился лейтенант и приказал нам уходить отсюда и присоединиться к остальным. От товарищей узнали, что и они простояли на своих постах без всякого смысла и толка. Затем мы спустились к железнодорожной линии Бельгард—Анмас до выхода из туннеля, который начинается сразу за виадуком через Рону. «Сегодня получите граматы», — сообщает нам лейтенант. Гранаты? Только двое из двадцати умеют обращаться с ними. Впрочем, гранаты не подвезли, и мы весь день рыли траншеи перед туннелем, рубили тополя и перетаскивали их на железнодорожное полотно. К вечеру нашу группу поделили на две части: одних назначили в караул, а другие пошли спать в сеной сарай, принадлежащий здешнему сторожу — молодой женщине, с которой во всю флиртовали сержант и капрал.

21 июня

Опять почти не спал, потому что в час ночи была моя очередь заступать на пост у входа в туннель. Вре-

мя тянется бесконечно, и ежеминутно приходится делать над собой усилие, чтобы не заснуть.

Сменился в шесть утра. Затопили печь, и я поставил разогреть кофе для нашей группы. Отдохнуть не удалось: сержант приказал мне — в каске и при оружии — сопровождать женщину-сторожа, которая собиралась нести завтрак своему брату, республиканскому гвардейцу, дежурившему на другом конце виадука. Мы шли вдоль железнодорожного полотна, пересекли туннель, потом опять шли вдоль полотна до виадука — все это заняло полчаса. По дороге она рассказала о себе. Ей двадцать один год, она уже четыре года замужем, у нее двое детей. Вдруг она мне говорит: «Сюда я любила приходить в свободное время по воскресеньям погулять с мужем». Местечко здесь действительно приятное: внизу течет Рона, лесные заросли доходят с одной стороны до Фор-л'Эклюза, а с другой — до дороги на Сессель. Потом она заговорила о танцах: «Танцевать я не умею, потому что отец не пускал меня на танцульки». Она очень любит петь. Вдруг моя спутница задает вопрос, который сразу же возвращает нас к трагедии Франции, нашей общей трагедии: «Вы думаете, немцы сюда придут?» Беседуя, мы подошли к виадуку, высоко нависшему над Роной. Никакого республиканского гвардейца мы здесь не застали, и мою спутницу это очень разозлило: только зря прошли.

На обратном пути встретили группу саперов, установивших рогатки. Они насмешливо поглядели нам вслед, как бы говоря: «А парню здорово подвезло — прогуляться по туннелю с такой красоткой...»

И вот мы входим в темный туннель, едва освещаемый фонарем моей спутницы. Мы идем рядом, не произнося ни слова. О чем она думала? Чего ждала? Была минута, когда мне безумно захотелось обнять ее, прижаться к ней губами, погладить ее шелковистые волосы и хотя бы минутой радости вознаградить себя за невзгоды и лишения всех этих дней. Но я не решился: у нее есть муж, дети, к чему все это? Когда мы вышли из туннеля и оказались на вольном воздухе, в лучах яркого солнца, она посмотрела на меня благодарным и нежным взглядом и сказала просто: «Спасибо вам!» Она все поняла...

Товарищи, ждавшие меня на сторожевом посту, чтобы вместе возвращаться обратно, встретили нас шуточками: «Долго же ты, однако, гулял по этому туннелю! Придется еще раз послать тебя на такую прогулку!»

Вернувшись в сарай, я снял с себя снаряжение и прилег на соседней поляне, в тени орехового дерева. Прошло каких-нибудь пять минут. Только-только начал засыпать, вдруг слышу голос: «Послушайте, послушайте!» Я протираю глаза и вижу рядом двух девочек. Одна, высокого роста, улыбается мне во весь рот; другая, ее сестра, помоложе, в смущении не говорит ни слова. Старшая объясняет: «Я была в огороде и увидела, что вы здесь ложитесь. Я сказала маме, а она и говорит: «Скажи ему, чтобы шел к нам, мы его устроим отдыхать на кровати». Пойдемте, ладно?»

Вот так удача! Минут через десять я уже спал на мягком матрасе в помещении, где обычно хранятся семена и удобрения. Часов около двенадцати — громкий возглас: «К оружию, граждане!» Возглас повторяется несколько раз, так что в конце концов я просыпаюсь; рядом со мной стоит человек, который два дня назад угощал нас кофе. Он приглашает меня к столу. В кухне застаю всю семью — хозяйку и трех ее дочерей. Бульон, свежие овощи, салат — этого я не ел с тех пор, как уехал из Гренобля. Угощение превосходное, но мысль о близящейся катастрофе действует угнетающе. Хозяин без конца ругает рабочих, профсоюзы, Народный фронт. Переубедить его невозможно: этот несчастный человек подавлен всем тем, что произошло, и упорствует в своих несправедливых суждениях.

Вторая половина дня, к счастью, прошла веселее. В благодарность за гостеприимство я предложил моим хозяевам помочь им в хозяйственных работах на ферме. С тремя дочерьми мы пошли полоть бобы и свеклу. Время от времени короткая пауза, чтобы передохнуть, стереть пот с лица, утолить жажду глотком домашнего вина, перекинуться словом: «А как в Париже то? А как в Париже это?»

Вечером за семейным столом старшая, Жюлия, показывает мне свои фотоснимки. Они сделаны аппаратом, который отец подарил ей к двадцатилетию. На одной фотографии у солдат не получились ноги, на другой

нет резкости, третья вышла слишком темной и т. п. Чтобы не обескураживать девушку, я не очень придираюсь.

Входит сосед. Он рассказывает, что немцы вошли в Лион и что перемирие будет подписано в Компьене — в том самом месте и в том же самом вагоне, в котором в 1918 году немцы вручили акт капитуляции. «Предательство от начала до конца», — заключает гость.

22 июня

Впервые за неделю как следует выспался, а утром был назначен в караул — охранять мост Карно. Это важный мост через Рону. Он связывает два департамента, расположенные на противоположных берегах реки, — Эн и Верхнюю Савойю. Проходящая здесь дорога идет с одной стороны на Жекс, Коль-де-ля-Фосий и в департамент Юра — этой дорогой мы сюда и прибыли. По нашему берегу она ведет через Сен-Жюльен и Анмас в Швейцарию.

Наша задача — вести наблюдение за населенным пунктом Коллонж, расположенным как раз напротив, по другую сторону реки, откуда могут появиться немцы, если они придут со стороны Жекса. Мы должны обеспечивать прикрытие саперов 4-го саперного полка, которые в случае опасности взорвут мост. Оборона моста обеспечивается со стороны Фор-л'Экюз, лежащего на том берегу, левее Коллонжа, и господствующего над долиной и железнодорожными линиями Бельгард — Женева и Бельгард — Анмас.

Нас здесь всего восемь солдат, один капрал и один сержант. Каждый вооружен винтовкой образца 1886 года и имеет при себе восемьдесят патронов; кроме того, у нас есть старый ручной пулемет. Наш пост находится на холме, в пятидесяти метрах от моста, и едва прикрыт редким кустарником. Днем было тихо. Лишь недолго, всего несколько минут, слышался отдаленный шум взрывов: говорят, что это на железнодорожной линии Бельгард — Женева. Дежурство несем поочередно либо у пулемета, ведя наблюдение за горизонтом, либо пониже, у самого моста.

Вчера был чудесный день, а сегодня погода снова испортилась — льет дождь, вода стекает по нашим каскам, шинели промокли насквозь. Время тянется медленно и монотонно. Под ногами хлюпает вода. Сигарету и ту не выкуришь — ни одной не осталось.

23 июня

Снова нес дежурство у моста с часу ночи до шести утра. Мой напарник Буйу — худощавый, нервный парень. Когда-то он служил в колониальных войсках, был сельскохозяйственным рабочим где-то под Бургом. Буйу не очень общителен, за час не скажет и десяти слов.

Когда мы пришли на пост, человек двенадцать саперов-подрывников из 4-го полка толковали по поводу исчезновения своего командира. «Пропал со вчерашнего вечера!» — говорит один. Другой рассказывает, что по дороге в Бельгард немцы, переодетые в штатское, захватили какого-то сержанта саперных войск и увезли его на автомобиле, так что свои даже не успели опомниться. Посоветовав нам не зевать и быть начеку, подрывники, которых мы сменили, пошли отдыхать. Улеглись они прямо на мокрой траве.

Спустя час я обнаружил, что мой напарник, усевшись на большой камень и зажав в коленях винтовку, спит крепким сном. Я же спилился не заснуть: расхаживал взад-вперед, пристально всматривался в темноту, тщетно пытаюсь различить, что происходит на той стороне моста. Было холодно, ноги у меня промокли, сырая шинель уже не грела...

В четыре утра Буйу проснулся совершенно разбитый. Он немного походил вместе со мной, поддерживая беседу короткими «да», «нет», «может быть». Потом отошел куда-то в сторону. Вдруг я услышал: «Алло, Гренье, поди погляди!» В десяти метрах от моста, за пригорком, на траве спал человек. На рукаве его шинели я заметил сержантские нашивки. «Должно быть, это и есть пропавший», — подумал я. Мы подняли солдат из 4-го полка и рассказали им о своем открытии. Они бросились к спящему. Оказалось, это их командир. Он устроился здесь отдыхать вчера вечером,

никого не предупредив. Между тем только он один имел все инструкции по взрыву моста на случай, если бы вдруг поступил приказ.

Когда после смены мы вернулись к своим, то узнали, что нам придется стоять еще до девяти утра. Солдаты ворчали целый час: «А другие, которые спят в поселке, они чем заняты? Достается всегда одним и тем же». Потом все успокоилось.

В полдень узнаем, что с Германией подписано перемирие, но оно вступит в силу только после заключения перемирия с Италией. Эта весть пришла одновременно с долгожданным табаком и сигаретами.

В час дня внезапно раздается выстрел, а через несколько секунд — мощный взрыв. Солдаты, дежурившие в ночь и только-только начавшие засыпать, мигом вскочили. Спустя две-три минуты — снова отдаленный выстрел, Сомнений нет — стреляют пушки Фор-л'Эклюза. После каждого выстрела ясно виден дым. Так продолжается около часа, затем полная тишина, но ненадолго: через некоторое время снова ружейная стрельба, пулеметные очереди, причем все ближе и ближе. В тревожном ожидании мы насторожились. А сержант наш продолжает спать. Он проснулся чуть ли не к вечеру. Дождь кончился, стало жарко и душно, приближалась гроза.

К концу дня возобновилась артиллерийская канонада. Распространился слух, будто немцы подошли к Фор-л'Эклюзу. Видимо, они были остановлены горсткой солдат, находившихся перед фортom и в самом фортu. Вдруг мы видим суетящихся людей в штатском и ясно различаем женщину в ярко-красном платье, хорошо заметном издали (уж не для того ли, чтобы осведомить противника?). Солнце заходит, а мы по-прежнему на своем посту у пулемета. Никакого противника не видно.

Наступил вечер. Разразилась сильнейшая гроза. Слышна канонада, пулеметные очереди, яркое зарево освещает оба берега Роны... Подкошенный усталостью, я заснул прямо на мокрой земле, положив под голову каску и накрывшись шинелью. Так я проспал два часа и проснулся совершенно продрогший, ооченел до того, что у меня не попадал зуб на зуб, глаза опухли.

Ночью снова заступил на пост около моста — стоял с часу ночи до шести утра вместе с неразлучным Буйу. Дежурство опять было трудным. Болели веки, словно их посыпали перцем. Дождь не прекращался ни на минуту, а укрыться негде — вокруг ни единого кустика. Кромешная тьма, лишь время от времени рассекаемая вспышками осветительных ракет на линии фронта. Артиллерийская стрельба возобновилась, пулеметные очереди слышались очень близко, на другом берегу Роны. Мы насторожились, нервы напряжены, пытаемся угадать, что же там происходит. Глаза резало до того, что я несколько раз смачивал в канаве носовой платок и протирал им лицо. Это помогало, но ненадолго.

В шесть утра явились два наших сменщика, но до отдыха, оказывается, было еще далеко. Дело в том, что наша группа получила подкрепление — двенадцать человек. В восемь тридцать нас в третий раз назначают на пост. Товарищи возмущаются. «Эти мерзавцы готовы нас уморить!» — заявляет один. А другой с искаженным злобой лицом восклицает: «Да они уже обрекли нас на смерти!» Даже спокойный и невозмутимый Буйу и тот ворчит, что ему это осточертело.

И тем не менее сознание дисциплины берет верх над усталостью: когда было приказано занять новые позиции, все подчинилось. Позиции оказались посреди поля, в высокой некошенной траве и на сей раз ближе к форту, нежели к мосту. Шли мы туда молча, еле переступая ногами, в голове пустота... На новом месте пули свистели совсем рядом, такое же глухое посвистывание я однажды уже слышал три года назад в республиканских траншеях Карабанчеля, под Мадридом (во время поездки в республиканскую Испанию в составе дружественной делегации). Кто стреляет — гарнизон форта или немцы? Шальные пули или прицельный огонь? Прижимаемся к земле, но пулеметная стрельба переместилась куда-то дальше, а орудия форта, по-видимому, стали стрелять по более далеким целям. Опять наступила тишина, а с нею вернулось и ощущение усталости: я уснул на траве. Проснулся только в полдень, когда начали раздавать пищу.

Снова зарядил проливной дождь. Около трех часов приказ: всей роте перейти мост и на противоположном берегу занять Коллонж. Снимаемся с места и двигаемся гуськом. Там, где проходила лесная тропинка, теперь мокрая, скользкая грязь. Выходим на дорогу, дождь усилился, и четыре километра мы шагаем, поливаемые потоками воды. С каски течет как из ведра...

Когда мы подошли к предназначенной нам для жилья постройке, дождь прекратился, но мы уже успели промокнуть от воды и пота. Шинель, куртку, рубаху, нижнее белье, ботинки — все можно было выжимать как губку.

На улицах Коллонжа местные жители, таможенники, жандармы беседуют с военными, обмениваются впечатлениями. В шесть вечера узнаем, что, хотя перемирие уже подписано, огонь будет прекращен только в полночь. Кафе в Коллонже переполнены — люди ищут забвение в вине.

Мне повезло: я познакомился с одним местным жителем, и он пригласил меня к себе погреться. Жена его — бывшая учительница, вышедшая на пенсию. Сын, альпийский стрелок, был мобилизован в Эльзасе, потом служил в экспедиционном корпусе в Норвегии, затем попал в Англию, а его часть вернулась на Сомму, но родители целый месяц ничего не знали о своем сыне. Мы говорили о войне, о разгроме. Эти славные люди полностью согласны с моими доводами. Они надеются на то, что только Россия сможет восстановить положение.

В десять вечера я улегся на сеновале, но мне не спалось: беспрестанное хождение, сквозняк, мокрая одежда, еще не просохшая после дневного душа, тяжелые мысли — все это не давало мне уснуть.

25 июня

Утром навестил семью Олье, вчера оказавшую мне такое сердечное гостеприимство. Отрекомендовался: «Фернан Гренье, депутат-коммунист от Сен-Дени». Потом в разговоре разъяснил кое-что из того, о чем говорил вчера во время нашей беседы. Они пригласили меня завтракать и предложили перепочевать у них.

Хозяйка даже изъявила готовность выстирать мое белье.

Самое главное: узнал от них, что муниципальный советник Бертье, коммунист, сохранивший верность нашей партии и лишенный за это мандата, живет здесь по соседству. Я тут же направился к нему. Он оказался гаможенным служащим, ныне пенсионером. Красивое, благородное лицо, открытый взгляд и седые усы, совсем как у Марселя Кашена. Обсудили с ним положение, и оказалось, что мы абсолютно единомышленны. Главную причину разгрома он тоже видит в антисоветизме и антикоммунизме. Бертье пригласил меня поужинать. В его лице я как бы вновь обрел свою партию, которой мне так не хватало после отъезда из Лавалья.

Зашел в расположение роты справиться о новостях и узнал, что завтра в семь утра мы возвращаемся на наше прежнее место, в Шеврие, по ту сторону Роны.

26 июня

В расположении роты делать совершенно нечего, и, так как снова выглянуло солнце, я предложил свои услуги Вюишару, фермеру, о котором уже упоминал. Всю вторую половину дня полел у него свеклу. Он позвал меня обедать, и за столом между нами разгорелся горячий спор. Вюишар упрямо твердил свои «аргументы» о причинах поражения: «Это все рабочие, которые заняли предприятия и требовали оплаченных отпусков... Всех коммунистов надо расстреливать... Блюм — австриец... Коммунисты припрятали свои деньги в Швейцарии... Франция прогнила насквозь... Впрочем, я не француз, я савояр...» Когда я пробовал возражать и заявил, что сам являюсь коммунистом, его просто взорвало. Он едва попрощался со мной. Дочери были ошеломлены поведением отца.

27 июня

Мы находимся здесь, в неоккупированной зоне, в соответствии с условиями перемирия, но наш капитан не доверяет немцам. «Они займут Коллонж, это граница

оккупированной зоны, — сказал он нам вчера вечером, — а если им взбредет в голову перейти мост и занять Шеврие, все мы угодим в плен. Лучше бы между нами было расстояние километров десять. А вы как считаете?» Все согласились.

Ночью наши солдаты патрулировали местность на случай, если противник перейдет в неоккупированную зону. В четыре часа утра нас подняли, мы сложили свои вещи и пешком отправились в Монс, в пятнадцати километрах от Аннеси, куда прибыли через четыре часа. Впервые за несколько недель я смог купить газету «Пти дофинуа». В ней напечатаны условия перемирия, делается попытка как-то их оправдать.

28 июня

Все утро убрали с дороги заграждения — рогатки, бревна, мешки с песком. Главная тема разговоров — когда демобилизация.

К вечеру начал приводить в порядок свои записи — этим необходимо было заняться. Правда, события последних двух недель настолько врезались в память, что я легко мог восстановить их во всех подробностях. Написал Андрэа в Сен-Дени, а также в адрес «почтового ящика», благодаря которому я имел возможность с начала войны поддерживать связь с подпольным руководством общества «Друзья СССР», а через него и с партией. Необходимо выяснить, возвращаться ли мне в оккупированную зону или оставаться здесь.

29 июня

Сегодня утром кафе «Шарвоз», принадлежащее здешнему мэру, было полно, но у меня в кармане ни гроша. Спросил у капитана разрешения устроиться на работу в Монсе или где-нибудь поблизости с условием, что буду навещаться в роту. Он не возражал.

Крестьянин из Шеврие дал мне адрес своего родственника, и я направился в Шессеназ, потом в Эри — это горная деревушка, всего около десятка хозяйств. Жан-Леон Шомонте, человек на вид уже пожилой, встретил меня очень любезно. Сын его мобилизован, и

он жалуется, что виноградник совсем заброшен, сено еще не косили. Я предложил ему свою помощь.

— А какая у вас профессия?

— Я служил счетоводом в магазине «Самаритэн».

— Работа полегче крестьянской... А что вы умеете делать?

— Если человек хочет, он всегда может принести пользу!

Хозяин долго раздумывал, прежде чем на что-то решиться.

— Ну, а сколько вам платить?

— Это уж ваше дело.

Снова длинная пауза. И наконец:

— Я буду вас кормить, будете жить у меня и получать в день пятнадцать франков.

Договорились. Завтра утром приступаю к работе.

30 июня — 6 июля

Первые дни мне было очень тяжело: на открытом горном плато, под палящими лучами солнца, от которых некуда укрыться, я вырывал из земли кусты чертополоха, переросшего виноград, сорную траву, дробил твердую как камень землю. Работал с шести утра до двенадцати дня с получасовым перерывом на завтрак тут же, в поле, и потом с двух до восьми вечера с перерывом на обед, то есть в общей сложности одиннадцать часов в сутки. Совершенно разбитый, я с трудом вставал по утрам, но через два дня втянулся.

После прополки виноградников пошло сено: я переворачивал скошенную траву, собирал ее в кучи, нагружал и разгружал повозки. Небольшие покосы расположены далеко один от другого, дороги здесь каменистые, но все равно это куда легче, чем работа на виноградниках...

Кормили просто, но сытно. Утром, в половине шестого, — кофе; в восемь — кружка молока с хлебом; в двенадцать дня и вечером — по стакану вина прямо из погреба, салат, крутые яйца, картошка, овощи, кусок сыра; в четыре часа — хлеб, сало, сыр; все это приносили в корзинке прямо на место работы; в девять вечера — тарелка супу, сало, сыр. Масло и мясо не

едят — в хозяйстве двенадцать коров, и все молоко сдается на сыроварню. Раз в неделю за молоко получают деньги — расходы на масло уменьшили бы выручку. Таким образом, питаются почти исключительно тем, что производят у себя в хозяйстве: овощами с огорода, птицей, свининой...

Семья Шомонте состоит из отца, маленького сторбленного старика, крепкого, как старая виноградная лоза, но совершенно беззубого, так что есть он может только жидкую пищу; он генеральный советник в своем кантоне. Его жена — полная женщина, отличная хозяйка, строгая к себе и своим детям. Дочь Мария, двадцати одного года, очень худенькая бледная девушка, чуть заносчивая; она секретарь организации католической молодежи здешнего прихода. Деятнадцатилетняя Алиса — девушка, рано поблекшая от непосильного труда; она работает как вол, не дает себе передышки ни на минуту, не отвечает на реплики, равнодушна к шутке. Деятнадцатилетний Жожо в детстве перенес «испанку» и в результате осложнения стал инвалидом: перекошенная набок голова, беззубое лицо, на котором светятся умные глаза, скрюченные руки и ноги. Целыми днями он сидит в кресле, и мать кормит его с ложечки, как младенца; говорит он с трудом, и то, что пытается сказать, понять невозможно. И наконец, сельскохозяйственный рабочий, итальянец Пигре, мой ровесник, работяга и весельчак.

Все в доме идет по издавна заведенному обычаю. Всем командует и распоряжается отец, его слово непререкаемо. Когда большие старинные часы бьют десять, все уже знают, что надо идти спать.

За столом, разумеется, разговор шел о поражении. Хозяин отстаивает то же мнение, что и его родственник из Шеврие, г-н Вюншар, хотя и не столь рьяно. Он возмущен беспорядком, отсутствием твердой власти, расточительством, спекуляцией: «Чем продавать яйца по пять франков за дюжину, пусть они лучше протухнут... — Потом он спохватывается и добавляет: — Или полежат до зимы». Ему не поддакивают и, уж конечно, не возражают.

Совершенно невольно я внес какую-то перемену в обычную, устоявшуюся, даже гнетущую жизнь этой семьи. Симпатию к себе я завоевал сразу. Когда

в первый же вечер отец Шомонте как бы невзначай зашел на свой виноградник, он смог убедиться, что не зря платит «парижанину» пятнадцать франков. Вернувшись после работы с поля, прежде чем сесть за стол, я как следует умылся, снял с себя потную рубашку и надел чистую.

— Уж вы, парижане, любите целую историю из этого устраивать! — сказал мне хозяин.

— Ну что ж, вода денег не стоит, да и времени много не надо: пять минут — и готово. Зато чувствуешь себя куда свежее!

Днем, после обеда, — час отдыха. Перед тем как пойти прилечь, я простирнул свою рубашку и повесил ее на солнце сушиться. Но на третий день я всех поразил. Вечером во время ужина обычно включали радио, чтобы послушать последние известия, и тут же выключали — «для экономии электричества»: таков был приказ хозяина. Я об этом не знал и, встав из-за стола, подошел, повернул ручку репродуктора и сказал смеясь: «После трудового дня приятно послушать музыку!» Подобная дерзость очень удивила женщин, и они с некоторым беспокойством ждали, как будет реагировать на это глава семьи. А он либо опешил, либо просто был в хорошем расположении духа и потому неожиданно сказал: «Ну что ж, слушайте на здоровье!»

На другой день опять новшество. Два дня хозяйка и дочери ходили на сенокос вместе со мной и итальянцем. Домой они возвращались на час раньше, чтобы успеть приготовить к столу, а перед сном им еще надо было перемыть и убрать всю посуду. Женщины явно очень уставали. Так как у себя дома я привык помогать жене по хозяйству, я взял полотенце и стал вытирать посуду. Набравшись храбрости, Пигре последовал моему примеру. Никогда не забуду, каким осуждающим взглядом смотрел на меня хозяин! Было очевидно, что, по его мнению, мужчина, выполняющий женскую работу, умаляет свое достоинство.

Я отметил эти ничтожные подробности потому, что впервые в жизни мне довелось побыть в шкуре крестьянина, обитателя тех маленьких горных селений, где люди живут почти так же, как спокон веку жили их деды и прадеды...

7 июля

Сегодня, в воскресенье, на ферме день отдыха. Вся семья пошла к обедне, а я направился в Монс и в ротной канцелярии узнал, что завтра мы перебираемся на новое место.

Я вернулся на ферму проститься с семьей Шомонте и взять свои вещи. Просто чудо: хозяин заплатил мне сто франков вместо девяноста, причитавшихся за шесть дней, и сказал: «Очень жаль, будем по вас скучать! Ведь мы к вам привыкли!» В общем, это неплохие люди, беда в том, что они целиком в плену своих обычаев и предрассудков.

8 июля

В восемь утра отбыли в Шен — местечко в пяти километрах от Монса. Снова пошел дождь. Вокруг поселка установили заграждение, чтобы обозначить границу неоккупированной зоны...

Из газеты узнал, что Бове, Ренн, Тур, Блуа, Дюнкерк сильно пострадали в результате немецких бомбежек и что общий ущерб, понесенный Бельгией и Северной Францией, оценивается в 100 миллиардов франков.

Масштабы поражения можно себе представить также исходя из количества взятых в плен французских солдат и офицеров: оно составляет 1 миллион 800 тысяч человек; большинство из них поместили в лагеря на территории Франции.

Хочу отметить несколько фактов. Меры, принятые англичанами, чтобы помешать немцам воспользоваться французским флотом, служат предлогом для ожесточенной антианглийской кампании. Против Германии уже ни единого слова. «Пти дофинуа» даже всерьез принимает громкое заявление Гитлера, что он не собирается использовать французские военные корабли. Все, о чем пишет газета, производит такое впечатление, будто французский народ готовят к войне с Англией.

Раболепием перед завоевателями пронизаны и дебаты в Виши по поводу передачи полномочий маршалу Петэну для обнародования новой конституции. Пьер Лаваль, «человек с белым галстуком и черной

совестью», как охарактеризовала этого негодяя наша «Юма», кооперируется с другим проходимцем, депутатом Адриеном Марке, мэром Бордо. Такие великие слова, как «Родина», «Труд», «Семья», служат лишь ширмой для установления диктатуры и присоединения Франции к «оси» Рим—Берлин. Те, кто громче всех кричит о злоупотреблении и парламентской коррупции, как раз более других и нагрели себе руки...

А Россия между тем проводит свою собственную независимую политику. Она вернула себе Бессарабию и Буковину; трудящиеся города Черновцы с триумфом встретили Красную Армию. Русские вовремя разгадали недостойную игру Лондона и Парижа, поставившую нас в такое тяжелое положение. Они поняли также и происки Берлина. Пусть же Советский Союз быстро развивается во всех областях — в этом непосредственно заинтересован рабочий класс во всех странах мира!

9 июля

Сегодня я в карауле на границе между двумя зонами. Объявлено о демобилизации сельских хозяев в возрасте старше двадцати четырех лет, проживающих в неоккупированной зоне.

Уже больше месяца от Андрэа нет писем.

10 июля

Сегодня утром во время моего дежурства произошло следующее. К заставе на большой скорости подкатила немецкая военная автомашина с двумя офицерами и двумя солдатами. Немцы потребовали, чтобы их пропустили в Бомон, в трех километрах отсюда. Один из офицеров немного говорил по-французски, а я мобилизовал все свои слабые знания немецкого, чтобы объяснить им, что проезд закрыт, так как здесь проходит граница между двумя зонами. Офицеры продолжали настаивать, но я не поднимал шлагбаум, и машина вынуждена была повернуть назад. Весь день в нашем подразделении из пятидесяти человек и среди трехсот

жителей местечка только и было разговоров, что об этом случае.

Прочитал в «Пти дофинуа», что в Виши самые рьяные поборники «демократических свобод» предоставили маршалу Петэну неограниченные полномочия для изменения конституции.

11 июля.

Уже в течение десяти дней двое из нас ждут выдачи табака, а четверым не заплатили жалованье за вторую половину июня. На все наши требования сержанты отвечают всевозможными отговорками или ссылаются на ротную канцелярию. Она находится в Ванзи, в четырех километрах отсюда. Для очистки совести сегодня во вторую половину дня, несмотря на дождь, я потащился в канцелярию. Сдержанно, но решительно я заявил каптенармусу, что если у солдат есть обязанности — подчиняться приказам своих командиров, то есть у них и права — вовремя получать табак и свое ничтожное жалованье. Каптенармусу пришлось посчитаться с фактами: в платежных ведомостях не оказалось наших росписей, но денег в канцелярию ни один сержант не возвращал. Каптенармус связался по телефону с Шессеназом; сержант Балансиа клялся и божился, что выплатил деньги всем. Я попросил дать мне ведомости и вернулся в Шен. Здесь я разыскал сержанта Баркена, и тот признался, что он действительно задержал жалованье двух солдат, после чего те сразу же получили свои деньги. Завтра придется найти сержанта Балансиа, не расплатившегося с двумя другими.

12 июля

Наше жалованье действительно «застряло» у сержанта Балансиа. Этот «накостник», как называют его солдаты, за короткий срок получивший несколько повышений, не обнаружив никаких особых талантов, в конце концов вынужден был признаться, что деньги он не отдал. Но чтобы добиться того, что нам причиталось,

моему товарищу пришлось идти в Ванзи, в канцелярию роты. Если бы мы сидели сложа руки, подлюга сержант так бы и прикарманил наши деньги.

Вечером нас сменило какое-то пехотное подразделение. Из Шена мы перебрались в Монс, где производится оформление демобилизационных документов.

13 июля

У сельских хозяев старших возрастов при оформлении демобилизации были взяты отпечатки пальцев. Потом их направили во Франжи за вещами и денежным пособием. В кафе до поздней ночи распевали песни — это веселились те, кто снимает с себя форму и идет домой.

14 июля

В половине шестого утра на демобилизационный пункт отбыла вторая группа сельских хозяев. Численность роты сократилась наполовину — в ней осталось девяносто человек; они и приняли сегодня участие в церемонии, посвященной национальному празднику. Я оказался в составе подразделения, которое продефилировало мимо памятника погибшим, около церкви во Франжи. Собралось около ста человек. Мэр, запинаясь, произнес весьма бледную речь. Через час мы уже были в расположении части.

Днем сходил в Эрри-Шессеназ узнать у Шомонте, сможет ли он снова взять меня на работу после моей демобилизации. Дело в том, что до возвращения в Сен-Дени мне придется ждать здесь вестей от Андрэа и указаний партийного руководства. Так что лучше это время поработать на ферме: я буду получать ежедневно пятнадцать франков, избавлю себя от томительной скуки и к тому же вдоволь надышусь свежим воздухом. Работа будет, конечно, нелегкой, но это меня не пугает... Хозяин долго не раздумывал, тем паче что сейчас время сбора урожая, а его сын, находящийся в армии, до сих пор не вернулся.

Был в канцелярии, оформлял свою демобилизацию. Другие тоже. В ожидании счастливого дня товарищи гуляют, сидят в кафе, скучают. Почти все они льютцы или савояры. В последние дни им стали приходить письма из дому. Счастливчики! Последнее письмо от Андреа было от 6 июня — прошло почти полтора месяца. Что с ней? Где находятся ее братья, что с моими товарищами, с которыми до этих печальных дней я поддерживал регулярную переписку?

Чтобы убить время, читаю «Пти дофинуа» с первой до последней строки. Таким образом, имею возможность на досуге следить за тем, чем же занято правительство Петэна — Лавалья. Ежедневная газета провинции Дофине недавно опубликовала серию гневных статей, направленных против парламентской коррупции. Газета, разумеется, забыла упомянуть о том, что дважды за последнее десятилетие парламентская группа коммунистов устами Поля Вайян-Кутюрье тщетно требовала запретить депутатам заниматься адвокатской практикой или занимать административные посты в акционерных обществах. Газета умолчала и о том, что депутаты-коммунисты, в кампании против которых она наряду с другими газетами участвовала всего полгода назад, вносили две трети своего депутатского жалования в партийную кассу и ни разу не запятнали себя участием в какой-либо политической или финансовой афере. Делая упор на парламентскую коррупцию, «Пти дофинуа» пытается избавить от ответственности генералов, буржуазию и ее прислужников, цель которых, выраженная в словах: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт», — теперь осуществляется на практике.

Кто же те новые люди, которым курит фирмам эта газета? Петэну восемьдесят три года, и он окружает себя политическими проходимцами, способными на любую низость, такими, как Лаваль, Деа, Марке, Бержерри... Какую конституцию они нам преподнесут? «Пти дофинуа» не стесняется писать об этом открыто: конституцию, скопированную с немецкого или итальянского образца.

Петэн добился полномочий. Устанавливается режим личной диктатуры. В своей речи по радио маршал

заявил, что он «добьется прекращения раздоров в обществе и установит порядок на предприятиях и на фермах». Впредь мы будем лишены не только народных представителей, избираемых всеобщим голосованием, но даже муниципальных советников и тех будет назначать сам Петэн. Заработная плата будет устанавливаться распоряжением сверху. Для предпринимателей наступают хорошие времена, а назначение Рене Белена, самого ярого антикоммуниста из числа генеральных секретарей ВКТ, «министром труда» отнюдь не гарантирует защиты интересов трудящихся. Республиканский девиз «Свобода, Равенство, Братство» заменяется девизом «Труд, Семья, Родина».

Эта так называемая «национальная революция» совершилась без малейшего противодействия со стороны пресловутых поборников демократических свобод. Восемьдесят депутатов и сенаторов проголосовали «против» (в том числе 36 социалистов и 27 радикалов), но 569 остальных маршировали в ногу как один человек. Для вящей убедительности Лаваль им пообещал, что до провозглашения новой конституции им будет сохранено их депутатское жалованье.

Таким образом, Франции уготован гитлеровский террор в оккупированной зоне и диктатура человека, всецело преданного захватчикам, в так называемой «свободной зоне». История воздаст им по заслугам. История произнесет еще свой справедливый приговор. Для Франции начинаются трудные времена. Мы боролись против политики, которая привела нашу страну к катастрофе. Мы будем бороться и против политики, которую навязывают нам сейчас. Путь укажет нам партия. Так сохраним же нашу непоколебимую веру в будущее!

(Конец дневника)

На другой день меня демобилизовали. Несколько недель я работал на ферме у Шомонте, вел крестьянскую жизнь. Тут я в начале августа получил письмо от Жермены Баржон. «Семья просит тебя вернуться как можно скорее», — писала она, под словом «семья» подразумевая, конечно, партию. Пришло письмо и от Андреа, которая возвратилась в Сен-Дени, — она тоже ока-

залась в числе беженцев и нашла пристанище у товарищей в Байонне. Андреа также писала мне о желании «семьи». Через несколько дней в Аннеси был сформирован специальный эшелон для репатриации демобилизованных жителей оккупированной зоны. Двое суток пути — и я вновь среди товарищей в Сен-Дени. Тут я сразу мог убедиться, насколько же я был прав, заканчивая свой дневник выражением веры в будущее. Как я писал в своей книге «Вот как это было»¹, по возвращении в Сен-Дени я убедился, что «товарищи приступили к восстановлению партийных ячеек, распавшихся в период массового отступления... В ряде районов города они распространяют выходящую подпольно газету «Юманите». В Сен-Дени и его окрестностях имеется несколько ротаторов, на которых печатаются листовки...»

Борьба продолжалась.

Сен-Дени, октябрь 1968 — март 1969 года.

Борн-ле-Мимоза (у Эжена Энаффа), февраль 1969 года.

¹ Эта книга содержит мои воспоминания о 1940—1945 гг. Вместе с книгой «Герои Шатобрана» она, по существу, служит продолжением «Дневника «странной войны» («Вот как это было», М., 1960; «Герои Шатобрана», М., 1962).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Этьен Фажон.</i> Предисловие к французскому изданию	7
Как у меня возникла мысль вести дневник	17
<i>Глава I.</i> Нежданный конец путешествия	23
<i>Глава II.</i> Война объявлена	28
<i>Глава III.</i> Из Бержерака в Лаваль через Мец	35
<i>Глава IV.</i> «Странная война»	49
<i>Глава V.</i> Война против... избранных народа	107
<i>Глава VI.</i> Шестьдесят дней в Гренобле	148
<i>Глава VII.</i> Разгром	206

ФЕРНАН ГРЕНЬЕ

Дневник «странной войны»

Художник В. Щербakov

Художественный редактор Л. Шканов

Технические редакторы А. Фирсова, Г. Живрина

Корректор А. Никитина

**Сдано в производство 2/X-1970 г. Подписано к печати
4/II-1971 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Бум. л. 4¹/₈ печ. л. 13,86.
Уч.-изд. л. 12,50. Изд. № 7/11661. Цена 46 к. Зак. 800.**

Издательство «Прогресс»

**Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 21**

Ордена Трудового Красного Знамени

Ленинградская типография № 2

имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома

**Комитета по печати при Совете Министров СССР
Измайловский проспект, 29**

Цена 46 коп.

Фернан Гренье — видный деятель Французской коммунистической партии и международного рабочего движения. Во время второй мировой войны был мобилизован во французскую армию, после капитуляции Франции находился в концентрационном лагере, откуда бежал и стал одним из активных участников движения Сопротивления во Франции. Неоднократно избирался депутатом Национального собрания Франции. Советским читателям Фернан Гренье знаком как автор ряда работ, посвященных героической борьбе Французской коммунистической партии в период Сопротивления, а также событиям в Советском Союзе. На русском языке были изданы следующие его книги: «Вот как это было» (1960), «Герои Шатобрена» (1962), «Советский Союз в ритме эпохи» (1968). Все они были тепло приняты читателями.

Новая книга Гренье «Дневник «странной войны» посвящена сложному в истории Франции периоду, который до сих пор вызывает острую полемику между прогрессивными и реакционными историографами. В многочисленных буржуазных исследованиях этот период французской истории сознательно фальсифицируется.

Книга Ф. Гренье — хроника событий с сентября 1939 по август 1940 года, когда автор находился в рядах французской армии. Она дает верное представление о жизни страны, и особенно ее армии, в период полной бездеятельности французского правительства, практически не принимавшего никаких мер для организации отпора фашистской агрессии. «Дневник» воспроизводит картину антисоветского и антикоммунистического психоза, царившего в то время во Франции. Из него явствует, что французское правительство вместо активных действий против гитлеровской Германии вело подлинную войну против Французской коммунистической партии и проводило двуличную политику в отношении Советского Союза.

